

Элизабет Чендлер

Идеальная
пара

любимые книги
девушек

Чендлер Элизабет. Идеальная пара //Олимп, АСТ, Москва, 2000
ISBN: 5-17-004701-0, 5-8195-0386-4
FB2: , 132640005802389348, version 1
UUID: {42A9953B-22AB-4A53-9D64-B79BF04FC6A1}
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 16, 2023

Элизабет Чендлер

Идеальная пара
(Любовные истории для подростков #12)

Эта книга о любви — обычной и необыкновенной. Их трое — две девушки и парень. Любовный треугольник? Не совсем...

Содержание

#1.....	.0006
#2.....	.0006
1.....	.0007
2.....	.0013
3.....	.0019
4.....	.0027
5.....	.0033
6.....	.0039
7.....	.0046
8.....	.0052
9.....	.0061
10.....	.0069
11.....	.0074
12.....	.0080
13.....	.0087
14.....	.0095
16.....	.0107
17.....	.0112
18.....	.0117
#20.....	.0123
#21.....	.0124

**Элизабет Чендлер
ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА**

Я взяла себе газировки и чипсов и села понаблюдать, как несколько девчонок окружили какого-то парня. Мне были видны только его ноги, его мускулистые, потрясающие ноги.

— Неплох, да? — сказала девчонка, присаживаясь рядом со мной.

— Да, ноги у него ничего, — ответила я.

Она засмеялась:

— А все остальное еще лучше. Широкие плечи, отличный зад. А глаза такой голубизны, что просто дрожь по коже.

— Он с кем-нибудь встречается? — поинтересовалась я.

— Нет, насколько я знаю. Он недавно переехал сюда из Пенсильвании. Его зовут Джек Райдер.

Я захлебнулась. Газировка так сильно ударила мне в нос, что глаза заслезилась.

— Ты сказала — Джек?

Она кивнула в ответ, и несколько прядей волос упало ей на лицо.

Как по команде, группа девчонок неожиданно расступилась. Джек поймал на себе мой взгляд и широко улыбнулся:

— Привет, Карли!

— Привет, Джек.

Это было все, что мы сказали друг другу в этот вечер, но каждый раз, когда мы сталкивались друг с другом на вечеринке, он улыбался. Улыбка на его губах была почти незаметной и какой-то таинственной, но самое главное, улыбались его глаза, и эта улыбка была просто ослепительна. Ну, я хочу сказать, так это, должно быть, выглядело в глазах этих девчонок на вечеринке.

1

Знак на дверях «Экспресс-покупок» гласил: «Туфли и рубашка обязательны». Я посмотрела на себя: ремешки туфель сверкающими змейками обвивали мои лодыжки, а выходное платье с оборками было настолько пышным и накрахмаленным, что казалось, оно вот-вот пустится в пляс. Ужаснее платья я еще не видела. Интересно, почему я в нем и что я делаю в «Экспресс-покупках»? И тут мой взгляд упал на надписи, возвещающие распродажу: «Купите один предмет, второй вы получите бесплатно!»

Войдя в магазин, я схватила корзину для покупок и направилась к первому ряду. Полки были заполнены... парнями. То же самое было и в других рядах: со всех полок, выставленные словно коробки с мюсли, на меня смотрели, ухмыляясь, парни всех размеров и видов. Брюнетки и блондины, атлетически сложенные и не очень, парни в смокингах и парни, застывшие в позе куклы — друга Барби.

— Спасибо, что позвала меня с собой, — сказала моя подруга Хезер. Я посмотрела через плечо. На Хезер было надето очень короткое сексапильное красное платье, и она толкала перед собой огромную продуктовую тележку.

— Не за что, — ответила я ей, взяла с полки одного симпатичного паренька и бросила его к себе в корзинку. С быстротой молнии Хезер выудила парня из моей корзинки и переложила его в свою тележку. Я потянулась за другим. Хезер выхватила и его. Я снова потянулась за парнем, и все повторилось. Я бросилась бежать по проходам, хватая с полок парней. Хезер не отставала. Вскоре я бежала так быстро, что уже не различала их лиц. На мне все еще было это ужасное платье, но вместо туфель на ногах почему-то оказались ролики. Я неслась между рядами, хватая парней и бросая их в корзинку, хватая и бросая — одного за другим, и каждый раз моя корзинка оказывалась пустой, а тележка Хезер неуклонно наполнялась. Ярость подстегивала меня, и я ехала все быстрее и быстрее, держа в руках свою старую хоккейную клюшку и расчищая ею полки. Хезер следовала за мной по пятам.

— Я больше этого не выдержу! — неожиданно заорала я. — Забирай их. Бери их всех. Они все твои, Хезер!

Я бросила свою корзинку и клюшку у автомата для продажи жвачек, который был заполнен маленькими бутоньерками для выпускных костюмов, и бросилась к выходу. Хезер проследовала за мной, наверное надеясь на распродажу на улице. Она не расплатилась. Ее никогда не волновало, сколько стоят вещи. Тут же включилась сигнализация магазина. Она пронзительно вопила и редела, как будто бы находилась в нескольких дюймах от моего уха.

Так оно и было. Не открывая глаз, я оторвала голову от подушки, выключила будильник и, не удержав его, уронила на пол перед кроватью. Я ощущала слабость во всем теле. Какой кошмар! Кошмар? Я почувствовала угрызения совести. Ведь Хезер моя лучшая подруга.

— И сколько еще будет звенеть этот будильник? — простонала моя сестра.

Я открыла один глаз и уставилась на ее кровать. Джоэль приподняла голову, ее мягкие короткие волосы торчали во все стороны. Они были того же цвета, что и мои, — рыжие, но коротко подстрижены по последней моде. Прическа придавала ей особенно молодой вид — слишком молодой, чтобы быть беременной. Но Джоэль была беременна, потому-то она и вернулась домой, проучившись в колледже всего год. Мне семнадцать лет, я на два года моложе ее, но мне кажется, что у меня уже сейчас гораздо больше здравого смысла, чем будет у моей старшей сестры лет в сорок семь.

— Ну сколько еще? — продолжала ныть Джоэль.

— А сколько он уже звенел? — спросила я.

— Четыре раза.

— Четыре!

Значит, было уже, по крайней мере, восемь часов. А у меня собрание в восемь тридцать. Я вскочила с кровати, наступив на какую-то металлическую деталь будильника, и, вопя от боли, на одной ноге допрыгала до стула, где была свалена чистая одежда. Я стала лихорадочно рыться в ней в поисках того, что могла бы сегодня надеть. Совсем не так я представляла себе начало моей летней работы в лагере «Санберст».

— Не забудь застегнуться, — крикнула мне вдогонку сестра, когда я выбежала из комнаты, натягивая на себя шорты.

Я потратила в ванной ровно столько времени, чтобы успеть заметить, что мои карие глаза похожи на два замутненных пруда, а длинные рыжие волосы совершенно невозможно уложить из-за высокой влажности. Сбежав вниз по лестнице, я схватила рюкзак, в который сложила все необходимое еще накануне вечером, и вытащила из шкафа свой велосипедный шлем. Запихивая волосы под шлем, я размышляла, как бы мне сделать так, чтобы не снимать его на протяжении всей встречи.

Я знала до малейших подробностей дорогу до Кёрбисмит-колледжа, где моя мама преподавала с тех пор, как мне исполнилось четыре года, и где находился лагерь «Санберст». Я пронеслась три мили аллей и дворов на такой скорости, будто бы участвовала в велогонке «Тур де Франс», едва не сбив при этом шнауцера, белку и бегуна. Но, прикинув, что это бы составило лишь один несчастный случай на милю, я успокоилась. Было двенадцатое июля, стояла ужасная жара. По мне ручьями струился пот. Поэтому я вовсе не была против, когда какой-то мужчина включил свой поливочный шланг на полную мощность как раз в тот момент, когда я пересекала его лужайку, чтобы достичь своей заветной цели — дыры в заборе, через которую я всегда проникала в

колледж.

Но как бы стремительно я ни мчалась на велосипеде, я не могла избавиться от воспоминаний о своем ночном кошмаре. Перед глазами мелькали, как солнечные зайчики, отрывки моего сна, а также воспоминания о двойном свидании предыдущим вечером и о школьном бале. Все это мне хотелось поскорее забыть. Прошлым вечером это были Тим и Хезер, на выпускном — Тейлор и Хезер, на соревнованиях по баскетболу Бо и Хезер — одна и та же история, только парни разные. В эту формулу надо было лишь вписывать имя: с кем бы я ни встречалась, впоследствии он обязательно становился парнем Хезер.

И как я могла их обвинять? Хезер очень изящная, у нее голубые глаза, и она блондинка. У нее серебристый смех, длинные ноги и красивая шея танцовщицы. Совершенно незаметно моя застенчивая щебетунья-подружка превратилась в прекрасного лебедя. А я всегда была больше похожа на дружелюбного дятла, на дятла с большой рыжей головой.

Съезжая по ступенькам длинной лестницы, ведущей к студенческому центру Кёрбисмит, я размышляла о том, как несправедлива жизнь, сделавшая меня похожей на рыжеголового дятла. В последний раз я съезжала по лестнице на велосипеде, когда была ребенком, и уже забыла, как нарастает скорость и замирает сердце на том крутом повороте у подножия лестницы. Неожиданно я поняла, что стремительно несусь на девушку и парня с гитарой. Оба обернулись, услышав шум. Девушка прижалась к стене, а парень бросился в кусты, обняв гитару, как ребенка.

Я стрелой пронеслась между ними. Тормоза завизжали, я наконец смогла остановиться и вернулась, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. На меня смотрели две пары разъяренных глаз.

— Извините, — выдохнула я. — Извините. Я забыла о последнем повороте. Наверное... наверное, я давно этого не делала.

— В таком случае, — сказала девушка, — тебе следует пойти потренироваться в супермаркет. Там есть все, что надо — и лестницы, и эскалаторы.

Девушка была темнокожей, с высокими скулами и миндалевидным разрезом глаз — совсем как у Клеопатры. Экзотическая южная внешность не мешала ей холодно смотреть на меня. Я не обиделась на ее колкие слова. В конце концов, не обладай они такой реакцией, мы бы все сильно пострадали. Но мне совсем не нравилось, как смотрел на меня парень. Его темно-голубые глаза скользили по мне с ног до головы, а на лице появилась неприятная улыбочка.

Смутившись, я проследила за его взглядом: так и есть, я забыла застегнуть шорты.

— Я опаздываю, а что ты можешь сказать в свое оправдание? — прорычала я, застегивая молнию.

— Мне не нужно оправдываться — ответил он.

Я помчалась от них прочь, толкая перед собой велосипед. Оставив его на велосипедной стоянке напротив студенческого центра, я взглянула на часы: 8.35. «По крайней мере, — успокаивала я себя, — так как я на пять минут опоздала на собрание, никто из вожатых не заметит, как я войду». Я вынула письмо из рюкзака, чтобы узнать, в какой комнате будет проходить собрание, и не поверила своим глазам. Девять тридцать. Собрание состоится только в девять тридцать! Я тяжело опустилась на сиденье велосипеда.

Из студенческого центра повеяло яичницей с беконом. Этот чудесный запах оживил меня. Я проголодалась, и у меня было достаточно времени, чтобы позавтракать и привести себя в порядок. Я стояла в очереди в столовой, изучая меню, когда вдруг неожиданно услышала голос, заставивший меня позабыть все неприятности этого утра. Голос, который я помнила по совместным посещениям уроков истории в прошлом году. Голос, знакомый по тренировкам в баскетбольной команде девочек. Голос парня, интервью с которым я и Хезер, а также множество других девчонок записали на видео в тот день, когда местная телевизионная станция показала репортаж о нем. Это был голос Люка Хартли — первого кандидата школы Эйзенхауэр на звание олимпийского бога.

Прошел слух, что Люк Хартли готовится к участию в Олимпийских играх. Но я могла поручиться только за то, что, когда Люк выполнял упражнения на брусьях, сердца девчонок делали сальто-мортале. Но на самом деле он ни с кем не встречался. Он был так увлечен гимнастикой, что, казалось, не замечал восхищенных взглядов девочек, во все глаза смотревших на него. Даже Мег Джарвис, которая встречалась со всеми спортсменами, по крайней мере одного вида спорта в каждом сезоне, все еще надеялась завоевать его. «О, недоступный красавец! — думала я. — О, золотой медалист чемпионата красоты!»

— Увидела кого-то, кто тебе нравится? — спросил парень, который встал за мной в очередь. Я догадалась, что задерживаю его.

— Именно так.

— Ну а пока что, — сказал он, — мы все-таки возьмем что-нибудь поесть?

Я обернулась. Это был тот самый парень с гитарой, только на этот раз он где-то ее оставил. Он улыбался. Похоже, это было обычным выражением его лица.

— Никак не могу понять, куда ты опоздала — на завтрак или к нему, — он кивнул в сторону Люка.

— У меня собрание, — ответила я раздраженно. — Я думала, начало в восемь тридцать, а оказалось, на час позже.

— В самом деле? — спросил он, как будто бы ему действительно было интересно.

— В самом деле, — передразнила я его. — Яичницу, пожалуйста, двойную порцию колбасы и картофель-фри.

Я сделала попытку отойти от парня.

— Оладьи, пожалуйста, и это все, — сказал он девушке за стойкой, а затем повернулся ко мне. — Ты собираешься есть с ним?

— А разве это твое дело? — спросила я.

— Наверное, не мое, — согласился он. — Но если ты хочешь сесть вместе с ним, тебе бы стоило сначала взглянуть на свою рубашку. Если ты, конечно, не сделала это специально.

Я перевела взгляд на рубашку. Она была застегнута кое-как: второпях я перепутала все пуговицы и петли. И в довершение картины, через белую рубашку отчетливо просматривался атласный темно-фиолетовый бюстгальтер. Бюстгальтер моей сестры.

С полыхающими щеками я застегнулась как следует. Парень, вежливо отвернувшись, смотрел на другой конец очереди, но я успела заметить, что угол-

ки его губ поползли вверх.

К моему счастью, Люк не видел меня, он не видел ничего вокруг, кроме еды, которую ему накладывали на тарелку. Он очень огорчился из-за того, что в столовой не оказалось яичницы с пониженным содержанием холестерина и свежавыжатого сока. Люди в очереди начали проявлять нетерпение. Пришел менеджер, чтобы поговорить с ним.

— Видимо, он очень серьезно относится к своему телу, — сказал парень за моей спиной.

— Ты бы делал то же самое, если бы у тебя было такое же.

— Возможно, — ответил он и стал рыться в карманах в поисках денег.

Я порылась в своих. Я сделала это дважды, хотя уже поняла, что не взяла с собой ни цента.

— Может, тебе стоит посмотреть в носке, — предложил он. — В розовом.

Даже не знаю, зачем я потрудилась посмотреть на ноги: я уже поняла, что один из моих носков был розовый, а другой белый, — наверное, чтобы убедиться, что я не надела левую туфлю на правую ногу.

— У тебя останется время до твоего собрания помыть посуду? — спросил он.

— Они запишут это на мой счет, — сказала я, пытаюсь выглядеть уверенной. Я чувствовала непреодолимое желание откусить хоть кусочек, прежде чем у меня отберут еду. Когда мы приблизились к кассе, я выдавила слабую улыбку и начала извиняющимся тоном:

— Вы не поверите, но...

— Я плачу за нее, — перебил меня парень.

— Я видела и более странные парочки, — сухо сказала девушка.

Я подхватила свой поднос и быстро направилась к столу.

— Что она имела в виду? — спросила я, когда он догнал меня.

Он пожал плечами и рассмеялся:

— Ты не хотела бы присоединиться ко мне?

— Думаю, я обязана это сделать.

Он остановился и холодно ответил:

— Нет. Ты не обязана. Это было приглашение.

Затем пошел дальше, нашел столик и сел спиной ко мне. Я подошла к нему сзади и робко спросила:

— Можно я сяду рядом с тобой?

Поколебавшись, он кивнул. Когда я расположилась, он придвинул ко мне солонку и перечницу.

— Меня зовут Джек.

— Карли, — ответила я, все еще робея.

Он улыбнулся. Его глаза были такими голубыми, что напоминали мне северное море. Их обрамляли густые ресницы, такие же темные, как и его волосы. Я сосредоточилась на своей яичнице, а затем посмотрела в сторону, когда мимо проходил Люк с подносом. Джек проследил за моим взглядом. Несколько минут мы ели молча.

— Ты все время ходишь в шлеме? — наконец спросил он.

— Я проспала. Не успела уложить волосы. Их трудно привести в порядок, когда погода влажная.

— Они рыжие? — поинтересовался он. Я удивленно уставилась на него. — У тебя рыжие ресницы.

— Каштановые, — поправила я его. Мысль о том, что мои брови и волосы цвета морковки, мне совсем не нравилась.

— Можно мне посмотреть?

— На что?

— Можно мне посмотреть на твои каштановые волосы? — с невинным видом повторил он.

— Ты уже видел фиолетовый бюстгальтер моей сестры, мой розовый носок и расстегнутые шорты! — воскликнула я. — Этого недостаточно?

Вокруг воцарилась тишина. Люк, который сидел за несколько столов от нас, посмотрел в мою сторону, а потом и вовсе повернулся спиной к своему завтраку. Джек прикрыл лицо руками, не в силах удержаться от смеха. Но когда я расстегнула ремешок шлема и сняла его, он перестал смеяться и даже приоткрыл рот. На его лице появилось странное выражение. Я тоже посмотрела на него, затем быстро заплела свои длинные волосы в свободную косу и продолжила есть. Я не знала, о чем можно было поговорить. Я жевала и рассматривала широкие плечи и могучую спину Люка Хартли, удивляясь, почему он был здесь.

— Этот твой друг, — сказал Джек, — Холестерин, этим летом его готовит тренер по гимнастике из нашего колледжа? Я слышал, что это лучший тренер в наших краях.

— Неужели? — воскликнула я. — Так, значит, Люк проведет здесь все лето?

«Все лето, так же как и я?» — пронеслось у меня в голове. Люк и я, вместе, в университетском городке, а Хезер будет далеко, будет танцевать с какой-нибудь труппой в центре города. Но как только я подумала об этом, старое чувство вины снова напомнило о себе.

— Ты покраснела, — заметил Джек.

Я потеряла щеки. Он улыбнулся, но больше так почти ничего и не сказал до конца завтрака. Но я не возражала. В моей голове крутились колесики: мне надо кое-что выяснить, кое-что спланировать, и, кроме того, у меня было о чем помечтать.

2

Шагая по коридору в поисках комнаты двести двенадцать, которую превратили в офис лагеря «Санбёрст», я чувствовала себя очень уверенно. Мои шорты и рубашка были застегнуты, длинные волосы аккуратно убраны в косу. А в книжном магазине я купила себе пару белых носков, которые записали на счет моей мамы, работающей завкафедрой на факультете английского языка в этом колледже. Я была готова встретиться со всеми, особенно с детьми.

— Ты, должно быть, Карли Макфарлейн. — В дверях офиса стоял высокий веснушчатый парень с большими, как кухонные прихватки, руками.

— Гарри Кляйн? — спросила я.

— Да, — ответил старший вожатый. — Входи и познакомься со всеми. Ребята, это наш учитель по физкультуре.

Я вошла в комнату и остановилась. Экзотическая красавица, которую я чуть было не переехала сегодня утром на велосипеде, спокойно улыбнулась мне.

— Меня зовут Анна, — сказала она.

— Памела, — прощепетала девушка чуть помоложе, с ярким макияжем на лице и разноцветными прядками волос.

— Хау, — представился худощавый парень с красивыми темными глазами.

— А мы уже встречались, — сказал вожатый, сидящий рядом с ним. Я попыталась не выдать своего удивления.

— Привет, Джек.

Он улыбался, как всегда.

— Здорово, ребята. Просто отлично. — Гарри захлопал в ладоши, как будто бы мы сделали что-то необычное, а не просто познакомились.

— Теперь самая интересная часть!

Мы начали наше собрание с разговора о детях. Лагерь «Санбёрст» был бесплатным дневным лагерем для детей первых, вторых и третьих классов. Их привозили из города на автобусе. Гарри, только что окончивший Кёрбисмит, провел очень много времени в районах, где жили дети, и рассказал нам об их

семьях, школах, улицах. Картина была довольно удручающей.

— Как и со всеми детьми, с ними очень весело, — сказал Гарри. На мгновение он задумался, как будто бы в мыслях возвратившись в места, где жили ребяташки. — Но все они очень нуждаются во внимании. У себя дома и на улицах они сталкивались с такими вещами, которые никто бы из нас никогда не хотел увидеть.

Мы обсудили, что нам предстоит сделать за четыре недели, и прояснили некоторые важные моменты работы. Каждый день будет состоять из двух занятий до обеда и двух после него. Анна, перешедшая на последний курс колледжа и будущий педагог по специальности, как и Гарри, должна была учить чтению и математике. В обязанности Джека входили занятия музыкой и искусством. Я узнала, что он совсем недавно переехал в Балтимор и был моим ровесником. Мы оба собирались учиться в одной и той же школе осенью, в последнем классе.

Памеле было пятнадцать. Она была младшей сестрой Гарри и пришла в лагерь работать добровольцем. В ее задачу входил присмотр за детьми во время игр. Что касается меня, я, конечно, была спортивным инструктором. А Хау, в этом году поступивший в колледж, преподавал английский язык детям-иностранцам; он должен был помогать десяти вьетнамским ребяташкам, которых за ним закрепили.

Когда собрание закончилось, Гарри, размахивая руками, словно руководитель бойскаутов, пружинистой походкой направился к остановке автобуса, чтобы показать нам, куда будут привозить детей и откуда их будут забирать. Через несколько минут подъехал длинный желтый автобус, который казался живым от громких криков, машущих рук и ног. Понадобилось некоторое время, чтобы загнать детей в спортивный зал. Это, конечно, только мое мнение, но овчарка бы здесь очень помогла присмотреть за этой оравой ребяташек.

Была установлена очередность посещения ванной. После этого мы выдали карточки с именами. Гарри утихомирил детей и ознакомил их с правилами. Затем буйное войско отправилось в столовую на ранний обед.

— Я очень рад, что мы уже позавтракали, — заметил Джек двадцать минут спустя.

Из шести вожатых только у Гарри не пропал аппетит. Я уже много раз сидела с детьми и привыкла за ними приглядывать, но в тот день я обнаружила, что, когда вместе собираются все пятьдесят восемь детей, обязательно что-то происходит. Они находили множество способов изуродовать сандвичи.

После обеда детей поделили на четыре группы: первый класс, второй, третий и группа детей, у которых английский язык не родной. Каждый из вожатых занимался со всеми из этих групп по очереди. Уроки в тот день были укорочены. Я прекрасно справилась с первоклассниками, которые, отделенные от общей массы, неожиданно оказались тихонями. Мы с ними сыграли в очень пристойную игру «Кто украдет ветчину».

Затем пришли третьеклассники, воплями возвестив о своем появлении. Многие из них уже потеряли или изуродовали именные карточки, а некоторые решили, что вовсе не станут сообщать мне свои имена.

— Отлично, ребята, — сказала я. — Я вас пронумерую. Ты будешь номер сто, ты — номер три, ты — восемнадцать, а ты — семьдесят шесть. Не забудьте.

— Я знаю, как их зовут, — вызвалась маленькая девочка, чьи волосы были

такого же цвета, что и у меня, и перехвачены двумя цветными ленточками, — Джанет. Карточка с ее именем находилась в идеальном порядке, и я была почему-то уверена, что такой она и останется все эти четыре недели. — Его имя Юджин, — она указала на малыша с орехово-коричневой кожей и хохолком черных волос.

— Нет, не Юджин.

— Юджин.

— Нет, не Юджин!

— Юджин!

— Его зовут номер семьдесят шесть, — сказала я голосом, не терпящим возражений.

Но Джанет была полна решимости расставить все по своим местам.

— А это Мария, это Джексон, это Кейт.

Ребята сердито смотрели на нее. Мне очень хотелось дотронуться до кончика носа, намекая ей на то, что она выслуживается, но я удержалась, вспомнив, что должна вести себя как взрослая.

Я начала готовить ребят к игре под названием «Добудь флаг». Я подумала, что им не помешает погоняться друг за другом по большому полю, чтобы избавиться от лишней энергии. Затем я увидела Гарри, который спускался с холма, неся в руках большую коробку из студенческого центра. За ним шла высокая, худая женщина, волоча за собой еще одну коробку. Все мои шестнадцать зайчиков, признав в Гарри старшего, вдруг сразу же прекратили носиться по кругу, вырывая траву и связывая вместе волосы и шнурки друг друга.

Да, на мгновение они стали почти ангелочками. Гарри представил мне миссис Малхани, которая была членом церкви, поддерживающей лагерь. Затем он объявил детям, что она принесла им кое-что для игры. Я взглянула на коробку, затем на Гарри, подумав, что он сумасшедший. Это было снаряжение из луков и стрел. Конечно, у всех стрел были резиновые наконечники, но любой, кто знаком с третьеклассниками, понимает, что им достаточно и простого мяча, чтобы натворить бед.

— Сегодня укороченный урок, — шепнул мне Гарри на ухо, уходя. — Дай им пострелять разок, а потом мы все уберем в шкаф.

Мы все-таки не выбили никому глаз в этот день. Но один ребенок (я знаю, в это трудно поверить) умудрился подстрелить белку и дважды попал мне в зад. Дорогой моему сердцу номер семьдесят шесть.

Лук и стрелы, должно быть, произвели огромное впечатление на детишек. Когда я к вечеру вернулась в офис, Хау, Памела, Анна и Джек сидели на полу, разглядывая рисунки третьеклассников. При виде меня они все широко заулыбались.

— Я боялся, что увижу банальные самолеты и цветы, — сказал Джек.

Но нет, вместо этого у него было множество портретов девушки с рыжей косой и стрелой в заднице.

— Спасибо, ты просто молодчина! — Гарри подошел ко мне и положил свою ладонь мне на плечо.

— Не за что, не за что, — ответила я, смеясь, хотя была готова убить Джека.

Я поехала домой окольными путями, медленно обогнув прямоугольник основных зданий колледжа, расслабляясь и наслаждаясь прохладой высоких деревьев. Квадрат, который образовывали старые кирпичные здания, всегда ка-

зался мне таким мирным. За основными зданиями располагался Кёрбисмит. Новые здания, похожие на коробки, строились там и тут, под разным углом друг к другу, по мере того как колледж приобретал новые земельные участки. Большинство из этих зданий трудно было назвать красивыми. Но в одном из уголков городка находился небольшой лес, где росли дубы и клены. Там протекал ручей и был мост. Туда-то я и направлялась.

Мне хотелось подумать о Люке, представить, как он выглядит, как смотрит на меня своими потрясающими зелеными глазами. Когда я увидела его тело, распростертое на деревянном мосту, я вовсе не была уверена в том, что это не игра моего воображения. Он лежал совершенно без движения и казался мертвым. Меня охватила паника.

— Помогите! Кто-нибудь, на помощь! — Я спрыгнула с велосипеда и бросилась к нему. Люк поднял светловолосую голову и быстро огляделся по сторонам.

— Ой! — воскликнула я. — Извини. Я ошиблась, — и начала пятиться назад. Он пристально посмотрел на меня. Его взгляд был теплым и вопрошающим. — Я-я думала, тебе плохо, — объяснила я.

Мягкая улыбка озарила его лицо. Он поднялся. Я уставилась на него так, будто никогда раньше не видела парня.

— Мне кажется, я тебя знаю, — он слегка склонил голову набок. — Ты ведь из школы Эйзенхауэр, не так ли? Ты подаешь сигнал для оваций во время игр, да?

Я, которая всегда повторяла, что девушкам, устраивающим овации командам парней, скорее всего, повышибали мозги в юном возрасте, была на седьмом месте от счастья, услышав это лестное предположение.

— Нет, — застенчиво ответила я. — Я... э-э-э... играю в баскетбол. И в лакросс. В хоккее на траве.

— Класс.

— Класс — повторила я.

— А мне казалось, что я уже встречал тебя. Ты работаешь этим летом? — спросил он.

— Да. То есть нет. То есть я хочу сказать, да, — запуталась я. — Я вожатая в лагере.

— Класс.

Казалось, это было ключевое слово нашей беседы.

— А как насчет тебя, Люк?

Я спохватилась, что он не представился, но было уже поздно. Но он то ли не заметил этого, то ли рассчитывал, что я должна знать его имя.

— Я работаю с тренером Иниартом. Он прекрасно тренирует гимнастов.

— Кла... м-м... здорово.

— А как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Карли. А тебя?

Он мягко рассмеялся:

— Я рад, что познакомился с тобой, Карли. Я никого не знаю в университетском городке.

— Правда? — «Спасибо, спасибо, провидение», — подумала я. — Наш офис находится в студенческом центре, — сказала я вслух. — Лагерь «Санбёрст», комната двести двенадцать.

Он улыбнулся и кивнул:

— Надеюсь увидеть тебя снова.

— Да. — Я забралась на сиденье велосипеда.

— Надеюсь, что мы очень скоро увидимся, — добавил он.

Мое сердце заколотилось, как бешеное. «Приди в себя, Карли. Тебе надо быть остроумной и веселой».

— Будь осторожен в своих желаниях. Сегодня со мной повстречались двое, которых я чуть не задавила.

Он рассмеялся, а я тронулась с места. Мне казалось, что я не еду по тротуару, а плыву в небесах.

Подъехав к дому, я соскочила с велосипеда и побежала на кухню. Джоэль лепила из полузамороженного гамбургера котлеты странной формы и складывала их на тарелку.

— М-м-м, — протянула я, ощутив пустоту в желудке.

— Вовсе не обязательно показывать свой сарказм, — отозвалась она. На лбу у нее блестели капельки пота.

Родители, расписывавшие нашу жизнь так же четко, как учебные планы, заставляли нас покрываться потом до двадцать первого июля — дня, когда у Джоэль начинался второй триместр. Только тогда мы могли включить наш кондиционер на полную мощность.

— Я и не пыталась быть саркастической. Просто я не обедала.

— Как прошел первый день в лагере?

— В лагере?

Моя сестра посмотрела на меня, подняв брови.

— А-а, лагерь. Все было просто здорово!

— Хезер звонила, — сказала Джоэль.

— Ну и?.. — Я проглотила кусочек сырого гамбургера.

— У тебя заведутся черви, — сказала она мне.

— Тогда отвезешь меня к ветеринару. Ну и?..

— Она хочет встретиться с тобой у супермаркета.

— И?.. — допытывалась я.

— Она хочет купить тебе платье, чтобы загладить свою вину за то, что увела у тебя парня вчера вечером.

— Что?

— Я шучу.

Это была плохая шутка.

— Она будет ждать тебя у «Танзини». В шесть часов. Ты знаешь, о чем я все время думаю? — Джоэль накрыла гамбургер пластмассовой крышкой и убрала коробку в холодильник. — Мне не дает покоя мысль, что, вполне возможно, Хезер намеренно уводит у тебя всех парней, с которыми ты встречаешься.

— О чем ты говоришь, Джоэль?

Она вытащила кочанный салат и начала мыть его.

— Хезер вносит свои предложения по поводу того, с кем ты должна встречаться, — я хочу сказать, раз она все равно на очереди. Может, она заранее выбирает их для себя?

Я пристально посмотрела на сестру, ожидая, когда она встретится со мной взглядом. Она изобразила полную невинность.

— Тебе никогда не нравилась Хезер.

— Не в этом дело, Карли. Вопрос в том, почему тебе она нравится? Она использует тебя.

— Нет, не использует! — воскликнула я, жался о том, что писала такие теплые письма Джоэль, когда она училась в колледже так далеко отсюда и мы не имели возможности с ней видеться. — Хезер застенчива, и поэтому все так и получается.

— «Забирай их. Бери их всех. Они все твои, Хезер!» — процитировала моя сестра. — Должно быть, это был сон сегодня утром. Почему ты такая щедрая, Карли?

Я почувствовала, как внутри меня закипает ярость.

— Тебе и Приятелю очень повезло, что я такая, — приятелем я называла будущего ребенка Джоэль. — Тебе и Приятелю чертовски повезло, что я такая не жадная!

На этом наш разговор прекратился. Моя сестра знала, на что я намекаю. Она не только претендовала на место в комнате, которая полностью стала моей, когда она уехала учиться в колледж, но и на деньги, отложенные на мое образование. Теперь они отойдут ей и Приятелю, а я была обречена остаться дома и учиться в Кёрбисмите.

— Наверное, ты рано захочешь поужинать сегодня, — сказала она, побледнев. — С чем ты будешь есть гамбургер?

— Ни с чем. Я поем в супермаркете. — Я вышла из кухни и взбежала вверх по ступенькам. Как бы мне хотелось, чтобы мы не ссорились всякий раз, когда разговариваем, и чтобы жизнь не вынуждала нас говорить эти столь правдивые и приносящие боль слова.

3

Как только отец вернулся на машине домой, я быстро села в нее и направилась к магазину. Мы с Хезер назначали друг другу встречу у «Танзини» со времен учебы в начальной школе. В этом магазине продавались трико и туфли для танцоров или для тех, кто хотел выглядеть, как они. Прошлой зимой Хезер уговорила меня примерить маленькое облегающее трико.

— А вы сильная! — отметила продавщица. Рядом с Хезер я походила на ее партнера, готового ее поднять.

Сегодня Хезер стояла в середине магазина в нерешительности. Она не видела, как я вошла, и была слишком погружена в свои мысли, чтобы заметить, как я проследовала за ней к прилавку.

— Я хотела бы вернуть это, — сказала она тихим голосом.

— Вернуть! — вырвалось у меня. — Зачем?

Она и продавщица быстро повернули головы. Серые глаза Хезер округлились от удивления, ее щеки порозовели.

— Но, Хезер, мы потратили два с половиной часа на прошлой неделе, чтобы выбрать это трико!

Она кивнула и тут же отвернулась.

— Я знаю, но когда мне его носить?

— Когда будешь танцевать, — предложила я.

Она покачала головой:

— Меня не взяли.

— Не взяли в труппу Карпова? — Мое сердце сжалось. Я знала, как она хотела танцевать в этой труппе.

Она кивнула и снова обратилась к продавщице:

— Я хочу его вернуть.

— Извините, она передумала, — сказала я, вырывая трико из рук женщины. — Послушай, Хезер, тебе еще и новое понадобится. Ты будешь танцевать.

Она накрутила на палец прядь своих длинных белокурых волос.

— Нет, у меня нет данных. Мне надо признать это. — Она выхватила у меня

пакет. — Я хотела бы вернуть...

— Спасибо, — вмешалась я, отнимая у нее пакет, — но она не будет его возвращать.

— Когда вы договоритесь, дайте мне знать, — проворчала продавщица и удалилась.

Я схватила Хезер за локоть, вывела ее из отдела и повела в дальнюю часть супермаркета, где продавали еду. Мы шли молча. Каждый раз, когда я бросала на нее взгляд, она моргала и ее глаза наполнялись слезами. Она мечтала присоединиться к этой труппе с прошлого лета и много работала, чтобы достичь цели. Я надеялась, что мне удастся найти для нее нужные слова.

— Хезер, я наблюдала за тем, как ты танцуешь на протяжении десяти лет, — сказала я, когда мы уселись за столик и заказали пиццу. — Ты невероятно талантливая балерина. У тебя есть все данные. Поверь мне, я знаю, что говорю.

— Но ты же всегда мне твердила, что ничего не знаешь о балете, — возразила она.

— Не знаю, — согласилась я. — Но я хорошо знаю тебя. И я знаю, что ты не тот человек, который легко сдастся. Ты просто слишком упрямая, я хочу сказать, ты очень упорная.

Ее нижняя губа задрожала, и она прикрыла рот рукой.

— Быть упорным не значит быть талантливым, — возразила она.

— Конечно нет. Это гораздо труднее.

— Хезер чуть-чуть улыбнулась.

— Все, что тебе нужно, так это вера в себя, — продолжала я. — Тебе нужно найти хорошего учителя, инструктора, который поможет тебе за лето вернуть уверенность в себе.

— Может быть.

Я заметила проблеск надежды в ее глазах.

— Все это здесь, — сказала я, постучав себя по голове. — Ты справишься. Если ты в себя веришь, другие тоже поверят.

Ее глаза сказали мне, как ей хотелось, чтобы все это было правдой.

— И как это у тебя получается, Карли?

Я рассмеялась.

— А ты разве не помнишь те слова, которые говорила мне, когда я не попала в корзину в последние секунды соревнования? Забыла, как ты бурно возражала против моего решения стать подающим? А записки, которые ты писала мне после тех ужасных матчей хоккея на траве, на которые пришла только ты и четверо родителей? Я сохранила их.

Она потянулась ко мне через стол, накрыв своей бледной рукой мою веснушчатую.

— Если ты сломаешься, — убеждала я, — что же делать мне, когда у меня все будет хуже некуда.

Она кивнула.

— Думаю, мне придется держаться. Кстати о «хуже некуда», — сказала она мягко. — Я хотела поговорить о Тиме.

Я отмахнулась рукой с кусочком сыра.

— Нет, послушай, — настаивала она. — Вчера вечером, приглашая его в гости, я думала, нам втроем будет очень весело посидеть у бассейна в субботу.

Но сегодня я позвонила ему и отменила приглашение, сказав, что будут только девочки.

— Но ведь он так расстроится, — запротестовала я.

Она посмотрела на меня с удивлением.

Нет, я не сошла с ума. Мне просто пришло в голову, что, если Хезер будет увлечена Тимом, это позволит мне добиться внимания Люка.

— Вообще-то да, он казался огорченным, — признала она, поводя плечами. Как будто на земле был такой парень, который бы не огорчился! У Хезер есть маленький, но красивый бассейн, где ее отчим развлекает своих клиентов и друзья ее матери собираются, чтобы вести свои претенциозные разговоры об искусстве. У них есть отличная стереосистема и набитый продуктами холодильник. И Хезер конечно же всегда одета в маленький, но красивый купальник.

— Пригласи его снова, — стала уговаривать ее я. — Джоэль снова должна пойти к врачу в субботу, и я поведу ее. По крайней мере, тебе будет с кем поселиться.

Она посмотрела на меня с любопытством:

— Тебе все еще нравится Тим?

Коварный вопрос. Если я отвечу «нет», она потеряет интерес. Мне надо было предоставить ей возможность для дальнейших действий так же, как и уверенность в том, что он все еще был мне нужен. Ничего так не пугало Хезер, как совершенно свободный парень.

— Конечно, он мне нравится. Думаю, мы пойдем в кино в субботу вечером.

На ее лице засветилась радость.

— Ну, если ты настаиваешь...

Вечером я вернулась домой в таком хорошем настроении, что это не ускользнуло от внимания моей сестры.

— Извини, но ты улыбаешься, а вокруг твоего рта маленькие желтые перышки.

— Как у кота, который проглотил канарейку? — спросила я, скидывая туфли.

— Возможно, это твои желтые волосы, — заметила Джоэль. — А как там Хезер?

Я плюхнулась на кровать:

— Отлично. Просто прекрасно. Делает то, что у нее получается лучше всего!

— Все шестнадцать должны приехать обратно? — спросила я Гарри на следующее утро, в то время как третьеклассники, надев под одежду купальники и держа в руках полотенца, снова забирались в автобус, который привез их в Кёрбисмит пятнадцатью минутами раньше.

Так как бассейн колледжа был слишком глубоким для наших ребяташек, Гарри договорился с клубом «Виллоубрук» о возможности использовать их бассейн. Я подумала о том, что либо этот случай позволил им не платить огромный налог, либо Гарри был волшебником, ибо члены клуба «Виллоубрук» вряд ли склонны к благотворительности.

— Хау приедет туда со своей группой ко второму занятию. Если автобус опоздает, пусть дети немного поиграют в гольф, — сказал он мне, широко улыбаясь. — Все взяла, что нужно? А это что? — Он указал на кофейник, который я

держала в руках.

— Мусоросборник для жвачки. Мы ведь не хотим, чтобы возле членов клуба плавало слишком много выплюнутой жвачки.

Гарри одобрительно кивнул:

— Вожатый, готовый ко всему.

Но оказалось, что не ко всему. Я не была готова к немоу вопросу в глазах детей, когда мы подъехали к клубу.

— Вот было бы здорово кувыркаться, кувыркаться и кувыркаться на всей этой зеленой траве, — сказала Эйприл. Она была пухленькой, с шоколадно-коричневой кожей и дюжиной сверкающих заколок в волосах. За короткое время работы лагеря Эйприл взяла на себя роль «матери» третьеклассников. Как бы мне хотелось иметь возможность выпустить ее, чтобы она могла порезвиться на травке хотя бы часок.

Также я не была готова к тому, что два больших розовых куска жвачки прилепят на скульптуру пышногрудой нимфы, стоявшей у бассейна. Я дала Джанет, моей милой любительнице выслужиться, кофейник и кусочек бумаги и попросила ее снять всю жвачку.

И наконец, я не была готова к тому, что Кевин — бледный, худенький мальчик — будет с вызовом смотреть на меня после того, как я скажу: «Всем раздеваться».

— Кевин, ты слышал, что я сказала? — тихо спросила я. — Пожалуйста, выполняй.

Он не пошевелился. Даже ухом не повел.

«Может, он забыл надеть плавки? — думала я. — Или он слишком беден, чтобы позволить их себе? Может, он просто-напросто боится воды?»

Я наклонилась к нему:

— Кевин, ты надел свой купальный костюм?

Он пожал плечами. Не будут ли у меня неприятности, если я посмотрю?

В десяти футах от меня стоял парень, приставленный нас охранять. Он пил чай из термоса. Я подошла к нему.

— Извините, но у меня небольшая проблема, — сказала я и объяснила ему на ухо то, что хочу от него.

— Это не входит в мои обязанности, — холодно ответил он и ушел, потягивая чай.

— А я-то думала, вы здесь, чтобы нам помогать! — проорала я ему вслед.

Он даже не остановился.

— Нужна помощь? — услышала я более дружелюбный голос. В нескольких футах от меня стоял высокий загорелый парень, худощавый и необыкновенно привлекательный в своем теннисном костюме. Он был членом клуба. Меня удивило его предложение о помощи. После того как я объяснила, в чем проблема, он отвел Кевина на другую сторону бассейна. Между тем я загнала всех остальных детей в воду. Гарри говорил, что многие из них были более привычны к пожарным шлангам, чем к бассейнам. Конечно же номер семьдесят шесть (в этот день он пожелал, чтобы его называли Юджин, а меня называл не иначе как Тренерша) сразу же сделал попытку доплыть до самого глубокого места. Поймать его было нетрудно: он едва плавал по-собачьи. Все остальные дети послушно выстроились у стены с горящими от восторга глазами и стучащими от холода зубами. Через десять минут к нам присоединился и Ке-

вин.

— Пудели, — сказал приятный молодой человек, склоняясь надо мной на краю бассейна. Пряди выгоревших на солнце волос упали ему на глаза. Его взгляд скользил по моему лицу, затем опустился на мою грудь. — Проблема в красных трусах с белыми пуделями. Я подобрал ему другие в бюро находок, но они немного великоваты.

По правде говоря, эти трусы вполне можно было надуть и использовать вместо спасательного круга, но все равно я была чрезвычайно признательна этому парню.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Меня зовут Стив, — сказал он. — А тебя... я знаю, ты член этого клуба, твое лицо мне очень знакомо, но...

— Извини, но я не член этого клуба. Я здесь с лагерем. — Я снова повернулась к детям.

— И как же тебя зовут, вожатая?

— Карли. — Я улыбнулась, снова взглянув на него. — Было приятно познакомиться, но мне надо работать.

Мы провели занятие, играя в игры. Это было то, что я планировала. Одна игра сменяла другую, и дети даже не замечали, что вода доходила им до подбородка, а ее брызги долетали до носа. К тому времени, как я снова выгнала их из бассейна, заставила обернуться в полотенца и выстроила в шеренги на двух скамейках, я совершенно забыла о Стиве. Тут я увидела, что худенький Кевин застенчиво машет рукой, и почувствовала, что кто-то дотронулся до моего плеча.

— Я вспомнил тебя. — Это снова был Стив. — Карли Макфарлейн. Ты играла в детской баскетбольной команде. В третьем классе ты была заводилой на игровой площадке.

Я посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц и густо покраснела. Мои третьеклассники продолжали наблюдать за разворачивающимися событиями. Он снял свои солнечные очки.

— Моя фамилия Дьюлани. В четвертом классе я перешел в частную школу Вортингтон, так что, возможно, ты меня не помнишь...

— Стивен Дьюлани? Помню. Просто... просто ты выглядишь совсем по-другому, — запинаясь, сказала я.

«Намного лучше, — подумала я. — В тысячу раз лучше». Его бледные, мышиного цвета волосы стали золотыми. С лица чудесным образом исчез испуганный, забитый взгляд. Костлявые плечи стали широкими, а руки и ноги были худыми, но мускулистыми, как я догадалась, от игры в теннис. Но главное, теперь он не выглядел так, будто вот-вот расплачется. «А люди действительно взрослеют, — подумала я. — Никто не безнадежен».

— Ты прекрасно выглядишь! — с чувством сказала я.

Он улыбнулся мне в ответ.

— А ты все такая же.

— Э-э, спасибо. — Я не совсем поняла, был ли это комплимент.

— А разве она не стала выше? — спросил Юджин.

— Я все пытался вспомнить, — начал Стив, поигрывая со своими стильными солнечными очками. В них можно было увидеть мое отражение: мои волосы, хоть и заплетенные в косу, высыхая, непослушно выбивались то тут, то

там, напоминая зарницу. — Ведь у тебя была близкая подруга, кажется, Хезер?

— Да. Мы и сейчас лучшие подруги.

— Правда? Я бы ее узнал сейчас?

— Она все так же хорошо выглядит. — Я начала лихорадочно собираться с мыслями. Хезер будет занята Тимом на этой неделе и, может быть, на следующей, если он не станет торопить события. Ну а потом что? Тим, который принимал за классическую музыку то, что пела Ванесса Вильямс, не был из тех парней, которые нравились Хезер. Он ей правился постольку, поскольку нравился мне. А что, если мне найти ей идеальную пару? Стив со своей привлекательной внешностью и деньгами мог бы подойти. К тому же он ходил в частную школу. Если мне повезет, в нем, может, даже обнаружится любовь к разговорам об искусстве, которые ведутся дома у Хезер. Все это было бы неплохо выяснить.

— Нам надо бы встретиться как-нибудь, — предложила я, — тебе, мне и Хезер.

Но прежде чем я успела дать ему свой номер телефона, я увидела приближающегося к нам Гарри.

— Ой, а вот и лагерь «Санбёрст». Мне надо принять следующую группу. Я здесь по утрам, а во второй половине дня в Кёрбисмите.

Стив надел солнечные очки:

— Я позвоню.

Он не тратил времени впустую.

— Тебе звонили и оставили сообщение, — сказал Джек, когда он, я и Анна собрались в столовой. Сегодня была наша очередь присматривать за детьми во время обеда. Завтра это должны были делать Гарри, Хау и Памела.

— Сообщение? — Я протянула руку в ожидании листка бумаги.

— Извини, я оставил его на доске объявлений в офисе.

Я кивнула, не упуская из поля зрения моих третьеклассников: несколько ребят шушукались, как маленькие конспираторы.

— Откуда ты знаешь Стива Дьюлани? — крикнул Джек через два стола.

— Что?

— Стива Дьюлани. Он надеется, что ты и Хезер свободны в четверг вечером.

— Ты читал мое сообщение? — воскликнула я.

Уголкем глаза я заметила, как два первоклассника с невинным видом передают бутылку кетчупа третьеклассникам, у которых его уже было больше, чем надо. Анна и я, мы обе перехватили бутылки и поставили их туда, где им было место.

— Это я подошел к телефону, — объяснил Джек. — Стив устраивает вечеринку. В четверг вечером. Можно прийти в любое время после двадцати тридцати. Там будет много народу.

— Я удивлена, что ты туда не напросился.

— В этом не было необходимости, — спокойно ответил Джек. — Он пригласил меня еще на прошлой неделе.

— А-а.

— Я его сосед.

— А-а.

Он положил руку на плечо второклассника, который дрался, как на дуэли,

пластмассовым ножом со своими соседями по столу.

— Если ты выколешь себе глаза, Франклин, — сказал Джек, — как ты сможешь рисовать все эти прекрасные картины? — Потом он снова повернулся ко мне: — Кто такая Хезер?

— Хезер? — «Так-так, — подумала я. — Еще один в списке: Тим, Стив, Джек. А ведь Джек по-настоящему интересовался музыкой и искусством. Он мог бы идеально подойти Хезер».

Мне не хотелось, чтобы Хезер находилась где-нибудь вблизи спортивного зала, где тренировался Люк. Дни у нее, наверное, будут заняты репетициями в танцевальной студии в городе. Она и Джек, скорее всего, смогут встречаться только вечером.

— Я познакомлю вас на вечеринке, — сказала я ему. — Уверена, тебе она понравится. Она просто супер.

Он рассмеялся, но вдруг неожиданно лицо стало тревожным.

— Юджин!

Номер семьдесят шесть был вооружен и очень опасен, прицеливаясь морковками, предварительно обмакнутыми в кетчуп. Он уже произвел несколько прямых попаданий, когда второклассники организовали контратаку. У них мало что осталось на подносах — только миски с яблочным соусом, которые они быстренько подтолкнули к малышу в бейсбольной кепке. Я бегала вокруг стола третьеклассников, уверенная в том, что добьюсь прекращения стрельбы, так как в моем присутствии они не посмеют открыть огонь.

Но я оказалась не права. Не права дважды. *Шлён! Шлен!* Яблочный соус потек по моей щеке и по руке.

— Ты! Кроха! — заорал Юджин, который никогда не пропускал такой возможности. — Ты только что попал в Тренершу.

У него в руках была пластмассовая бутылка кетчупа, и он был готов нажать на нее посильнее, чтобы отомстить за мою посрамленную честь. Но Джек оказался у него за спиной, готовый выхватить кетчуп из его рук.

— У-упс! — воскликнул Джек. — Извини.

— Ох! — Я попыталась увернуться, но было уже поздно. — Ох-х!

Что-то холодное и влажное попало мне на щеки. Все пятьдесят восемь голосов замолкли. Тишина волной докатилась до самых дальних уголков столовой. Я стояла, застыв. С одной стороны моего лица медленно сползала кровавая масса кетчупа, с другой — капал яблочный соус.

Джек вжал голову в плечи и украдкой смотрел на меня, едва сдерживая смех. Я видела, как тряслись его плечи. Малыши тоже заморгали. Один из первоклассников взвизгнул от смеха, и все остальные дружно к нему присоединились. Гарри, который наблюдал за всем происходящим от дверей столовой, быстро вывел Юджина и Терри — малыша, который швырнул в меня яблочным соусом.

— Почему ты не вывел Джека? — процедила я сквозь зубы.

Гарри, который пытался сохранить строгое выражение лица, не выдержал и рассмеялся.

— Я не нарочно, Карли. Он выплеснулся из бутылки, — оправдывался Джек.

Одна Анна не смеялась, но в глазах у нее прыгали чертики.

— Постой. — Голос Джека дрожал от едва сдерживаемого смеха. — Дай я со-

тру это с тебя.

— Спасибо, но я в состоянии о себе позаботиться.

— Ну не сердись, Карли, — сказал он тихо и мягко, как будто успокаивал ребенка. — У меня есть запасная футболка в рюкзаке. Одолжить тебе?

— Спасибо. Уж лучше пусть на меня налетят пчелы.

Джек пожал плечами:

— Хорошо. Делай, как знаешь.

Он протянул мне пачку салфеток. Я схватила их и направилась к выходу, собрав последние остатки достоинства. Но мне не удалось далеко уйти.

— Карли, привет! — Передо мной возник Люк.

«О нет!»

— Как дела? — спросил он, глядя на меня своими сияющими зелеными глазами.

Другие ребята из его группы (а это точно была группа гимнастов, иначе почему семеро парней с такими умопомрачительными телами, накинув полотенца на потные шеи, стояли вместе в очереди в столовой?) разглядывали меня, давась от смеха.

— Отлично, — сказала я. — А как у тебя прошел день?

Он улыбнулся:

— Очень хорошо. Тренер помогает мне добиться наилучших результатов.

— Рада слышать.

С другого конца стола за мной с любопытством наблюдал Джек. Влажная масса на моем лице начала застывать. Мне очень хотелось улизнуть, пока еще не поздно. И в этот момент меня очень удивил Люк. Он сделал шаг в мою сторону, затем, поколебавшись, еще один. Медленно он снял полотенце со своей шеи. Я сделала огромное усилие над собой, чтобы не пялиться на то, как поднимались и опускались его грудь и плечи под майкой. Нежно, очень нежно, он вытер мою щеку, шею, руку. Я пожалела, что дети метнули так мало.

— Вот так. Ну как, лучше?

— Да, — произнесла я, едва дыша. — Спасибо.

Он аккуратно сложил полотенце и отдал его мне. Я не знала, решусь ли когда-нибудь расстаться с этим полотенцем.

— Увидимся, — Люк приятно улыбнулся.

Я глядела ему вслед, пока он возвращался в очередь за едой.

Через минуту мимо меня прошел Джек с ухмылкой на лице.

— Вот и одна из пчел, — сказал он.

4

Терри — малыш, бросивший в меня яблочным соусом — подал мне идею. В тот день, когда пришли второклассники, я достала реквизиты для бейсбола. Ребятам очень понравились старые перчатки, которые им подарила церковь. Некоторые боксировали ими, словно члены большой лиги, другие надели их на головы, как шляпы. Они подтянулись к основной базе и кружили вокруг, как ветряные мельницы, сильными ударами сбивая мяч с подставки. Когда пришло время собрать реквизиты, я никак не могла найти мяч — тот, который сама запустила. Малыши разбежались в разные стороны поискать его, и вскоре я услышала крик Мигеля где-то за третьей базой. Он стоял довольно далеко от границ поля, возле раскидистых сосен.

— Мисс Карли! — крикнул он, затем сделал такой точный бросок в основную базу, который просто сразил меня.

В конце дня я вернулась в офис и рассказала Анне и Хау о невероятном броске Мигеля. Они переглянулись.

— Тебе следует сказать ему, что это был невероятный бросок, — сказал Хау. Анна кивнула:

— Мы только что говорили о Мигеле. Нам кажется, у него тяжелая обстановка дома. Возможно, с ним очень плохо обходятся, но нельзя сказать наверняка, имеет ли место физическая жестокость. Физическая или словесная, в любом случае похвала бы пошла ему на пользу.

— Она бы им всем пошла на пользу, — сказал Гарри, входя в офис. — Даже Юджину, если бы только он предоставил нам повод для похвалы. Карли, твой приятель написал тебе извинительное письмо.

Я развернула измятый листок бумаги и прочла записку вслух:

«Дарагая Тренирша.

Извините, што папал в вас кетчупом.

Думаю мне следует извиница за яблочный соус тоже.

Я пастараюсь больше не смияца так громка.

Но вы были очень смешная.

Ваш друг

Юджин, 76».

— А вот записка от Терри. — Гарри протянул вторую бумажку.

— А как насчет записки от Джека? — спросила я. Он вошел вместе с Гарри и разбирал тележку, доверху наполненную книгами, кистями, красками, макаронами, мюсли. Сверху всего этого лежал CD-плеер.

Уголки его губ поползли вверх.

— Вот она, благодарность, — сказал он. — Холестерин...

— Его зовут Люк, — вставила я.

— ...даже бы не заметил твою бороду из яблочного соуса, если бы не красный кетчуп, который так бросался в глаза.

— Как бы мне хотелось, чтобы он обратил внимание на меня, — вздохнула Памела. Усевшись в кресле брата, она обрабатывала пилочкой ноготь, сломанный на игровой площадке.

— Говоря о парнях, которые замечают... — Джек протянул руку к доске объявлений и снял розовый листок бумаги. — Тебе звонили и оставили сообщение, — сказал он мне. — Этих сообщений все больше и больше. Мне кажется, что даже твой друг Юджин к тебе равнодушен.

Я молча взяла листок бумаги. Джек просто подтрунивал надо мной, но в последние дни я как-то болезненно реагировала на упоминания о моих достижениях в общении с молодыми людьми.

— Ладно, — сказала я, протянув руку, чтобы взять шлем. — Мне надо зайти к подруге по дороге домой и просто необходимо снять эту рубашку до того, как я начну пахнуть, как куча навоза.

Джек схватил меня за руку и сунул в нее футболку:

— Надень это. Ну не будь такой упрямой, Карли. Тебе будет гораздо удобнее.

Естественно, у меня не было никакого желания появляться в доме у Хезер в таком виде, будто бы я только что из помойки; к тому же мне не влезть ни в одну из ее блузок, так что я согласилась. Через десять минут, тщательно вымывшись, расплетя волосы и промыв слипшиеся места, я вернулась в офис. Я чувствовала запах. Это был слабый запах, напоминающий запах каких-то трав, но очень мужской. Приятный запах, запах, который я бы хотела чувствовать рядом с собой. Я приподняла ворот футболки, чтобы понюхать ее.

— Я носил ее сорок минут в помещении с кондиционером, — сказал Джек с вызовом.

Я не видела, что он сидел в офисе. Все остальные уже ушли. Я быстро опустила футболку.

— Она, э-э-э... очень мягкая и приятная. Спасибо, что дал поносить.

— Пожалуйста. — Он смотрел на мои волосы. От того, что я их вымыла, они снова начали завиваться.

— Ничего не могу с ними поделать. — Я невольно дотронулась до волос. Мои слова тоже прозвучали вызывающе, так же как у Джека минуту назад. — Они у меня такие от рождения.

Он улыбнулся и продолжал улыбаться, пока я не отвернулась. Когда он закончил пересчитывать рисунки и отложил их в сторону, я сказала:

— Я заметила, что сегодня ты не стал показывать то, что нарисовали днем третьеклассники. Мне кажется, я знаю, какую тему они выбрали.

Он засмеялся:

— Дети тебя обожают. Что в этом плохого?

— Ничего, просто... — Я прикусила язычок.

— Что? — спросил он.

— Нет, ничего.

— Ну что? — мягко повторил он свой вопрос.

— Я не знаю. Иногда мне так хочется быть совсем другой, — пробормотала я. — Ну ладно, мне пора идти.

— Какой именно ты хотела бы быть?

— Изящной, — ответила я не задумываясь.

Джек, пытаюсь удержаться от смеха, фыркнул.

— Извини, — сказал он и прокашлялся. — Извини. Да-да... Изящной, — он кивнул и посмотрел куда-то мимо меня. — Тебе бы хотелось иметь прямые светлые волосы?

— Да. Золотистые волосы, ниспадающие на плечи, как шелк.

— И возможно, ты хотела бы быть на пару дюймов пониже, — предположил он.

Я надела свой шлем.

— Именно. Чтобы не возвышаться над парнями.

— И ты, наверное, стала бы носить трико и очень короткую юбку.

Я вздохнула:

— Все верно.

— Карли, мне кажется, тебя кто-то ищет. Это только предположение, но, по моему, это Хезер.

Я посмотрела в сторону двери:

— Хезер! Что ты здесь делаешь?

— Карли, у меня потрясающие новости! — сказала она, вбегая из холла. На ней были трико и очень короткая юбка.

— Послушай, что я тебе сейчас расскажу — ты никогда в это не поверишь! Я последовала твоему совету.

— Да?

— Я поговорила кое с кем, кто разбирается в танцах, — сказала она, войдя в офис. — А потом записалась на курсы. Я буду брать уроки у Франсуазы Бюн. Здесь, в университетском городке!

— Здесь, в университетском городке? — повторила я, почувствовав, как у меня засосало под ложечкой.

— Ты знаешь, где находится корпус «Хьюз билдинг»? — Я прекрасно знала. — Он соединен с новым спортивным залом, — радостно продолжала Хезер. — И ты ни за что, ни за что на свете не догадаешься, кого я там видела.

— Можно я попробую? — вызвался Джек.

Хезер окинула его взглядом своих больших серых глаз, затем придвинулась ко мне:

— Кто это?

— Просто Джек.

— Ты можешь меня звать Просто для краткости, — сказал он, откидываясь на спинку стула.

Я закатила глаза. Хезер положила мне руку на плечо:

— Я видела... ты готова? Ты просто не поверишь!

— Люка Хартли, — сказали мы в один голос.

Она выглядела разочарованной.

— Ты знала, что он был там? Карли, почему ты мне не сказала?

Я присела на край стола и начала играть с ручками Гарри.

— Я... наверное, забыла.

Теперь пришел черед Джека закатить глаза. К счастью, Хезер его не видела. Я никогда не лгала ей до этого и вот за последние два дня сделала это дважды. Я почувствовала себя отвратительно.

— Разве это не забавно, что все мы в итоге оказались в университетском городке? — спросила она.

— Да, забавно, — ответила я. — Я рада, что мой совет тебе пригодился. Послушай, Хезер, у меня тоже есть новости. Ты помнишь Стива Дьюлани?

— Стива Дьюлани... — Она прошла по кругу, размышляя.

Джек смотрел на ее изящные ноги и маленький зад.

— Мы с ним вместе учились в третьем классе, — напредила я ей.

Она покачала головой и наморщила лоб.

— В любом случае он пригласил нас на вечеринку.

Хезер вскинула голову:

— Подожди-ка. Стив Дьюлани, этот маленький тощий синий чулок?

— На самом деле...

— Почему это хорошие новости? — спросила она.

— На самом деле он изменился, и я думаю, он очень милый. И он помнит тебя.

Она грациозно встала на высокую табуретку. Джек наблюдал за ней с видом знатока.

— Разве он мог забыть кого-то из нас, Карли? — спросила Хезер. — Помнишь тот день, когда мы утащили его ремень, когда он был в спортзале, и как он боялся что-то сказать, а в середине школьного конкурса по орфографии у него упали штаны?

— Но теперь он уже совсем другой, — быстро сказала я.

Джек расхохотался, и я бросила на него гневный взгляд.

— О да, он изменился, — вмешался в разговор Джек. — Я хочу сказать, мне так кажется. Я только недавно переехал. Но мне кажется, он довольно симпатичный. Тебе надо сходить на вечеринку и убедиться в этом.

Хезер в удивлении посмотрела на Джека.

— Я иду туда, — добавил он.

Она закусила губу и перевела взгляд на меня. Джек улыбнулся и поднялся со стула.

— Было приятно познакомиться, — сказал он Хезер.

— До завтра, Карли, — сказал он, дважды стукнув по моему шлему.

Когда он ушел, Хезер сосредоточилась на мне.

— Почему ты ничего не сказала о Люкс? — вновь спросила она.

— Ну я же тебе говорила, — ныла я, не желая лгать снова.

— И почему, — она посмотрела на дверь, через которую вышел Джек, — ты ничего не сказала о нем?

В четверг вечером я пришла на вечеринку к Стиву Дьюлани и вскружила всем головы.

Хорошо, хорошо, это Хезер вскружила всем головы, но я стояла рядом. При виде всех этих симпатичных парней я даже забыла на тридцать секунд о своей миссии. Я совершенно забыла о Люкс.

Увидев меня и Хезер, Стив подошел к нам. Взяв Хезер за руку, он уже не отпускал ее весь вечер. Я улыбнулась, сделав вид, что не замечаю паники на лице Хезер, и отправилась выполнять задуманное.

В обычной ситуации я бы чувствовала себя не в своей тарелке на такой вечеринке. Друзей Стива — все они учились в частных школах — можно было разделить на две категории. К первой категории принадлежали дети — точные копии своих родителей, предпочитавшие дорогую спортивную одежду, в которой и спортом заниматься было нельзя из-за боязни испортить ее. Ко второму типу принадлежали те, кто восставал против родителей, тратя огромные деньги на неопрятную одежду (одеваясь неопрятно, они, однако, водят роскошные машины). Обычно я избегала таких людей, но в тот вечер обнаружила, что некоторые из них очень милы. Выполняя миссию, я должна была познакомиться с ними поближе, и встретила много приятных парней. Нас интересовало одно и то же — спорт и Хезер.

Походив с полчаса по первому этажу, я осознала, что так и не встретила Джека, что было к лучшему. Я подозревала, что он знал о моей затее, и была не в настроении для насмешек. Я взяла себе газировки и чипсов и села понаблюдать, как несколько девчонок окружили какого-то парня. Мне были видны только его ноги — его мускулистые, потрясающие ноги.

— Неплох, да? — сказала девчонка, присаживаясь рядом со мной. Она явно принадлежала ко второй категории ребят из частных школ. На ней были огромные спортивные часы, с таким количеством разных приспособлений, что с ними можно было запросто дойти до Северного полюса.

— Да, ноги у него ничего, — ответила я.

Она засмеялась:

— А все остальное еще лучше. Широкие плечи, отличный зад. А глаза такой голубизны, что просто дрожь по коже.

— Он с кем-нибудь встречается? — поинтересовалась я.

— Нет, насколько я знаю. Он недавно переехал сюда из Пенсильвании. Его зовут Джек Райдер.

Я захлебнулась. Газировка так сильно ударила мне в нос, что мои глаза застезились.

— Ты сказала Джек?

Она кивнула в ответ, и несколько прядей волос упало ей на лицо.

— Мне кажется, он живет по соседству.

Как по команде, группа девчонок неожиданно расступилась. Джек поймал на себе мой взгляд и широко улыбнулся:

— Привет, Карли!

— Привет, Джек.

— Ты его знаешь? — выдохнула девушка рядом со мной. Остальные уставились на меня, затем друг на друга.

Когда позже я вспоминала об этом, мне все это показалось довольно забавным. Джек всего лишь поздоровался со мной, одарив сияющей улыбкой, но все это возымело такой эффект, будто бы меня произвели в королеву вечера. Неожиданно все девчонки захотели поговорить со мной.

Оставшаяся часть вечера прошла незаметно — так я была занята. Пока я пыталась собрать информацию о парнях для Хезер, девчонки расспрашивали меня о Джеке. Это еще раз доказывает, каким популярным может быть человек, если у него есть связи.

— Похоже, ты хорошо проводишь время, — заметил Джек, когда я столкнулась с ним на кухне.

— Ага. А ты?

Он кивнул:

— Тоже ничего. Мне нравится знакомиться с новыми людьми.

Я заметила, что он смотрит на мои волосы. Так как была высокая влажность, от отчаяния я прибегла к способу своей мамы, который, по ее словам, она использовала в моем возрасте: я прогладила их утюгом. Предполагалось, что они будут выглядеть гладкими, пленяя окружающих своей красотой.

— Что ты сделала со своими волосами?

— Починила, — резко ответила я.

— Ты используешь для этого инструменты?

— Я прогладила их утюгом, устраивает?

Это было все, что мы сказали друг другу в этот вечер, но каждый раз, когда мы сталкивались друг с другом на вечеринке, он улыбался. Улыбка на его губах была почти незаметной и какой-то таинственной, но самое главное — улыбались его глаза, и эта улыбка была просто ослепительна. Ну, я хочу сказать, так это, должно быть, выглядело в глазах этих девчонок на вечеринке.

5

Последний день первой недели в лагере! Детей было не унять. Всю дорогу до бассейна они пели высокими щебечущими голосами те глупые песни, которым их научил Джек. Мне казалось, что меня перевозят в клетке с канарейками. В то утро Стив нашел меня у бассейна и хотел поговорить о Хезер, но за каждым из моих маленьких воспитанников был нужен глаз да глаз. Я отмахнулась от него. «Позвони мне», — сказала я.

Через двадцать минут появился один из друзей Стива с тем же вопросом. Я сказала ему то же, что и Стиву, выпалив свой телефонный номер.

Еще позже, когда я пыталась загнать стайку своих детишек в автобус, ко мне подбежали две брюнетки с внушительными бюстами, одетые в облегающие отдельные купальники.

— Карла! — крикнула та, что повыше.

— Кэрол! — закричала ее подруга и энергично замахала мне рукой.

Я не ответила, наблюдая, как мои первоклассники с корнями выдирают бегонии, растущие у клуба. Я поспешила к детям, но, прежде чем успела спасти цветы, эти девицы перегородили мне дорогу.

— Говорят, ты в хороших отношениях с Джеком, — начала та, что повыше.

— А мы хотели бы узнать, встречается ли он с кем-нибудь, — продолжила ее подруга.

Они высоко задирали подбородки и, несмотря на разный рост, напоминали мне близнецов. У них обеих был прекрасный маникюр, а ногти на ногах покрывал модный рисунок с бабочками.

— У него есть девушка здесь, в Балтиморе? — спросила высокая.

— А там, в Пенсильвании? — эхом отозвалась ее подруга.

Я пожала плечами:

— Я не знаю... Франклин, Ноэль, Шейн, вылезайте из цветов.

— А он хочет с кем-нибудь встречаться? — спросила низенькая.

— Какие девушки ему нравятся? — хотела знать вторая.

— Высокие? Маленькие?

— Я не знаю, — повторила я. — Я сказала, оставьте бегонии в покое!

— А куда вы с ним обычно ходите? — спросила низенькая, играя с завязкой своего купальника.

— Мы не куда не ходим.

— А я думала, вы дружите.

— Мы вместе работаем, и это все. Послушайте, мне пора идти.

— Мы позвоним тебе, — сказала высокая.

— Меня зовут Сара, а это Сандра. Какой у тебя номер телефона?

— Мне правда пора идти.

— А у Стива он есть? — не отставала она.

— Послушайте, что я скажу. Я говорю вам то же, что и остальным. Я ничего не знаю о Джеке Райдере.

— Ну, ты могла бы, — сказала Сара, — задать ему несколько вопросов.

— Но я ничего не хочу о нем выяснять. — Я отвернулась, давая понять, что разговор окончен, и повела детей к автобусу. По дороге я обняла за плечи одну из трех моих бандиток, покушавшихся на бегонию, и заставила ее взглянуть на меня.

— Ноэль, дорогая, тебе надо чем-то дышать. Пожалуйста, вынь стебли цветов из носа.

И мои первоклассники вернулись в лагерь, опоздав на десять минут. Второклассники ждали меня, вихрем носясь вокруг. Пританцовывая и подскакивая, мы направились к игровому полю.

— Отлично, ребята, мы зайчики, — крикнула я, и все запрыгали.

— Хорошо, а теперь мы олени, ноги длинные, длинные, длинные...

Ребята бросились бежать.

— Так, теперь мы цыплята. Клюем, клюем, клюем, бежим на наших палочках-ножках! Ох, осторожно, лиса идет!

Вот так мы — стайка маленьких цыплят и бегущая вприпрыжку, причмокивающая губами рыжеволосая лиса — миновали тенистый холм, на котором расположился Джек и его класс.

— Эй, — закричал Терри, — теперь мы лисы, а вы цыпленок.

— Хорошо. Пи-пи-пи!

Они набросились на меня со всех сторон.

Лежа на траве с кучкой смеющихся лис по бокам, я смотрела на мерцающее небо. Затем я взглянула на холм справа от меня.

Дикая компания, Юджин и его одноклассники, разлеглись под старыми деревьями и спокойно работали над своими рисунками. До нас доносилась классическая музыка струн, как будто бы в вязах была спрятана большая арфа. Джек сидел на корточках и говорил с двумя из своих подопечных. Эйприл, пухлая девочка с миллионом блестящих заколок, подошла к нему сзади и обняла.

— Привет, Тренерша, — негромко окликнул меня Юджин.

Джек посмотрел на подножие холма, встретившись со мной взглядом. Я не могла понять, кому предназначалась эта долгая легкая улыбка — мне или детям. На мгновение мне захотелось вернуться в детство. Вот так же сидеть на этом спокойном холме, слушать музыку Джека и открывать для себя лето в детских рисунках.

Но мои маленькие лисы прыгали вокруг меня, и мне нужно было отвести их на игровое поле.

В полдень Джек, Анна и я не дежурили за обедом. Мы взяли пиццы из столовой и разбрелись по углам офиса, каждый претендуя на свою часть мебели. Анна читала роман Толстого, Джек листал журнал Гарри «Нэшнл джиогрэфик», а я открыла газету на спортивной странице. Изучая результаты матча по боксу, я между делом подняла глаза на Джека. У меня было сильное предчувствие, что внимание к нему девушек с вечеринки и их расспросы о нем не ослабнут. А раз я решила включить Джека в список парней для Хезер, мне бы пригодилась некоторая информация о нем.

— Послушай, Джек, — начала я, — мне бы хотелось кое-что узнать о тебе.

Он посмотрел на меня и улыбнулся:

— Да? А что именно?

— Кто тебе больше нравится: блондинки или брюнетки?

Улыбка исчезла.

— Что ты имеешь в виду?

— Какие девушки тебе больше нравятся — со светлыми или темными волосами?

— Я знаю, что означают слова «блондинки» и «брюнетки», — сухо ответил он.

Анна оторвалась от книги и с интересом посмотрела в нашу сторону.

— Ну так какие? — продолжала настаивать я.

— А рыжеволосые входят в предложенный выбор?

— Нет, — сказала я. — На вчерашней вечеринке не было рыжеволосых.

Он скорчил забавную гримасу.

— По крайней мере, не тех, которые, по моим сведениям, заинтересовались тобой. Так все-таки какие?

— Я не знаю, — пробурчал он. — Это не имеет значения.

— Да ладно тебе, — подзадоривала его я, — только не будь одним из тех, кто говорит, что внешность девушки не играет роли. Терпеть этого не могу.

Анна захлопнула книгу, заложив ее салфеткой. Джек посмотрел на нее, затем на меня.

— Конечно, внешность имеет значение, — он ощетинился. — И я бы соврал, сказав, что это не так, но я не могу тебе точно объяснить, что такое хорошая внешность. Просто, увидев, я понимаю, что это она.

— Маленькие или высокие?

Джек вздохнул:

— Мой предел — это шесть футов пять дюймов.

— Правда? Ты будешь встречаться с девушкой, которая на пять дюймов выше тебя?

— На четыре, — поправил он меня.

«Рост шесть футов один дюйм», — сделала я пометку в уме и быстренько откусила кусочек пиццы.

— Хорошо. Как насчет семьи? Отец, мать, сестры, братья, домашние животные? Чем занимаются?

— Моя мать кандидат наук. Работает в «Грейтер Балтимор медикал». Точка. — Он казался раздраженным. А я подумала о том, не является ли семья больной темой.

— Отлично, — мягко сказала я. — Еще один вопрос. Даже скорее два, пункт

«А» и...

— Знаешь, Карли, — перебил он меня, — все это выясняется постепенно, по мере того как два человека становятся друзьями.

— Что ты хочешь этим сказать? — не поняла я.

Он покачал головой:

— Да нет, ничего.

— У тебя осталась девушка в Пенсильвании?

— Зачем все это? — раздраженно спросил он.

— Хорошо, давай пропустим это и перейдем к пункту «Б», — быстро сказала я. — Тебя интересуют новые встречи?

— Объясни мне, зачем тебе это все надо? Почему ты все это спрашиваешь? — Его глаза приобрели темный оттенок — цвет синего ночного неба. Он был явно рассержен. Я тоже вышла из себя.

— Я скажу тебе почему! Потому что я потратила весь прошлый вечер и часть сегодняшнего утра на чокнутых девиц, которых интересуют мельчайшие детали твоей жизни. А ты видел, что происходило вчера на вечеринке? Или ты думал, что я выиграла приз «Мисс Дружелюбие»? Ты что, *действительно* решил, что все эти девицы хотели подружиться со мной? — Я перевела дух. До этого момента я и не подозревала, что была так сердита. — Все, о чем они хотели узнать, — это ты. Ты и Хезер, Хезер и ты, — мне казалось, что я вот-вот взорвусь, — вы были звездами этой вечеринки!

Анна наблюдала за нами, приподняв голову. Джек сидел молча. Я знала, что он пытается раскусить меня, но я не хотела, чтобы он это сделал.

— Ладно, не бери в голову, — сказала я, махнув рукой. — Ты прав. Мне не следует совать нос в чужие дела.

Он задумчиво пожевал с минуту.

— Возможно, — произнес он наконец, — это ты убедила себя, что Хезер — звезда. Я случайно услышал вчера твой разговор с одним парнем. Ты говорила только о ней. Возможно, тебе не следует так ее восхвалять. — Я сгорбилась над своим обедом.

— Но мне показалось, это было частью твоего плана, — продолжал он. — Я вместе с тобой работаю и догадался, что ты пыталась свести Хезер с кем-нибудь еще, чтобы она не стала добиваться Холестерина.

— Его зовут Люк, — пробормотала я.

— Ты пыталась устроить все таким образом, чтобы... Люк... достался тебе и был бы... только твоим. Я прав? — спросил он.

Если бы я еще ниже склонилась над пиццей, то подцепила бы носом кусочек колбасы.

— Ты прав. Абсолютно прав... Доволен?

Он засмеялся — это было больше похоже на фырканье, затем поднялся и ушел.

«Привет, Карли! Это я, Хезер. Буквально пару слов. Ты уверена, что это ничего, если Тим сегодня придет? — Нервный смешок. — Мы, наверное, будем говорить все время только о тебе. Позвони мне».

Би-ип.

«Привет, Карли. Это Стив. Сейчас утро, суббота. Я хотел задать тебе несколько вопросов о Хезер».

Би-ип.

«Карли. Это Тим. Суббота. Одиннадцать часов. Мы можем поговорить?»

Би-ип.

«Э-э, Карли? Это Brent Кофлин. Мы были вместе у Стива на вечеринке. Ты не могла бы мне перезвонить? 555-46-39. Но только, пожалуйста, не говори Стиву, что я звонил, ладно?»

Би-ип.

«Привет. Меня зовут Джилл. Я была на вечеринке у Стива. Мне просто необходимо с тобой поговорить, Карли. 555-Д-Ж-И-Л-Л».

Би-ип.

«Карли. Это снова Тим. Одиннадцать часов тридцать минут. Я много думал. Мне кажется, нам надо быть просто друзьями».

Би-ип.

«Привет. Это сообщение для Карли, подруги Джека. Меня зовут Меридит. Пожалуйста, позвони по номеру 555-62-80. Спасибо».

Би-ип.

— Нет, — сказала я жужжащему автоответчику. — Спасибо. Спасибо вам всем! — Я бросила на пол свой блокнот с записью сообщений.

«Карли, это Люк. Конечно, мне следовало спросить у тебя заранее, но я хотел узнать, не хочешь ли ты куда-нибудь пойти со мной сегодня».

Но этого сообщения не было на пленке.

— Что ты там бормочешь? — спросила Джоэль, когда я нажала на кнопку автоответчика, чтобы стереть сообщения.

— Древнее заклинание против сестер, — ответила я.

Она ухмыльнулась и швырнула огромную полотняную сумку на кровать.

— Да, в это уже легче поверить, чем в твое предложение отвезти меня в город на прием к врачу.

— Да ладно тебе, я просто пыталась быть милой с тобой для разнообразия.

— Или ты просто не хотела отвечать на некоторые телефонные звонки, — заметила Джоэль, выкладывая книги из своей сумки.

Моя сестра таскала огромные сумки с книгами еще с тех времен, когда мы были детьми. Но сейчас во всех названиях встречалось слово «ребенок». Мне не хватало старых таинственных фолиантов, посвященных ранним обществам и экзотическим культурам, в которых я, будучи ребенком, действительно искала заклинания против старших сестер.

— А почему ты не в бассейне у Хезер? — поинтересовалась Джоэль.

Я начала складывать белье, но далеко не все оно оказалось чистым.

— У нее в гостях кто-то еще.

— Твой парень, Карли! Или, по крайней мере, он был им.

Я перестала складывать белье, открыла ящики шкафа и начала запихивать его туда.

— Я и Тим — мы не предназначены друг для друга.

— Равно как и все остальные твои приятели, — заметила Джоэль. — Все они были предназначены для Хезер.

Я кинула ей ее чистый фиолетовый бюстгальтер.

— Не очень-то большая потеря. Посмотри, куда тебя завела любовь.

Она заморгала, не находя, что ответить. Затем поднялась и неуклюжей походкой приблизилась к своему комоду, который стоял рядом с моим. Две оди-

наковые кровати, два одинаковых комода.

— Я просто не понимаю, Карли. Ты же лидер — в спорте, в школе, дома. Но когда дело доходит до Хезер... — она покачала головой. — Это беспокоит меня. Невыносимо видеть, когда помыкают другими людьми. Я не могу больше смотреть, как используют мою сестру.

Я с грохотом закрыла все свои ящики.

— Устрой свою жизнь, Джоэль, — предложила я, — тогда тебе не придется попусту тратить время, следя за моей.

6

Первое, что я сделала в субботу, так это нашла номер Джека в телефонном справочнике. Затем я дала его Меридит, 555-Д-Ж-И-Л-Л и трем остальным девушкам, которые звонили мне в выходные. Каждой я дала один и тот же совет:

— Джек — довольно прямолинейный парень. Позвони ему сама и задай любые вопросы. Не стесняйся. Джеку нравится рассказывать о себе.

Что касается звонков по поводу Хезер, мне понадобилось больше времени, чтобы ответить на них. Я еще немного поболтала с ребятами, записала интересующую меня информацию, чтобы потом сообразить, в какой последовательности их выстроить в моем списке. Я сказала им, что у нее уже есть парень, но она вскоре прекратит с ним встречаться. И это было правдой. Я была уверена, что через неделю она решит, что в действительности Тим ее не интересуется.

Все выходные я ждала, надеялась, даже прочла молитву, но Люк так и не объявился. Конечно, я даже не была уверена в том, что он помнит мою фамилию. После того дня, когда произошла битва в столовой, гимнасты стали позже приходить на обед — может, нарочно, — поэтому мне не удавалось поговорить с ним. Я решила, что дам ему еще один день, когда он сможет случайно натолкнуться на меня, прежде чем использовать свой единственный предлог встретиться с ним — полотенце, которое я должна была ему вернуть.

Надеясь на то, что понедельник будет моим счастливым днем, утром я накрашила губы и поехала в Кёрбисмит долгой дорогой, чтобы войти через основной вход колледжа. Для этого мне надо было проехать мимо спортзала. Я все время озиралась, оглядывалась через плечо, чтобы увидеть, кто ставит машины на стоянке, когда вдруг от неожиданного толчка чуть не перелетела через руль. Мой велосипед въехал на тротуар. Я нажала на ручные тормоза, они отчаянно заскрипели, и я остановилась, чуть не столкнувшись нос к носу с огромным мусорным контейнером. Я медленно перевела дыхание. Надеюсь, что меня никто не видел, подала назад.

— Ты в порядке, Карли?

Я быстро повернулась на голос. Ну конечно: Джек...

— Этому контейнеру надо смотреть, куда он едет. — Он пытался сохранять серьезный вид, но дрожащий от смеха голос выдавал его.

Я медленно подъехала к нему. В действительности, мне очень хотелось умчаться подальше на большой скорости, но это выглядело бы еще хуже.

— Как ты провел выходные? — вежливо спросила я.

— Хорошо, — так же вежливо ответил он. — Как насчет тебя? Интересно провела время?

— Ага. Потратила большую его часть на телефонные разговоры. — Я покосилась на него.

— И я тоже, — повернулся он, чтобы смотреть мне прямо в глаза. Но я все равно бы никогда не призналась, что это я направила на него всех этих томных девиц.

Я с неохотой слезла с велосипеда, неуклюже спрыгнув на правую сторону, и повела его между нами.

— Послушай, Карли, — Джек поднял руку, и на какое-то мгновение мне показалось, что он положит ее на мою. Но он положил ее на другую сторону руля и повел велосипед вместе со мной. — Я хотел бы извиниться за то, что произошло в пятницу. Прости, что я сказал о тебе, Хезер и Холестерине, это не мое дело.

Я кивнула. Я больше не сердилась.

— Ничего страшного. Ты тоже извини меня.

— За что? — спросил он. Вопрос прозвучал искренне.

— За то, что продолжала задавать вопросы, даже когда ты ясно дал понять, что не желаешь отвечать.

— А-а, — протянул он. — А я думал, что ты делала все это, чтобы дать всем этим девушкам мой телефонный номер и сказать им, как я люблю отвечать на вопросы о себе.

У меня открылся рот от удивления. Он засмеялся. В этот раз один его палец действительно коснулся моего, когда он протянул мне мизинец для примирения.

— Друзья?

Я была немного удивлена. Я даже не думала, что для него имеет значение, ладим мы или нет.

— Конечно, друзья. — Мы пожали друг другу руки. Велосипед с грохотом упал. Мы одновременно попытались схватить его и ударились головами, точнее, Джек ударился о мой шлем.

— Ой! Извини! — Я протянула руку потереть его ушибленный лоб. Но, поняв, что делаю, я смущенно отдернула руку. Но я стояла так близко, что могла почувствовать его запах. Тот же самый приятный запах.

— Каким мылом ты пользуешься?

Он поднял велосипед и передал его мне.

— Что?

— Нет, нет, ничего, — быстро ответила я.

Великолепно. Мы только что стали друзьями, а я уже задаю личные вопросы.

Джек, прищурившись, посмотрел на меня, затем куда-то через мое плечо.

— Возможно, тем же мылом, что и он, — с сарказмом произнес он. — Ми-

стер Весна.

— Мистер Весна? — Я повернулась и проследила за его взглядом.

Это действительно был мой счастливый день! Люк упражнялся в беге возле спортзала. Он выглядел так, будто участвовал в большом забеге: его тело блестело на солнце. Он заметил нас. Я повторяла себе, что все это игра моего воображения. Но я уверена, что его глаза засветились. Глаза цвета морской волны и золотистые полосы солнечного света в волосах. Он подбежал к нам.

— Карли. — Он сказал это тихим и хриплым голосом. Возможно, он запыхался. Конечно, запыхался.

— Привет. Привет. — Я поймала себя на том, что чуть было не сказала это в третий раз. Мой родной язык меня предал, и это было единственное слово, сохранившееся в моей памяти.

— Привет, — сказал Джек. — Меня зовут Джек Райдер.

— Ой, да. Извините, — сказала я. — Джек, это Хо... — «Холестерин», — хотела сказать я, потому что для Джека он был именно им.

— Люк, — тихо сказал Люк, так как казалось, что я забыла его имя.

— Люк, — повторила я слишком громко. — Я знала это!

Джек рассмеялся.

— Похоже, ты упражнялся, — обратился он к Люку.

— Так, пробежал несколько миль, — повел плечами Люк. — Тренер сказал, сегодня нас ждет трудный день. — Он повернулся ко мне: — Как у тебя дела, Карли?

— Отлично.

— У меня тоже. Как работа в лагере?

— Прекрасно. С ребятами, конечно, непросто, но очень весело. — Я свети-лась от счастья — еще бы, ведь я смогла выдать из себя два связных предложения. — Люк тоже работает там вожатым, — добавила я.

— Джек, — поправил меня Джек. — Вот Люк. А я Джек. А ты Карли.

Я свирепо посмотрела на него, и он засмеялся.

— Ты многому учишься от твоего нового тренера? — спросила я Люка.

— Еще бы! — сказал он, не отрывая от меня взгляда своих двух ярких солнц. — Я учусь тому, что я лучший. Я должен верить в это, Карли. И у меня для этого все возможности. Я лучший и могу быть даже больше, чем лучшим. Это все мое, если я действительно хочу это получить.

— И давно у тебя проблемы с самооценкой? — спросил Джек с непроницаемым видом.

Я снова бросила на него свирепый взгляд. Но он притворился, что не заметил его.

— Да я даже не знаю, — ответил Люк. — В общем-то я всегда считал, что я лучше других. — Он пошевелил рукой. Я заметила, как перекачиваются его мышцы. — Но все-таки какая-то крошечная часть меня была не уверена в этом.

Я ободряюще кивнула:

— Хороший тренер дает тебе уверенность, чтобы позволить стать именно тем, кем ты можешь.

Люк схватил меня под руку.

— Я знал, что ты поймешь, — сказал он с таким жаром и горячностью, что я запросто могла растаять, как воск, в его руках. — Я имею в виду, ты ведь что-

то вроде спортсменки.

— Не что-то вроде, она самая настоящая спортсменка, — тихо поправил Джек.

— Карли, ты, это... ты будешь еще здесь, вечером? — спросил Люк.

— Буду ли я еще здесь? — повторила я, чувствуя, как подпрыгнуло мое сердце.

— Я просто не знал, будешь ли ты работать допоздна или нет. Сегодня здесь показывают фильм. Я подумал, может быть, если ты еще будешь здесь... — Неожиданно в его голосе прозвучала робость.

— Какое совпадение! — воскликнула я. — У нас сегодня совещание, и мы закончим поздно!

— Неужели? — в удивлении спросил Джек.

Я, как бы случайно, уронила на него велосипед.

— Оу! Это был тонкий намек, — пожаловался он.

Но Люк ничего не заметил. Он уже собирался уходить.

— Ну, если ты не против, мы могли бы встретиться в студенческом центре, скажем, в шесть часов?

— В шесть часов, — крикнула я ему вслед, не в силах этому поверить. Я шла по дороге как зачарованная, а Джек вел мой велосипед. — В шесть часов, — вздохнула я.

Мне до смерти хотелось поделиться с Хезер. Я хотела скакать от радости и праздновать вместе с моей лучшей подругой. Но, конечно, Хезер была последним человеком, которому я могла это рассказать. Я повернулась к Джеку:

— Ущипни меня!

Но вместе этого он схватил меня за руку и оттащил с дороги, спасая от приближающейся машины.

По понедельникам у меня было два урока в бассейне. Сначала я работала с второклассниками, затем с детьми-иностранцами при помощи Хау. Описывая наш стиль обучения, мы с Хау называли его «оперой». Между нами был постоянный диалог. Я пела инструкции на английском, потом Хау переводил некоторые слова, а иногда целые предложения на вьетнамский, при этом мы оба использовали мелодраматическую жестикуляцию. Дети только успевали поворачивать головы, наблюдая за нами, как зрители, смотрящие очень быструю оперу.

Но в это утро шоу у бассейна замедлилось. Я не могла сосредоточиться на работе, и Хау иногда приходилось говорить с ними не только по-вьетнамски, но и по-английски. В классе Хау обычно повторял все мои движения, поэтому сейчас, когда я демонстрировала детям движения рук во время кроля, шагая взад-вперед и говоря им следить за мной, Хау делал то же самое. Затем моя лучшая маленькая рыбка Тэм спросил меня, умею ли я плавать на спине.

— Конечно, и это очень здорово.

К несчастью, я даже не подумала обернуться. Размахивая руками, я откинулась назад и очутилась в бассейне, погрузившись в воду задом и молотя по ней руками и ногами. Хау не мог оставить меня в одиночестве. Размахивая руками, как ветряная мельница, он попятился назад и упал рядом со мной. Дети расхохотались. Затем им всем захотелось попробовать сделать то же самое.

Я все еще витала в небесах, когда вожатые собрались в офисе лагеря.

— Итак, — сказал Джек, — еще один незабываемый урок с нашим препода-

вателем физкультуры, мисс Карли.

Вместе с Хау он работал с детьми над рисунками, одновременно дав им задание сделать рисунок и описать его. Анна смотрела на результаты работы, читая то, что ребята написали. Я едва взглянула на мокрые, измятые листы, но даже так увидела огромное количество голубых бассейнов, рыжие волосы и размахивающие руки.

— Удивительно, что ты еще не попросил их написать обо мне песни, — сказала я Джеку.

— О, их не надо даже просить, — ответил он.

— Как прошел твой день? — спросил меня Гарри. Положив веснушчатые руки на стол, он улыбался, как большой дружелюбный пес, но в то же время пристально смотрел на меня.

— Отлично, — сказала я. — А почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Да нет, ничего. Просто такое чувство, что ты как будто где-то витаешь. Нет-нет, я не жалуясь, Карли, — добавил он, увидев, что я нахмурилась. — Мне просто любопытно. Ты назвала меня Ларри сегодня за обедом.

Я виновато улыбнулась.

— Дважды.

— Ой!

— Ларри. Это Гарри, но с буквы «Л», с которой начинается Люк, — объяснил Джек.

Думаю, он считал себя очень умным, выдвигая эту теорию.

— Люк — это олимпийский герой, который пригласил ее в кино сегодня вечером, — продолжил он. — Это немного проясняет происходящее сегодня?

— Он правда пригласил тебя? — восторженно спросила Памела. Во время игр розовые кончики ее ногтей понесли потери. Она наклеивала длинный накладной ноготь — настолько острый, что им можно было нарезать помидоры. — Просто фантастика!

— Вот и я так думаю, — сказала я, поднимаясь с кресла. — Пожалуй, я пойду. Мне нужно переодеться во что-нибудь чистое. — Я прикинула в уме, что у меня еще есть достаточно времени, чтобы привести себя в порядок.

— Но ты же допоздна работаешь, — напомнил мне Джек. — Ты же сама ему так сказала. А что, если он заметит, что ты переоделась?

Я посмотрела на Джека, как на законченного идиота.

— Я постираю и высушу эту одежду и снова ее надену.

Теперь он взглянул на меня, как на сумасшедшую.

— И это того стоит?

— Люку очень повезло, — дружелюбно сказал Хау. — Желаю тебе хорошо провести время, Карли.

— Обязательно. Спасибо, — сказала я и выскочила за дверь.

Конечно, я ехала окольными путями. Я не хотела натолкнуться на Люка или Хезер, чья танцевальная студия находилась рядом со спортзалом. По дороге домой я развлекалась тем, что объясняла Хезер, почему я не рассказала ей о нас, хотя мы с ним встречались уже три жарких месяца. Это была замечательная фантазия, и я снова и снова углублялась в детали, рассказывая ей свою историю.

Только представьте себе, как нелепо я себя почувствовала, когда в середине

своего объяснения вдруг поняла, что и вправду смотрю в лицо Хезер. Это был перекресток, находившийся неподалеку от моего дома, и она высовывалась из окна своей «хонды».

— Карли, я еду за тобой уже пять кварталов!

У меня появилась параноидная мысль о том, что Хезер преследует меня с невидимым бипером, и всякий раз, когда я знакомлюсь с симпатичным парнем, он посылает ей сигналы. Каким-то образом она всегда об этом узнавала.

— Мне сказали в офисе лагеря о твоих потрясающих новостях, — сказала она.

— Они — это кто? Джек? — А он еще говорил, что мы друзья. Предатель.

— Нет, — ответила Хезер. — Тот вьетнамский парень и девушка с ногтями. Джек ничего не говорил.

— А-а.

«Извини, Джек», — подумала я.

Машины начали сигналить. Свет переключился на зеленый. Я проехала к следующему перекрестку. Хезер надела очки с желтыми стеклами и последовала за мной.

— Я действительно рада за тебя, Карли, — сказала она, когда мы снова остановились.

Я оперлась на руль, чтобы получше разглядеть в машине ее лицо. На меня смотрели все те же большие серые глаза, которые желали мне удачи перед играми по баскетболу, беседами на работу и контрольными по математике. Я вела себя как идиотка. Как я могла стать такой ревнивой эгоисткой?

— Спасибо, — тихо сказала я. — Мне нужно было это услышать.

— Я действительно так рада за тебя! Хотелось бы мне, чтобы у меня с Тимом все складывалось так же, как у вас.

Так, значит, у нее с Тимом уже все. Конечно, она была рада за меня. Мое свидание с Люком означало, что и она уже на шаг ближе к своему свиданию с ним. Я пыталась избавиться от этих гадких мыслей, проезжая два следующих квартала. Хезер остановилась перед моим домом. Я поставила велосипед на подножку и подошла к ней.

— Мне жаль, что у вас с Тимом не сложилось, — сказала я, — но у меня для тебя хорошие новости. Половина парней с вечеринки от тебя без ума.

Я была рада видеть, как порозовели ее щеки.

— Да, да! Например, Стив.

— А-а, Стив, — протянула она.

— А чем тебе не нравится Стив? — спросила я. — Он очень симпатичный. Хороший. У него есть деньги. И своя машина.

Она отмела это предложение.

— Ладно, как насчет Брента?

Она нахмурилась.

— Брент...

— Высокий, темноволосый, чувственный взгляд. У него вся комната заполнена коллекцией рок-музыки. Он покупает билеты на все концерты и...

Она покачала головой.

— Ну хорошо. Как насчет Андре? Блондин. Его отцу принадлежат лучшие места на стадионе в «Камден йардз». Мне кажется, он занимается парусным спортом.

— Ты же знаешь, у меня морская болезнь, Карли.

— Ладно, мне звонили и многие другие, но если ты будешь такой привередливой... — упрекнула ее я.

— Да не привередничаю я, — заняла она. — Но ребята на вечеринке Стива ничем конкретным не занимаются. Мне плевать на то, что они богаты, — у меня есть деньги. Мне нужен парень, который был бы чем-то занят.

«Например, гимнастикой», — подумала я.

— Мне нужен парень, который интересуется чем-то, может поговорить о чем-нибудь. Кто-нибудь, кто не слоняется вокруг да около целыми днями.

У меня начала зарождаться одна мысль. Джек не слоняется. Он работает и интересуется детьми. Ему нравится искусство и музыка, так же как и ей, и он хороший собеседник.

Джек мог бы мне помочь. Я хочу сказать, ведь мы же друзья. И даже если бы не были просто друзьями... Он прекрасно сложен и у него густые волосы, которых захотела бы коснуться любая девчонка. А его глаза, этот насыщенный голубой цвет, оттенки которого меняются от его настроения...

— Карли! О чем ты задумалась?

Я выбросила его портрет из своей головы, прежде чем позволила себе увлечься.

— Мне нужно еще подумать, — сказала я, но уже знала: Джек был тем, кто мне нужен, — первый в списке, идеальная пара для Хезер.

— Подумать о чем? — спросила расстроенная Хезер.

— О ком-то, кто наконец-то оказался бы настоящей любовью, — сказала я ей. — Послушай, Хезер, мне надо бежать.

— Но...

— Я встречаюсь с Люком в шесть, а выгляжу не классно.

Подвозя велосипед к дому по подъездной аллее, я услышала, как она крикнула мне:

— Я действительно, действительно рада за тебя.

7

— Все, о чем я прошу, так это отвезти меня в университетский городок, — через полтора часа говорила я своей сестре. — Ну какие еще у тебя планы на сегодняшний вечер? Чтение второй главы о том, как научить Приятеля ходить в туалет?

— А все, что я говорю — веди машину сама, — ответила Джоэль, с грохотом ставя тарелку на кухонный стол. — Зачем тебе нужен шофер?

— У нас две машины, котенок, — вмешался отец.

Я терпеть не могла, когда он так меня называл. Это прозвище не подходило мне, даже когда мне было четыре года.

— Ваша мать будет весь вечер вздыхать над безнадежными сочинениями студентов, — продолжил он, приглаживая свои рыжеватые волосы. Эта бессознательная привычка выработалась у него после того, как он начал причесывать волосы на разные лады, чтобы скрыть редеющие места. — А я готовлюсь к литературной конференции. Обе машины свободны.

— Ладно, забудьте, — раздраженно проговорила я, задвигая стул.

И как я могла объяснить? Я уже должна была быть на территории колледжа. Люк знал, что я приехала на работу на велосипеде. После фильма я планировала сказать ему, что оставила велосипед в офисе, но не хотела бы возвращаться на нем домой в темноте. Затем я попросила бы его подвезти меня. В этом случае, даже если мы не обменяемся номерами телефонов, он, по крайней мере, будет знать, где я живу. Но если я расскажу об этом Джоэль, а у меня с Люком ничего не выйдет, это будет еще один парень, из-за которого она станет меня дразнить.

Я поспешила наверх, подкрасила глаза и намазала губы помадой персикового цвета, хотя к тому времени, как я туда доберусь, я, наверное, всю ее слижу. По крайней мере, я аккуратно заплела волосы в косы, а на моей рубашке больше не было следов липких рук Юджина.

Я выводила велосипед из гаража, когда Джоэль вышла из дома, позвякивая ключами от машины.

— Я отвезу тебя, если ты скажешь мне, зачем все это.

Я убрала велосипед. До Кёрбисмита мы ехали молча.

— Вот здесь останови, — сказала я, когда мы добрались до начала университетского городка. Я быстро вышла из машины.

— Так ты мне скажешь, зачем это тебе? — крикнула моя сестра мне вслед.

— Я скажу... после того, как ты скажешь мне, почему ты раздобрилась и вызвалась меня подвезти, — ответила я и захлопнула дверь. — Ты не настолько любопытна, Джоэль, — сказала я в окно. — И ты никогда не была такой милой. Должно быть, это разбушевавшиеся материнские гормоны.

— Какой ты еще ребенок! — прорычала она и уехала.

Люк ждал меня возле студенческого центра, сидя на цементном бордюре, который располагался по обе стороны лестницы. Он сидел, вытянув одну ногу и поджав другую, его мускулистая рука лежала на голом колене. Его можно было принять за скульптуру олимпийского бога, украшающего студенческий храм.

Его глаза были закрыты, поэтому он не видел, что я смотрела на него.

— Люк... Люк? — сказала я немного громче.

— А-а, Карли.

— Тяжелый день? — мягко спросила я.

Он улыбнулся. Когда я видела его глаза, то все время вспоминала о туманном летнем утре.

— Еще какой. Тренировка с двойной нагрузкой. Когда ты на вершине, тренеры с тебя три шкуры сдирают. — Он спрыгнул с бордюра. — Мои друзья заняли нам места в кинотеатре.

Маленький зал в кинотеатре был заполнен только наполовину. Учитель, одетый так, будто он застрял в той же эпохе, что и моя мать, читал публике, представленной в основном его собственной группой, лекцию о скучных научно-популярных фильмах.

Думаю, что фильм «Бушующие вулканы» не пользовался большим успехом.

Он говорил и говорил о веществе, извергаемом вулканом, которое мы должны были увидеть на экране. Я сидела между Люком и двумя парнями, которых звали Хенк и Джош. Они тренировались с Люком и учились в Кёрбисмите. Даже глядя на лектора, я чувствовала каждое движение Люка.

Его рука коснулась моей. Он согнул и разогнул большой палец. Потом зевнул.

— Ты интересуешься фильмами? — спросил меня Хенк достаточно громко, чтобы помешать студентам, слушающим лекцию.

— Или Люком? — сказал Джош, глядя на меня с ухмылкой.

— Вообще-то мне нравится спорт, — тихо ответила я. — Но фильмы тоже неплохо.

— Тебе нравятся спортивные герои? — спросил Джош, все еще ухмыляясь.

Из-за своей большой головы он напоминал мне фонарь из тыквы для Дня Всех Святых.

— Ты считаешь себя одним из них? — спросила я Джоша.

Хенк, темноволосый парень, который, вероятно, считал себя красавцем, повернулся и рассмеялся Джошу в лицо.

— Карли что-то вроде спортсменки.

«Не что-то вроде, она спортсменка», — мысленно услышала я голос Джека.

— Правда? — сказал Хенк. — А каким спортом ты занимаешься?

— Я играю в хоккей на траве, баскетбол и в лакросс в школьной команде. В софтбол с командой моих друзей.

— И что, ваши команды чего-то стоят?

«Нет, мы просто так развлекаемся», — хотелось ответить мне, но он был другом Люка.

— Спроси у Люка, — с гордостью сказала я. В конце концов, именно женские команды стали чемпионами штата по баскетболу и лакроссу. — Это команда и его школы тоже.

Люк выглядел каким-то отрешенным.

— Я, э-э, не очень слежу за ними. Баскетбольная команда парней неплохо играет.

— Парни, к твоему сведению, выиграли четыре игры за последние три года.

— Ты бы видела девушек — гимнасток из колледжа, которые зашли посмотреть на нас сегодня, — сказал мне большелицей Джош. — Люк устроил им настоящее представление. Я думал, девушки никогда не уйдут.

Кто этот парень — рекламный агент Люка?

— А я слышана о женской команде, — парировала я. — Как жалко, что вы, ребята, так и не смогли отправиться на региональные состязания вместе с ними.

Я покосилась на Люка, но он, казалось, пропустил мою язвительную ремарку мимо ушей. Двое его друзей, однако, не пропустили ее. Хенк хитро на меня посмотрел. А Джош перевел разговор на спортивные травмы. Все трое стали обсуждать свои травмы и их лечение с таким же энтузиазмом, с каким моя мать делилась с Джоэль опытом рождения детей. Я поймала себя на том, что уставилась на тело Люка, в то время как он обсуждал одну проблему, а затем переходил к следующей.

Казалось, он не собирался прекращать разговор, даже когда начался фильм. И только после того как на нас зашикали люди, сидящие рядом, мы наконец-то начали смотреть на лаву, извергаемую вулканом. Она, правда, вовсе не была похожа на то вещество, о котором говорил лектор, а напоминала скорее бесформенные куски желе. Люку же она ничего не напоминала: он проспал всю вторую часть. Когда включили свет, я потрясла его за плечо.

— Хочешь выпить чего-нибудь? — спросил Хенк, когда мы выходили из зала.

— Может, посидим в комнате отдыха общаги? — поддержал идею Джош, его лицо-тыква просто сияло.

— Я бы выпила холодной газировки, — сказала я, не желая заглатывать наживку.

Люк кивнул в знак согласия. Я даже не уверена, видел ли он наживку, которая болталась перед ним.

Комната отдыха находилась на втором этаже смешанного общежития. Это была большая комната с ковром на полу и огромным количеством квадратных мягких кресел — по несколько у каждого стола. Поверхности столов были липкими, на них валялись крошки, а микроволновка выглядела так, будто в ней взорвалось несколько бомб из томатного соуса.

В углу сидела девушка, слушающая CD-плеер и одновременно печатающая на ноутбуке. Она взглянула на нас и снова погрузилась в работу.

Наверное, мне следовало быть в восторге оттого, что я единственная девушка в компании таких красивых и сильных парней, но меня вскоре утомили бесконечные рассказы о спортивных травмах и невероятных достижениях на брусках и конях. Когда Джош неожиданно поднялся и вышел, я повернулась к Люку в надежде, что мы тоже сможем уйти.

Он улыбнулся мне, глядя в глаза, и сказал:

— А когда мне было восемь, я участвовал в детских состязаниях...

Через несколько минут Джош вернулся с ручным холодильником. Он ухмыльнулся и открыл его. Пиво. В огромных количествах. Неудивительно, что мужская команда Кёрбисмита не смогла попасть на региональные состязания. Он вытащил две банки и протянул их нам.

— Нет, спасибо. Я не пью, — сказал ему Люк.

Но, несмотря на это, Джош вложил ему в руку холодную банку, а вторую дал мне. Когда я не стала открывать ее, Хенк потянулся через стол и сделал это за меня. Я поставила ее на стол с глухим стуком.

Люк, продолжая держать свою в руках, сделал маленький, осторожный глоток. Затем еще один. Хенк и Джош пили огромными глотками. Я подумала о том, что они, вероятно, одни из тех, кому нравится рыгать на публике.

— Так ты считаешь, что у парней тренера Милани есть шанс нас обойти? — спросил Хенк, откидываясь в кресле.

— Ты имеешь в виду мальчиков Милани? — уточнил Люк, отхлебывая пиво.

— Ты имеешь в виду девочек Милани? — сказал Джош.

Все трое затряслись от хохота. Мне же шутка не показалась такой забавной. Они говорили и говорили о людях, имеющих отношение к гимнастике, сплетничая хуже, чем девчонки. Глоток за глотком Люк пил свое пиво.

Закончив, он поставил пустую банку на стол и встал.

Я тоже поднялась, думая, что мы уходим. Но Джош жестом показал в сторону мужского туалета. Когда Люк вернулся, я стояла у двери комнаты отдыха.

— Извини, но мне надо завтра на работу, — сказала я ему.

Он кивнул и продолжил путь к креслам, где все еще сидели Джош и Хенк. «Ладно, я ухожу одна», — подумала я. Но он взял мое пиво, помахал им в знак прощания друзьям и вышел вместе со мной.

— Мне нужен свежий воздух, — сказал он, опираясь на меня, когда мы шли к лифту.

Я пыталась держаться прямо, насколько это было возможно. Мне не верилось, что Люк Хартли был рядом со мной, что он дотрагивался до меня и опирался на меня. Конечно, то же самое делали и пожилые женщины, когда я помогала им искать их машины на стоянке супермаркета.

На улице прохладный вечерний ветер, казалось, оживил его.

— Ты не хотела бы немного прогуляться, Карли? — предложил он своим низким тихим голосом.

— Да, — почти прошептала я.

Несколько минут мы шли молча, затем я стала рассказывать ему о детях из лагеря, о маленьком дьяволенке Юджине, о Тэме, который любил воду, и Мигеле, прирожденном спортсмене.

— У него огромный талант для второклассника, но он нуждается в поощрении, — сказала я. — Все вожатые стареют...

— Я тоже нуждался в поощрении, когда был во втором классе, — перебил меня Люк. — Мне оно до сих пор нужно.

— А что касается Мигеля, его главная проблема не преуспевание в спорте, — продолжала я. — Нам кажется, с ним жестоко обходятся дома.

— Тренер, с которым я сейчас работаю, считает, что грубое обращение — это и есть поощрение, — сказал Люк. — Меня еще никогда не заставляли так работать. — Он сделал несколько жадных глотков пива. Затем он продолжил говорить о том, о чем мы говорили весь вечер — о себе.

Мы шли протоптанной дорогой, которая вела к ручью и деревянному мостику. Войдя в аллею лесных деревьев, Люк замолчал.

— Тебе ведь здесь нравится? — негромко спросила я.

Он улыбнулся.

— Мне хорошо с тобой, Карли, — ответил он. — С тобой приятно поговорить.

Мы уселись на мосту, свесив ноги и опершись руками и подбородками о нижнюю перекладину перил. Покачивая ногами, мы едва касались пальцами холодной воды, в которой серебряной дорожкой отражался лунный свет.

Люк еще немного отхлебнул пива.

— Значит, тебе нравится работать в лагере.

— Да, но иногда становится и грустно, — ответила я. — Ребятишки, такие, как Мигель и Юджин, никогда не плавали в бассейне. Эйприл думает, что зеленые холмы площадки для гольфа — самое красивое из всего, что она видела в жизни.

Люк слушал молча. Я знала, я точно знала, что, если я избавлю его от компании его дружков, все будет по-другому. Я стала рассказывать ему о других детях. Он слушал настолько внимательно, что даже не шевелился. Вдруг я поняла, что он спал.

— Люк. Люк! Люк! — Он что-то пробормотал.

— Люк, проснись! — Он поднял голову, ангельски улыбнулся мне, затем снова закрыл глаза и уронил голову на руки.

Я схватила его банку пива. Пусто. Я догадалась, что он вымотался после тяжелого дня в спортзале, ему очень хотелось пить и, возможно, он в самом деле никогда не брал в рот спиртного. Делать было нечего, оставалось только ждать. Я посмотрела на часы: 9.30. Когда я посмотрела на них снова, было 9.45. Потом 9.55, 10.05. Что, если он проспит всю ночь?

— Люк!

— М-м-м, — промычал он, улыбаясь.

Я не могла его оставить там на всю ночь. Я представила себе, как он падает с моста, и вообразила заголовки завтрашней газеты: «Олимпийский бог найден мертвым в ручье. Разыскивается вожатая лагеря».

— Давай, Люк, давай! — молила я.

Все было впустую.

— Холестерин! — заорала я ему прямо в ухо. Я вскочила и потянула его за руки. Его подбородок стукнулся о перила. Я тянула и тащила, полная решимости сдвинуть его с места. К тому времени, как я уложила его на берегу реки, моя одежда вымокла от пота. Надеюсь на то, что никому не вздумается прогуляться у ручья при луне, я перевернула его на спину и обыскала карманы. Бумажник, монеты в двадцать пять центов, жвачка — все, кроме ключей. Я по-

думала о том, какой у меня выбор. Охрана университетского городка. Хенк и Джош. Джоэль. Мне не хотелось, чтобы у Люка были неприятности в колледже. Хенку и Джошу нельзя было доверять. Оставалась только Джоэль. Я добежала до ближайшего общежития и позвонила домой из телефона-автомата на первом этаже.

Через двадцать минут Джоэль была на месте и, склонив голову, смотрела на Люка. Он начал что-то бормотать, что было хорошим знаком; может, мы сможем добиться того, чтобы он встал.

— Да, ты умеешь выбирать парней, — покачала она головой.

— Но ты не можешь отрицать, что он красавец.

— Тебе бы надо было позвонить Хезер, — сказала мне Джоэль. — Пусть бы она забрала его себе сейчас.

Я закусила губу.

— Она тебе звонила, оставила два сообщения на автоответчике. Она действительно, действительно рада за тебя.

— Помоги мне отвезти его домой — это все, о чем я тебя прошу, — прошипела я.

— Ладно, Спящий Красавец. — Джоэль положила руку Люка себе на плечо, чтобы вместе со мной поднять его. — Беременная женщина готова оказать помощь.

Мы с трудом усадили его, постоянно крича и тормоша его. Он заморгал, как будто бы был заколдован и проспал сто лет. Мы обе подхватили его под руки и, пыхтя и прилагая невероятные усилия, похожие на те, которые прилагают тяжеловесы, поставили его на ноги. Затем все трое, шатаясь, побрели по тропинке. Все кончилось тем, что Джоэль подогнала машину поближе, поставив ее практически на университетский газон. Если бы нас — двух дочерей заведующей кафедры английского факультета — засекли, нам бы пришлось искать себе новое место жительства. Но охрана университетского городка не была в тот день начеку. Мы затолкали Люка на заднее сиденье и отъехали.

8

Я чувствовала непреодолимый соблазн оставить его у входа в его дом. Но к тому времени, как я втокнула Люка на крыльцо, он смотрел на меня с обожанием и пытался извиниться. Дверь открыла его мать. Ее руки были того же размера, что и у Люка, а голос на октаву ниже, чем мой. В такие времена честность — лучшая политика. Я надеялась, что завтра, когда голова Люка прояснится, он еще будет смотреть на меня этими милыми зелеными благодарными глазами.

Когда мы с Джоэль вернулись домой, было уже около полуночи.

— Мы с папой уже стали волноваться, — сказала мама, отрываясь от стопки студенческих работ.

— Уже довольно поздно для понедельника.

— Я просто надеялась, что мой знакомый подвезет меня, — объяснила я, — но он не очень хорошо себя чувствовал, и вместо этого нам с Джоэль пришлось отвезти его домой.

Мама понимающе кивнула.

— Я знала, что могу рассчитывать на то, что вы обе позаботитесь друг о друге, — и она вернулась к работе.

Вот каково это быть детьми миротворцев-шестидесятников, которые занялись карьерой в области образования и поздно обзавелись детьми. Им повезло, что ни я, ни Джоэль не стали малолетними преступниками. Мы поднялись к себе, и Джоэль направилась прямо в ванную. Растянувшись на кровати, я пыталась загипнотизировать своим взглядом мигающий огонек автоответчика. Если бы я была умнее, то прослушала бы сообщения, пока Джоэль плескалась под душем. Но, по крайней мере, два из пяти посланий были от Хезер, а я просто не могла слышать, как она действительно, действительно рада за меня.

— Ты что, не собираешься прослушивать свои сообщения? — спросила Джоэль, вернувшись в комнату. Ее вымытые волосы были похожи на влаж-

ные перышки.

— Уже поздно, — ответила я, — слишком поздно, чтобы перезванивать. Зачем сейчас забивать себе этим голову?

— Это же прямо как мыльная опера. Я думала, тебе хочется вникнуть в сюжет.

Я пожалала плечами, вытащила из волос резинку и начала расплетать косу.

— Хезер действительно, действительно...

— Я знаю, — оборвала я сестру.

— Но Тим удивлен, почему Хезер не звонит ему.

— Что ж, попробуй догадаться, Тим, — сказала я.

Рука Джоэль в нерешительности застыла над столиком с лосьонами и витаминами.

— В третьем сообщении Хезер...

— Я знаю!

— ...в ярости от звонков Тима.

— Так ей и надо, — пробормотала я.

— Ну и конечно, она действительно сама знаешь что, — добавила моя сестра, останавливая свой выбор на большой бутылке абрикосового крема. — Стив между тем несколько смущен по поводу Хезер. Он говорит, что она сама не знает, чего хочет.

— Удачи тебе, Стив, — сказала я, отбрасывая последнюю прядь волос.

— Потом звонила 555-Д-Ж-И-Л-Л, — продолжала Джоэль.

Я закатила глаза.

— Кто этот Джек?

— Что-то вроде друга. Я с ним работаю.

— Его имя было и в другом сообщении. Эта девушка оставила адрес своей электронной почты.

Джоэль втирала крем в свои бледные веснушчатые ноги. Каждый вечер она проверяла их на наличие варикозных вен.

— Карли, почему ты неожиданно стала горячей линией свиданий?

— Это все просто так вышло, — сказала я.

— Ничего из того, что с тобой происходит, никогда не случается просто так. Ты что-то задумала.

Я прошлась гребешком с редкими зубьями по своим непослушным волосам.

— Мне кажется, это что-то, связанное со Спящим Красавцем, — продолжала размышлять Джоэль. — Хочешь услышать, что я думаю?

— Нет.

— У тебя виды на Спящего Красавца. Это очевидно. И ты действительно думаешь, что сможешь удержать Хезер подальше от него? — Она с сомнением покачала головой.

Когда я не прореагировала, она продолжила:

— Тим думает, что он бросил тебя, но это ты бросила его в надежде занять чем-то Хезер.

— Никто никого не бросал, — сказала я жестко. — Мы расстались по взаимному согласию.

Она махнула бутылочкой крема в ответ.

— Все эти парни — ты приготовила их для Хезер. Только в этот раз, — доба-

вила она с саркастичной улыбкой, — я не думаю, что сначала ты будешь встречаться с ними.

Я закусила губу.

— Я права?

— Ну, если ты так говоришь.

— Чего я до сих пор не понимаю, так это какое отношение имеют Джек и эти девушки к твоему плану.

— Девушки не имеют к нему никакого отношения. А вот Джек имеет, он мог бы стать идеальной парой для Хезер.

— Карли, перестань, ты ведь не думаешь, что этот план сработает.

— Что я на самом деле думаю, так это то, что Хезер должна найти себе нужного парня. А я помогаю ей сделать это.

— Ну перестань! — Джоэль начала взбивать подушки, которые в огромном количестве лежали у нее на кровати. У нее всегда их было много — коллекция бесформенных мягких зверюшек, доставлявших ей радость.

— Идеальная пара для Хезер — это любой парень, с которым встречаешься ты. Тебе следовало это понять давным-давно. Я не знаю, зачем ты бросила Тима, тебе бы следовало отделаться от Хезер.

— Она моя подруга, — процедила я сквозь зубы.

— Она тебя использует, Карли! Застенчивая, милая крошка Хезер тебя использует. И ты называешь это дружбой? Я называю это жалкой ситуацией, Хезер очень эгоистичный человек. И если ты думаешь, что валять дурака то же самое, что быть преданной подругой, мне тебя жаль.

— Валять дурака? Ведь ты уже кое-что знаешь об этом, не так ли, Джоэль? — сказала я, схватив одну из ее подушек и начав бить ее кулаком. — Очень хотелось бы надеяться, что Сэм оценит это.

Глаза Джоэль наполнились слезами. Она никогда не говорила нам имени отца своего ребенка.

— В следующий раз сама убирай свое белье, — сказала я ей. — Я увидела его имя на обратной стороне фотографии в ящике для носков. Он выглядит старым.

— Он немного старше, — тихо ответила Джоэль. — Он аспирант на кафедре антропологии, начинающий преподаватель.

— Начинающий преподаватель? — воскликнула я. — Ты хочешь сказать, он тебя учил? О господи, — сказала я с отвращением. — Надеюсь, он хотя бы предложил материальную помощь будущему ребенку.

Джоэль расправила простыню на кровати и аккуратно сложила подушки. Она всегда так реагировала на проблемы, которые не хотела обсуждать: занимала себя чем-нибудь, замыкалась в себе. Она могла закрыть глаза, и я в этот момент переставала для нее существовать.

— Джоэль, — сказала я, пока у меня еще была такая возможность. — Приятель — и его ребенок тоже. Он должен тебе помочь. Сэм теперь обязан постоянно помогать тебе.

Она выключила светильник над своей кроватью.

— Он не может.

— Ну, — сказала я, смакуя слова и довольная, что могу бросить их обратно ей в лицо, — а вот это я называю жалкой ситуацией. Сэм очень эгоистичный человек.

— Он женат.

На мгновение я лишилась дара речи.

— Женат?

Моя сестра и человек, который старше ее, да и к тому же женат? Что же случилось с примерной ученицей, которая отправилась в колледж с мечтой об изучении народов Западной Африки? Когда она успела превратиться в домоседку, в мать-одиночку в пригороде Балтимора?

— И ты еще критикуешь Хезер за то, что она уводит парней. Бог ты мой, ты связалась с чьим-то мужем!

— Я не знала. По крайней мере, в начале, — ответила Джоэль. Ее почти не было слышно, так как она говорила, уткнувшись в подушку.

— Но ведь ты узнала.

— Слишком поздно, — сказала она. — Я была уже влюблена в него... по уши влюблена. — На секунду она оторвала голову от подушки и произнесла отчетливо: — Впрочем, я и сейчас чувствую то же самое.

Я покачала головой:

— А как насчет него?

— Он женат, — повторила она и вновь зарылась головой в подушку.

— Вот почему ты постоянно торчишь у телефона. Ты ждешь, что, может быть, он позвонит.

— Он звонил. Два раза. Я прослушала сообщения, затем стерла их.

Я с шумом вдохнула и выдохнула.

— Иди в душ, Карли, — произнесла Джоэль усталым, скучным голосом. — Уже поздно. Нам обеим необходимо выспаться. Нам троим необходимо выспаться.

Она положила руку себе на живот. Я выключила свой светильник и пошла в ванную. Через двадцать минут, когда я вернулась в комнату, Джоэль быстро повернулась ко мне спиной. Ее глаза были закрыты, как будто она спала. Но в лунном свете я успела заметить в них молчаливые слезы.

— Третий удар!

— Мигель, Мигель, не попал даже в дверь, — пропищал тоненький голосок. Я медленно повернулась и посмотрела на ряд потных, испачканных мордашек с видом третейского судьи. Я пришла на работу во вторник утром, измотанная после бессонной ночи, проведенной в мыслях о Джоэль. Мне только не хватало неприятностей от второклассников.

— Кто-то что-то сказал? — громко и отдельно произнесла я.

Мигель, заморгав, присоединился к концу строя, встав на расстоянии от своих товарищей. Мне надо было быть осторожной в словах, осторожной, чтобы в дальнейшем не унижить Мигеля. Очевидно, вчерашняя беседа о порядочности и разговор о сплоченности в игре, состоявшийся у нас в пятницу, не возымели должного эффекта.

— Кто-то что-то сказал, и я хочу знать кто.

Половина ребятишек смотрели мне прямо в лицо, другие опустили глаза.

— Хорошо, — сказала я. — Вы все можете занять поле. Вы только что лишили себя двух последних заходов в игре.

Теперь ребятишки повернулись с сердитым видом посмотреть на виновного, но я знала, что эта девочка была не единственной, кто дразнил Мигеля. Это

продолжалось с прошлой недели и совершенно сбивало меня с толку. Мигель выглядел так, словно хотел заползти под камень. Я была рада, когда нам пришлось прервать игру, чтобы пообедать. В тот день я, Джек и Анна были свободны от дежурства.

— Я просто не понимаю, — сказала я, подтягиваясь, чтобы усесться на кирпичной стене. Они принесли мне обед и газировку, и мы устроились в тени раскидистого дуба. — Мигель — мой лучший принимающий игрок, — продолжила я, открывая банку. — На прошлой неделе он бросил мне мяч сильнее, чем любой второклассник, третьеклассник или четвероклассник, которого я когда-либо знала. Ну я и подумала, что мне представится тысяча возможностей похвалить его. Ведь он в этом очень нуждается.

Анна кивала, слушая меня. Джек смотрел на меня, но я не была уверена, слышит ли он хоть что-нибудь из того, что я говорю.

— В прошлую среду он испортил игру, — продолжала я, — потом испортил еще одну. Кто-то из детей стал насмеяться над ним, затем другой, третий. Я все понимаю, их хоть хлебом не корми, только дай сделать из кого-нибудь мишень. Чего я не понимаю, так это почему Мигель не защищается.

— Каким образом? — спросила Анна.

— Он же прирожденный спортсмен. Я же вижу, как он двигается, — сказала я ей. — Я постоянно предоставляю ему возможность доказать остальным, что они ошибаются, но он играет из рук вон плохо.

Анна кивнула. Джек созерцал свой сандвич, глубоко задумавшись.

«Может быть, я навожу смертельную скуку на парней, — подумалось мне. — Еще чуть-чуть, и он заснет, как Люк».

— Мне кажется, Мигель, так же как и я, левша, — тихо произнес Джек. — Я уверен, что он рисует именно этой рукой. Может быть, он пытается играть правой?

— Я не знаю, — задумчиво ответила я.

— Но если подумать, он из тех ребяташек, которые делают все именно так, как им говорят. Ну конечно! Интересно, смогу ли я достать ему маленькую перчатку на левую руку? Возможно, ты прав, Джек! — воскликнула я и так энергично стала трясти его за плечо, что сандвич, который он поднес ко рту, задрожал и с него слетело немного салата. — Ой, извини.

Он улыбнулся и откусил кусочек.

— Я очень надеюсь, что ты прав, — продолжала я. — Я знаю, у нас не должно быть любимчиков, но мне действительно нравится этот малыш.

— Без любимчиков здесь не обойтись, — сказала Анна. — Дело в том, что дети тоже люди. Они личности, и мы выделяем кого-то из них, определяем как особенных, так же как и выделяем кого-то нашего возраста. Разница в том, что с детьми мы не можем этого показывать.

Мы замолчали и какое-то время ели в тишине.

— А ведь странно, — сказала я Анне. — Я имею в виду, когда кто-то начинает казаться тебе особенным. Иногда это бывает так неожиданно — бац, и тебе кто-то очень понравился.

Она кивнула.

— А иногда это происходит постепенно. Ты неожиданно начинаешь понимать, что постоянно думаешь об этом человеке, все время ждешь и надеешься его увидеть.

Анна посмотрела на Джека.

— Ты о Холестерине? — поинтересовался он.

— О Люке, — упрямо поправила я.

— Ну и как прошло вчерашнее свидание? — спросил Джек.

Я знала, что рано или поздно он спросит об этом.

— Хорошо.

— Хорошо? — повторил он. — После того как ты помчалась домой, вымыла, высушила и прогладила свою одежду, думаю, ты также прогладила и свои волосы — все, что ты можешь сказать, «хорошо»?

— А ты что, хочешь услышать поминутный отчет?

— Возможно, — ответила за него Анна, закручивая крышку на бутылке с водой.

— Фильм был очень интересным, — холодно сказала я им.

Джек ухмыльнулся:

— А разве это не тот фильм, где все существа похожи на бесформенные желеобразные куски?

— Да, — сказала я. — Мне кажется, что такому человеку, как ты, имеющему столь глубокие познания в искусстве, непременно бы понравилось.

— Я не говорил, что мне такие фильмы не нравятся. Мне просто было интересно, что ты о нем думаешь.

— Хороший фильм, — ответила я, сжав зубы.

— Я думаю, мы уже пришли к выводу, что просмотр фильма и свидание прошли хорошо, — спокойно сказала Анна.

— Мы с Анной сегодня утром прогуливались по университетскому городку, — продолжил Джек. — Ты знаешь газон, который находится у леса и ручья?

— Коммонз, — осторожно ответила я.

— А ты знаешь тот огромный указатель на Кёрбисмит-колледж? Кто-то заехал на траву вчера вечером и, должно быть, свалил его, зацепив крылом.

— Не может быть, чтобы мы сбили его! — вырвалось у меня.

Джек и Анна переглянулись и, запрокинув головы, расхохотались.

— Плати, Анна, — сказал Джек. — Я же сказал тебе, что это следы шин от ее машины.

— Если ты так думаешь, то ты не прав, — перебила его я. — Моя сестра вела машину.

— Твоя сестра? — Его голубые глаза искрились от смеха. — Ты хочешь сказать, что есть еще одна, похожая на тебя?

— Нет. Мы совершенно разные.

— Ты должен мне, Джек. — Анна положила свою руку поверх его. За этим движением ничего не стояло, но я заметила его, потому что оно не было в духе Анны. Они с Джеком явно сблизились за этот короткий промежуток времени. Анна убрала руку и смяла свой пакет из-под еды.

— Ладно, в библиотеке меня ждет целая гора учебников по педагогике, — сказала она, вставая.

— Может, тебе нужна помощь их донести? — спросил Джек, целясь ее смятым пакетом в мусорку в десяти футах от него. Джек оказался отличным стрелком.

— Нет-нет, — быстро ответила она, — заканчивай обед. Но все равно спаси-

бо, Джек. — Она улыбнулась своей красивой улыбкой.

«Между ними что-то есть?» — подумала я.

— Она хорошая, — сказала я, когда она ушла.

— Да, очень, — согласился Джек.

— Ты с ней встречаешься?

Джек подавился сэндвичем.

— Что?

— Ты с ней встречаешься?

— Она же на последнем курсе колледжа, — напомнил он мне. — Мы друзья, и это все!

— А-а. Как ты и я.

Он поколебался.

— Что-то вроде этого.

Я опустила ноги, стуча пятками по кирпичной стене.

— Ты хочешь сказать, что ты и я просто что-то вроде друзей?

— Почему ты спрашиваешь?

— А почему ты все время спрашиваешь, почему я спрашиваю? — спросила я.

Столкнувшись нос к носу, мы пристально посмотрели друг на друга, затем, как по команде, отвернулись.

— Ладно, дело вот в чем, — сказала я ему. — Раз ты мой друг, хочу попросить тебя об одной услуге. Но на самом деле, — поправила я себя, — все даже несколько иначе. Это я окажу тебе огромную услугу. Невероятную услугу. У меня потрясающая идея: Хезер.

— Какая Хезер?

— Хезер Ларсон. Как ты мог забыть? Мне кажется, вы будете идеальной парой.

— Ты так думаешь? — Я увидела, что он плотно сжал губы.

— Не нужно волноваться...

— Я и не собираюсь. — Его рот превратился в прямую линию.

— Тогда изобрази восторг, — сказала я ему. — Сотни парней умерли бы ради возможности стать ее парнем. Хезер великолепна. Она знает толк в одежде. От взгляда ее огромных серых глаз мужчины тают, как воск. Она...

— Можешь не продолжать, — оборвал меня Джек. — Я все это слышал на вечеринке у Стива. — Он спрыгнул со стены и стал вышагивать передо мной. — Видишь ли, Карли, тебе кажется, что ты знаешь о парнях гораздо больше, чем это есть на самом деле. Тебе кажется, что все мы одинаковы и что нам нравится один и тот же тип девушек. Может быть, ты думаешь, что мы все дураки?

— Но ты же не знаешь...

— Что еще хуже... — продолжал он, резко повернувшись ко мне лицом. Он положил руки по обеим сторонам от меня и близко придвинулся ко мне, слишком близко. — Ты считаешь, что можешь манипулировать нами. Ты уверена, что знаешь меня. Ты думаешь, что сможешь поступить со мной так же, как поступила с теми парнями на вечеринке, сможешь использовать меня в своих интересах. Терпеть этого не могу. Меня просто тошнит от этого.

Я сглотнула и посмотрела в его бушующие голубые глаза.

Он отодвинулся от меня.

— Это вынюхивание, попытки свести Хезер с кем-нибудь, сблизить Хезер со мной... Если тебе так нужен Холестерин, борись за него, но только открыто и честно.

— Но ты же не знаешь Хезер. Ты не знаешь о Креге, и Тодде, и Ленни, и Бо, и Тиме — всех сейчас даже не вспомню, но я встречалась со всеми ими. А сразу после меня это делала Хезер. Я не разыгрываю тебя, — добавила я, когда он недоверчиво посмотрел на меня.

— Она их всех увела. Спроси мою сестру.

— Так почему же ты с ней дружишь?

— Потому что я идиотка, — взорвалась я. — Разве это не очевидно? Мне нравится человек, которому я тоже нравлюсь, но себе она нравится гораздо больше. Я полная дура! Ну давай, скажи, что тебе меня жаль. Моя сестра испытывает жалость ко мне... Но мне кажется, у нас с Джоэль есть повод сочувствовать друг другу, — добавила я, кусая губы.

Я не знаю, почему это произошло: я редко плачу и никогда не делаю этого на людях, но в тот момент слезы жгли мне глаза. Я чувствовала себя совершенно потерянной и несчастной из-за проблемы с Хезер. Но я знала, что моя сестра была такой же неудачницей, что и я, вот только мое несчастье было несравнимо с ее. Я даже еще не приблизилась к тому, чтобы начать понимать, как плохо было Джоэль.

— Карли, — мягко сказал Джек и поймал пальцем огромную слезинку, скатывающуюся по моей щеке. Я крепко зажмурила глаза, но все еще хлюпала носом. Я опустила голову, позволив волосам упасть мне на лицо и скрыть слезы, и начала рыться в карманах. Он нежно откинул мои волосы и предложил мне салфетку. — Карли, послушай, — он наклонился к моему лицу. — Когда ты заботаешься о ком-то, к кому ты привязан, ты непременно делаешь то, что другие считают глупым.

— Конечно. Наверняка у вас с Анной все именно так и происходит.

— Не знаю, как Анна, а я просто специалист в этой области. И с каждым днем у меня это получается все лучше и лучше, — сухо добавил он.

— Трудно поверить, — сказала я, шмыгая носом. — Ты ведь из тех парней, кто нравится девушкам.

На лице у Джека появилась гримаса.

— Спасибо... Наверное, я должен поблагодарить за такой комплимент.

Я чуть-чуть улыбнулась.

— Ладно, а как насчет такой идеи, — сказал Джек. — Мы с Хезер пойдем куда-нибудь, раз ты этого хочешь, но только в том случае, если ты пойдешь с нами, и у нас получится небольшая компания.

Я подумала над предложением.

— Пожалуй, так будет лучше. Хезер легко отпугнуть, если парень начинает торопить события. Будет лучше, если она не узнает, что я хочу вас свести.

— Ты не сводишь нас, Карли, ты не можешь предполагать, что я заинтересован в Хезер. А если бы я интересовался ею, мне бы не была нужна твоя помощь, — с уверенностью сказал он. — Давай просто сходим куда-нибудь все вместе и хорошо проведем время, ладно?

— Ладно, — обрадовалась я. Я знала, чем это все обернется, и чуть позже в тот же день спросила Гарри, не хочет ли он пойти вместе с нами на карнавал в четверг вечером. В конце концов три — это уже компания. Я хотела, чтобы

со мной был человек, с которым я смогу поговорить, пока Джек будет смотреть, не отрываясь, в прекрасные глаза Хезер.

9

— Значит, ты и есть Джек, — сказала моя сестра в четверг вечером.

Дверь открыл мой отец, он обменялся парой вежливых приветствий с Джеком и Гарри и затем удалился в свою комнату с журналом «Мэкворлд». Конечно, моя сестра чувствовала себя просто обязанной восполнить нехватку родительского перекрестного допроса.

Я, правда, пыталась ее образумить еще до того, как пришли ребята.

— Это не настоящее свидание, Джоэль, — объясняла я. — По крайней мере для меня. Поэтому нет нужды устраивать ребятам проверку.

— Извини, но я уже полторы недели наслаждаюсь этой мыльной оперой. Я ни за что на свете не пропущу возможность познакомиться с одним из главных героев.

А сейчас она внимательно рассматривала обоих. Гарри покраснел.

— Я наслышана о тебе, — сказала Джоэль Джеку.

— Да? — Он неуверенно посмотрел на меня, улыбаясь.

— Не от Карли, но ты очень популярная тема на нашем автоответчике.

— А-а. А ты, должно быть, та, кто оставил следы шин от машины на Кёрбисмит коммонз, — пошутил в ответ Джек.

Джоэль засмеялась:

— Так, значит, Карли рассказала тебе о Спящем Красавце?

— Спящем Красавце? — Джек явно был заинтригован.

— Джоэль, — произнесла я тихим, предупреждающим голосом.

— Что за парень, — Джоэль покачала головой.

Джек повернулся ко мне, его глаза сияли. Должно быть, он понял, что она говорила о Холестерине, то есть Люкс, или как там его. Я не разговаривала с Люком после нашей последней встречи и уклонялась от любой попытки Джека и других вожатых узнать, как прошло наше свидание.

Я повернулась к Гарри, рассчитывая на то, что, так же как и в лагере, он возьмет все в свои руки и мы наконец отправимся на карнавал. Но Гарри ка-

ким-то таинственным образом превратился в совершенно другого человека. Вместо того чтобы захлопать в ладоши и сказать: «Ладно, ребята, пойдем и чудесно проведем время на карнавале», он стоял как вкопанный на том же самом месте, где остановился, войдя в гостиную.

— Джоэль, это Гарри, наш бесстрашный руководитель, — представила я, надеясь этими словами привести его в чувство.

Гарри улыбнулся, хотя было видно, что он нервничал. Я все ждала, что он протянет руку, как обычно, и снова возникнет ощущение, что тыжимаешь лапу дружелюбного медведя. Но он держал руки по швам, как парень, приглашающий девушку на свой первый танец.

— Приятно познакомиться, Джоэль, — только и выдавил он.

— Ладно, мы же не можем заставлять Хезер ждать, — сказала я.

— А почему нет? — спросила Джоэль.

Джек засмеялся.

— Джоэль, — сказал Гарри, — а ты не хотела бы к нам присоединиться?

Моя сестра взглянула на него, ее щеки покраснели. Я впервые видела краску на ее лице с тех пор, как она приехала домой беременной.

— Мне только не хватает пары аттракционов на карнавале, чтобы потом вечером и утром меня тошнило, — резко ответила она.

Гарри с недоумением посмотрел на нее.

— Наверное, Карли не рассказала тебе нашей маленькой семейной тайны. У меня здесь ребенок, — она похлопала себя по животу.

Не могу сказать, встали ли короткие волосы Гарри дыбом или просто он покраснел до кончиков волос, и потому у меня создалось такое впечатление.

— А-а... Ну... Это прекрасно. Поздравляю!

На лице Джоэль появилось нечто среднее между гримасой и улыбкой. Гарри, казалось, был готов спастись бегством через ближайшее окно. Я легонько подтолкнула его к двери.

— Мне жаль, что ты не можешь пойти с нами, — сказал Джек. — Я бы хотел узнать больше о Спящем Красавце.

— О, я бы могла рассказать много интересного, — ответила Джоэль и подмигнула.

Я буквально вытолкнула его за дверь.

Гарри не произнес ни слова, пока мы ехали домой к Хезер. Я сидела на переднем сиденье рядом с Джеком, объясняя, куда ехать, и давая ему романтические советы.

— Карли, — наконец сказал он, — мне кажется, я тебе уже говорил, что это не свидание. Ты не сводишь меня с Хезер. Просто компания людей собралась вместе хорошо провести время.

— Да, конечно. А это просто теоретическое обсуждение. Я рассказываю тебе то, что сама вынесла из свиданий, и то, что знаю о Хезер, на случай, если когда-нибудь в будущем тебе это пригодится.

Он вздохнул.

— Я хочу сказать, для парня существует много возможностей... Вправо поворачивай! Вправо! — заорала я.

Джек крутанул руль, и машина с визгом повернула за угол.

— В следующий раз, — сказал он, — предупреждай меня до того, как мы переедем перекресток, ладно?

— Например, — продолжала я, игнорируя его слова, — ты с девушкой любишься на закат солнца, или на появление луны, или на огни маяка, или что-то в этом роде. Где ты будешь стоять?

— Как это где? — не понял Джек. — Это что, вопрос с подвохом?

— Просто скажи мне где.

— Предложи варианты ответов на выбор, — сказал он.

— А. Перед ней. Б. Рядом с ней. В. Позади нее.

Он пожал плечами:

— Б. Рядом с ней.

— Неправильно.

— Ну, может, это неправильно для тебя... — начал Джек.

— Если ты стоишь позади нее, — объяснила я, — и делаешь это правильно — едва касаешься ее, — я перешла почти на шепот, — твои руки нежно обхватывают ее, ты почти — *почти* — касаешься ее груди, потираешься щекой об ее щеку, твои дрожащие от желания губы приближаются к ее, они настолько близко, что заставляют ее умирать от... Красный, красный свет! Тормози! Джек! Боже праведный, ты что, его не видел?

— Ты даешь мне много разных направлений, Карли.

— С тобой все в порядке, Гарри? — обернулась я. — Может, тебе лучше пристегнуться?

Гарри кивнул и снова покраснел.

— Итак, где я остановилась... Ах да, ты трешься щекой о ее щеку...

Джек посмотрел в зеркало заднего вида.

— Можешь не продолжать. Думаю, у нас с Гарри уже сложилось представление об этой ситуации.

— Отлично. А мы почти приехали. Поверни направо. Ее дом в конце этой темной улицы. Так как ты здесь впервые, тебе, наверное, надо запомнить, где находятся темные улицы. Хезер как раз живет на одной из них. Конечно, она понадобится тебе не сразу, ты ведь не хочешь торопить события.

Джек повернул на темную дорогу, выключил мотор, а затем фары.

— Что? — спросила я. — Что ты делаешь?

Он не сразу мне ответил. Гарри заерзал на заднем сиденье.

— Что происходит?

Джек склонился надо мной. Наверное, из-за того, что неожиданно стало темно, я остро ощутила его присутствие рядом с собой — тот же приятный запах, длинная линия его щеки, сильная челюсть. Когда он заговорил, в голосе звучала нотка напряженности.

— Повторяй за мной. Ты неводишь меня с Хезер. Это встреча четырех друзей, которые хотят хорошо провести время.

— Мы действительно хорошо проведем время, — жизнерадостно сказала я.

— Карли, — он легко приподнял мой подбородок пальцем, всего лишь одним пальцем, но мне казалось, я не в силах повернуть голову влево или вправо. Его близость приводила меня в оцепенение. — Повторяй за мной. Ты неводишь меня с Хезер.

«А делаю что-то другое», — хотела сказать я. Когда до тебя так дотрагиваются в темноте... но неожиданно я поняла, что, возможно, Джек знал, что делал.

— Ладно, ладно, — сказала я, отодвигаясь от него. — Я все поняла.

— Хорошо.

Мы поехали дальше.

Хоть мы опоздали, Хезер опоздала еще больше, что было обычным для наших двойных свиданий. Как обычно, я показала ребятам патио и бассейн. На Гарри это произвело огромное впечатление. Джек, однако, продолжал сохранять невозмутимый вид даже тогда, когда Хезер вышла в своей короткой облегающей юбке; ее мягкие золотистые волосы ниспадали на плечи. Ничего страшного. Хезер понравилось отсутствие интереса к ее персоне. Когда он потянул за ленту, которой я завязала волосы в свободный хвост, говоря мне, что она съехала, она это проглотила. Я начала верить, что Джек точно знал, что делает. Когда мы поехали к месту проведения карнавала, я попросила Хезер показывать дорогу, чтобы она смогла преодолеть свою застенчивость.

Мне всегда нравился карнавал ко дню пожарников; мне нравился он потому, что он всегда такой, каким я его помню с детства. Мы бродили по торговому ряду с едой: аппетитный попкорн, грили с шипящими колбасками и липкие ураганы сладкой розовой ваты. Всего за несколько центов можно было испытать свою меткость в дартсе, сделать несколько подач мяча битой или несколько бросков в баскетбольную корзину.

Стояли столы, заваленные всяким барахлом, которое не купит ни один здравомыслящий человек, за исключением, пожалуй, моего отца. Повсюду вспыхивали яркие огни, слышался скрежет аттракционов и пронзительные вопли.

— Сначала аттракционы, а потом еда, — предложил Гарри. Он наконец-то стал прежним и снова взял на себя роль руководителя бойскаутов.

— Американские горки! — закричала я и почти бросилась бегом. — Вам они нравятся?

— Когда я был маленьким, — сказал Джек, идя со мной в ногу, — я попросил маму поставить их у нас на заднем дворе.

— Эти небольшие, но зато здесь катают три круга.

— Эти, может быть, и влезли бы, — сказал он.

Гарри и Хезер бежали за нами. Мне пришлось немного посуетиться, чтобы устроить всех нас поудобней: меня и Гарри в первый вагончик — это мое любимое место, — а Джека и Хезер с комфортом во второй.

Джек рассказал ужасную историю об американских горках в Хершли-парке, которую, я почти в этом уверена, он выдумал. Я рассказала ужасную историю об американских горках в Буш-гарденз, которую я стопроцентно выдумала. Мы соревновались друг с другом, рассказывая ужасные истории в ожидании, пока не заполнятся все места на карусели. Хезер вежливо смеялась.

Затем нас резко отбросило назад, и мы поехали. В мире нет ничего лучше, чем американские горки: медленный подъем, резкий спуск, снова подъем, затем стремительное падение, резкий наклон влево, затем вправо.

— Без рук, — прокричал Джек позади меня.

Я подняла руки вверх и не отпускала, чувствуя, что вот-вот взлечу.

— Без ног! — закричал Джек.

— Что? — повернулась я, смеясь.

Ветер растрепал мои волосы, шелковая лента развязалась и выскочила. Джек поймал ее на лету. Мои распущенные волосы были похожи на ураган, я не могла собрать их в хвост. Повернувшись боком, я потянулась за ленточкой. Джек нагнулся вперед, но мы не могли дотянуться друг до друга. Я взглянула

на него. Он смеялся. Я не могла оторвать взгляда от его глаз, таких ярких на ветру. Мы смотрели друг на друга, стремительно мчась вперед по американским горкам.

Вскоре карусель со скрипом остановилась.

— Приехали, — пробормотала я и неуверенно ступила на платформу. Гарри подал мне руку, за нами последовали Джек и Хезер. Я заметила, что Джек наматывал мою ленту на пальцы.

— Хочешь, дам расческу? — спросила Хезер, предлагая помощь и поспешно снимая ленту с руки Джека.

— У меня есть, спасибо.

Моя маленькая расческа не смогла справиться с моей спутанной гривой. Смущенно пригладив волосы рукой, я завязала их ленточкой, стараясь придать себе как можно более презентабельный вид.

— Теперь нам надо что-то более спокойное, — сказал Гарри.

— Колесо обозрения, — предложила Хезер, и мы направились в его сторону. Когда подошла наша очередь, Джек рванул вперед и сел в кабинку вместе с Гарри. Хезер и я стояли внизу, смотря друг на друга.

— Он не похож на других, правда? — Хезер кивнула в его сторону.

— Джек? Да.

Мы вместе забрались в кабинку, и служащий закрыл дверцу.

— А Люк знает, что ты нравишься Джеку? — спросила Хезер.

— Я ему не нравлюсь, — быстро ответила я. — Ну, я хочу сказать, не думаю, чтобы я ему нравилась, — добавила я, сообразив, правда, несколько поздно, что это сделает Джека еще более интригующим.

— А как насчет Люка?

— Я все еще жду того первого поцелуя, — сказала я.

— А-а.

У меня появилось такое чувство, будто Хезер заполняет все пространство и теснит меня собою, хотя мы сидели на разных краях скамейки и между нами было место еще для одного человека.

Мы катались на этом колесе каждый год. Правда, в детстве мы сидели, тесно прижавшись друг к другу и держась за руки.

— Ты знаешь, Карли, я действительно...

— Рада за меня, я знаю. — Я поняла, что ее это задело, и поспешила добавить: — Друзья умеют читать мысли.

Затем я перевела разговор на ее уроки танцев. В танцевальном классе Хезер был парень, которого она считала довольно симпатичным. Она говорила о нем все время, что мы провели на Колесе обозрения. Но я слишком хорошо ее знала, чтобы у меня проснулась надежда. По ее словам, он постоянно увивался за ней. Жаль, я не могла дать ему небольшой совет, жаль, я не могла сказать ему, что для начала ему надо стать моим парнем.

Когда мы накатались, Джек захотел испробовать баскетбольный тир.

— Кольца здесь маленькие, — предупредила его я.

— Ой, а мне бы хотелось получить мишку! — воскликнула Хезер.

Джек потратил три доллара на безуспешные попытки, и затем я выиграла ей медведя. Я думала, Джек будет вне себя от ярости — эти современные мачо так болезненно на все реагируют, — но он только ухмыльнулся.

— Вот, держи, — Гарри протянул мне деньги. — Еще три доллара. Может,

ты сможешь выиграть игрушку для Джоэль и ее малыша.

Меня тронула его заботливость.

— Я попытаюсь.

Я выиграла на втором заходе, и Гарри выбрал круглолицую панду, которая с любовью прижимала к себе большими лапами малыша.

Когда мы положили игрушки в машину, Гарри предложил пойти в замок с привидениями. Замок с привидениями, который мы собирались посетить, явно не относился к аттракционам высшего класса. Пластиковые фигуры с пластиковой кровью, собаки Баскервилей с красными лампочками вместо глаз и очень плохой звук.

Но по этому замку можно было пройти, это было забавно. Иногда здесь даже использовали живых людей, чтобы пугать посетителей, особенно в темных комнатах. Комнаты, в которых было темно хоть глаз выколи, были, пожалуй, единственным страшным местом. Они были абсолютно пусты, но людей, находящихся там, не покидало чувство, что рядом кто-то есть. Некоторые с трудом находили выход.

Мы прошли цепочкой — Джек, Хезер, Гарри и я — через мрачный зал с завывающими и разрывающими душу криками, миновали кладбище и комнату с призраками, которые летали на ветру, как маленькие скрипучие веера, затем вышли через какую-то дверь и погрузились в темноту. Мы обо все спотыкались, хватались друг за друга. Я уцепилась за чью-то большую руку — руку Гарри (по крайней мере, я на это надеялась, потому что некоторые люди выходили, держась за руки с совершенно незнакомыми им людьми). Затем я схватила руку Джека. Я была уверена, что это его рука, не знаю почему, я просто была в этом уверена.

Вдруг кто-то, прятаясь в темноте, завывая и топая, прошел сквозь нашу цепочку, разбив ее. Я метнулась в сторону, но с пути не сбилась, так как много раз бывала в этом доме и знала, где находится дверь. Подойдя к ней, я физически ощутила присутствие Джека. Он стоял очень близко. Я чувствовала его запах.

— Карли, — прошептал он.

— Извини, но ты ошибся, — прошептала я, пытаюсь изменить голос.

Он тихо засмеялся:

— Я думаю, дверь здесь.

Наверное, нам следовало позвать Гарри и Хезер, но мы не стали. Следующая комната была такая же темная, как и предыдущая. Мы держались друг друга и шли по стенам на ощупь. Я наткнулась на что-то мягкое, но не могла припомнить, чтобы там были какие-нибудь шторы из древности. Затем выскочил кто-то, изображающий привидение, и я закричала. Джек крепко схватил меня за руку и притянул к себе.

Ничто в мире так не оживляет замок с привидениями, как настоящие человеческие крики. Привидение потянуло меня за волосы и положило ледяные пальцы мне на шею. Все еще крича, я спрятала свое лицо на груди у Джека. Он обнял меня и прижал к себе так крепко, что я чувствовала, как внутри него бурлит смех, и ощущала его дыхание на своей щеке. Мои ноги коснулись его. Я чувствовала тепло всего его тела.

Впервые за несколько лет я вспомнила теплого извивающегося монстра, до которого я из любопытства дотронулась в одной из темных комнат этого зам-

ка. Только сейчас я поняла то, что мне было непонятно в семь лет: это был не один человек, а двое!

Я оттолкнула от себя Джека и практически влетела через дверь в комнату страха. Полутемная комната была долгожданным облегчением. Даже если я покраснела, в этом не было ничего страшного, красный свет, падающий на нас, придавал нам обоим такой вид. Я посмотрела на фигуры: солдат, вздернутый на дыбу, женщина, стоящая у гильотины и держащая в руках собственную голову, и парень, лежащий на гвоздях. Я уставилась на гвозди, как будто они представляли собой что-то необыкновенное. Джек подошел ко мне сзади. Я немного отодвинулась в сторону. И тут раздался голос Хезер:

— Я же говорила, Гарри, что надо идти сюда.

Мы с Джеком повернулись.

— Привет, ребята, — поприветствовал нас Гарри.

— Вы просто не поверите, — продолжила Хезер. — Мне кажется, мы были там целую вечность.

Гарри пожал плечами и улыбнулся.

— Было бы здорово, если бы мы привели сюда наших малышей, — сказал он мне и Джеку. — Эти ужасы как раз для них.

— А вы слышали, как кто-то кричал? — спросила Хезер, хихикая.

— Это была я, — призналась я.

Она удивленно посмотрела на меня:

— Ты? Карли, ты ведь не из тех девчонок, кто кричит.

Я почувствовала, как краска приливает к моим щекам.

— Может, она до этого момента никого и ничего не боялась, — сказал Джек, глядя на меня.

Еще несколько человек вошли в комнату, и мы двинулись дальше: прошли через затянутую паутиной комнату и вышли на улицу на чистый вечерний воздух. На следующих двух аттракционах я сидела с Гарри. Мне не пришлось суетиться: Хезер была заинтересована Джеком. Она говорила в основном с ним, а он слушал так, как обычно это делал: с легкой улыбкой, играющей на губах, иногда посмеиваясь. Когда мы собрались ехать домой, я быстро забралась на заднее сиденье рядом с Гарри. У дома Хезер я предложила Джеку:

— Наверное, тебе стоит проводить Хезер до двери.

Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Я видела только его глаза — темные и непроницаемые.

— Конечно.

Дорожка к дому Хезер была окаймлена кустами, а дверь скрывалась за старым лавровым деревом. Был виден только свет фонаря и листва деревьев. Но я, конечно, и не пыталась разглядеть там что-то еще.

— Карли? — Гарри дотронулся до моей руки, пытаясь привлечь мое внимание.

Я оторвала взгляд от кустов.

— Что?

— Я просто хотел спросить, что ты думаешь... Ну, я хотел убедиться, что Джоэль понравится получить в подарок медведя с медвежонком. — В его голосе слышалась забота. — Я не знаю, как все это случилось, — продолжил Гарри, — и не прошу, чтобы ты мне рассказала. Но, насколько я понял, она не прыгает от счастья по поводу своей беременности.

— Ты все понял правильно, — сказала я. Мой взгляд снова вернулся к кустам, освещаемым лампой.

— Мне кажется, ей сейчас нелегко, и я не хочу усложнять ситуацию.

Усилием воли я заставила себя повернуться к Гарри.

— Я думаю, что ты проявляешь невероятную заботу по отношению к Джоэль, не забывая о ней, пока мы развлекаемся. Сейчас трудно сказать, что может сделать ее счастливой. Поэтому все, что можно сделать — это быть таким же милым, как ты, и надеяться на то, что от этого она почувствует себя немного лучше.

Гарри кивнул.

— Она все еще влюблена в него, — сказала я, качая головой. — Люди становятся сумасшедшими, когда влюбляются.

— Это случается и с лучшими из нас, — вздохнул Гарри. — Иногда это происходит, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Я взглянула на часы и снова уставилась в окно. За это время я бы проводила Хезер до двери и вернула ее обратно раза четыре, а Джек все еще не возвращался. Она или не хотела отпускать его, проделывая старый трюк с потерянными ключами, или это Джек никак не мог с ней распрощаться?

За весь вечер они всего лишь окинули друг друга взглядом и перемолвились парой слов, искра могла вспыхнуть только во время двух последних аттракционов. Я покачала ногой, поиграла с застежкой пристяжного ремня. Потом закрыла глаза и попыталась представить себе лицо Люка, но он почему-то возникал в моем воображении в странном виде: в одежде Спящей Красавицы из мультфильма Диснея. Я зажмурилась и попыталась представить, как он целует меня перед сном: долгий нежный поцелуй — так, видимо, Джек целует сейчас Хезер.

Я все еще сидела с закрытыми глазами, когда Джек открыл дверцу машины. Он сел и оглянулся на нас с Гарри. Я даже не знала, что сказать. Очевидно, то же самое ощущал и Джек. А Гарри был где-то в своем мире. Все трое поехали молча. Возле моего дома мы остановились, Гарри проводил меня до двери, взглянул на единственное освещенное окно наверху, вложил мне в руки мисек панда и ушел, забыв даже попрощаться.

Может быть, я заразилась этим от Гарри, подумала я, открывая ключом дверь. А может быть, от Джоэль, но что-то явно витало в воздухе — какая-то необъяснимая щемящая боль в сердце.

10

— Юджин, — сказала я за обедом на следующий день, — пожалуйста, вытащи вилку из волос Эйприл и положи ее в мойку.

— Почему? — спросил он меня.

— Потому что она не подходит к ее заколкам.

— Все тут занялись критикой, — прошептал Джек. — А мне кажется, смотрится очень здорово.

— М-м. — Я попыталась двинуться дальше, но Джек схватил меня за руку. У нас с ним не было возможности поговорить в этот день. Я нарочно пришла пораньше, взяла все, что мне нужно для занятий, и выскользнула, прежде чем он пришел. Гарри я тоже избегала. У меня никогда не получалось врать в лицо, даже когда это надо было сделать из вежливости, поэтому я просто оставила ему записку со словами, что Джоэль понравилась медведи панда.

На самом деле Джоэль так посмотрела на игрушку, как будто бы я принесла парочку пришельцев с другой планеты. Затем она запихнула их на самую верхнюю полку, где пылились ее старые книги по африканским культурам.

Прошлой ночью она специально не ложилась спать, чтобы сообщить мне, кто мне звонил.

— Для тебя три сообщения, — объявила она, как только я переступила порог.

Выслушав двух девиц, которые сходили с ума по Джеку, я выключила автоответчик. Джоэль снова включила его: я не прослушала сообщение Люка. Он хотел извиниться за то, что произошло в понедельник вечером. Он надеялся, что я могу с ним встретиться в субботу вечером. Нравятся ли мне комедии? Ему нравятся. А как насчет того, чтобы поужинать вместе, а потом посмотреть комедию? Он оставил свой телефон.

— Ведь это то, чего ты ждала? — спросила Джоэль.

— Да, — кивнула я. — Конечно.

Но было ли это так?

— Итак, — сказал мне Джек, держа меня за руку и возвращая меня в настоящее, — какие у тебя планы на выходные?

— Я кое-что себе уже наметила. Четвертый стол, принесите тряпку. Вы оставили там достаточно еды для целого полчища мух.

— Куда-то идете с Люком? — поинтересовался он.

— С Холестерином. — Я уже привыкла так его поправлять.

Он засмеялся:

— Называй как хочешь. У меня предложение. Что если мы устроим двойное свидание? Ты и Люк, я и Хезер?

Я изумленно уставилась на него.

— Это было просто предложение, — Джек пожал плечами.

— Ты, наверное, что-то не понимаешь, — ответила я. — Весь смысл того, чтобы найти идеального парня для Хезер, в том, чтобы она не заинтересовалась парнем, с которым я встречаюсь.

— Это ты не понимаешь, — ответил Джек. — Люк и Хезер никогда не смогут быть вместе. Они оба слишком эгоцентричны. У них не получится построить серьезные отношения. Только подумай, Карли. Если каждый из них требует столько внимания к своей персоне, кто удовлетворит эту их потребность?

— Ты даже не знаешь Люка, — с горячностью сказала я.

— Я знаю таких, как он.

— Он не требует к себе излишнего внимания, — настаивала я. — Он не просит его. Он просто привык к нему. Если бы у тебя было такое тело, ты бы был таким же.

Джек помолчал, потом улыбнулся уголками губ.

— Наверное. Хорошо, хорошо. Тогда дай мне номер телефона Хезер. — Он протянул мне ручку и бумажный пакет. — Юджин, — крикнул он, — вытащи вилку из волос Джанет. Она очень идет к ее платью, но ей она не нравится.

Я нацарапала номер на пакете и отдала ему его обратно.

— Желаю хорошо провести время с Люком, — сказал он, глядя мне в глаза и на мгновение завораживая меня этим взглядом.

— Спасибо, — ответила я, вставая. Ведь настоящее свидание с Люком Хартли — то, что я хотела, не так ли?

— Чего ты ждешь? — пробасил актер, и Люк захохотал.

Я ждала, что он меня поцелует. Я просто была уверена, что один долгий, завораживающий поцелуй все изменит. Я верила в это так же, как верила в понедельник вечером в то, что, если я смогу оказаться наедине с Люком, все будет иначе.

До того, как пойти в кино, мы вместе обедали за уютным столиком на двоих. И почему только у этого ресторанчика здоровой пиццы «У Риты» был такой странный запах? Люк говорил о своих тренировках на прошлой неделе, о тренировках на будущей неделе (для меня они все казались одинаковыми), а я смотрела на ряды коричневых пузырьков с витаминами. Я ковырялась в пропущенных семенах, накрытых горькой листового салата, и мне казалось, что эти ростки не уменьшались, а только увеличивались в количестве. Я же мечтала о чизбургере.

— Я подумал, что тебе должно здесь понравиться, — сказал Люк. — Ты ведь в какой-то мере спортсменка.

— Я спортсменка в полной мере.

Наверное, он меня не слышал, потому что через полтора часа он хохотал до слез над шуткой актера, отпущенной по поводу женщин, занимающихся спортом. Но когда на экране появилась женщина в ботинках и пятнистой рубашке, которой было что сказать о мужчинах, он уже не смеялся так громко. Что касается меня, во мне неожиданно проснулась страсть ко всему соленому и калорийному, и я жадно накинулась на буррито с сыром. Затем Люк отвез меня домой.

— Я очень хорошо провел время, — сказал он, провожая меня до двери. Мне не терпелось посмотреть на часы, узнать, смогу ли я сделать наше прощание таким же долгим, каким оно было у Джека с Хезер.

— Мне очень нравится общаться с тобой, Карли, — продолжил Люк. Его зеленые глаза сияли при свете лампы.

Я ждала, улыбаясь.

— Ты умеешь слушать. И ты такая хорошенькая, — робко добавил он.

Я почувствовала, что начинаю таять.

— Спасибо, Люк.

Он притянул меня к себе.

— Карли, — прошептал он.

«Вот он, вот он, — подумала я, — поцелуй!»

И вдруг я поняла, что мне не нравится его запах. Может, к его лосьону после бритья примешались ароматы из ресторана здоровой пищи, не знаю, но это не был запах, который притягивал меня. Его губы неожиданно коснулись моих. Он крепко обхватил меня своими сильными руками — так, наверное, он держался за гимнастического коня. Затем прижался ко мне губами в долгом поцелуе. Это было все равно что целовать куклу — мы с Хезер много раз проделывали это, когда нам было двенадцать.

— Спасибо, — сказала я, отстраняясь.

— Как насчет следующей субботы? — спросил он, немного запыхавшись. — Мы бы могли снова пойти в этот ресторан. Приходи в спортзал, увидишь, как я тренируюсь. Хочешь?

Я кивнула в нерешительности.

— Пока что, боюсь, не получится, Стив, — сказала я в воскресенье вечером. — Да. Я тоже так думаю. Извини. Пока.

Нажатием кнопки я выключила телефон и откинулась на спинку стула на веранде.

— Раскрой глаза, Стиви, — пробормотала я. — Попытай счастья за соседней дверью. Даже я, планируя все это, не подозревала, что идеальная пара будет такой идеальной.

Я звонила Хезер днем в субботу, так как мне было интересно, пригласил ли Джек ее куда-нибудь. Я была уверена, что из-за своей природной застенчивости она откажется от его приглашения.

Но она уже была с ним.

Я надеялась, что она мне перезвонит и оставит сообщение к тому времени, как я вернусь вечером. Но она не перезвонила. Наверное, потому, что они были вместе допоздна и Хезер вернулась домой за полночь, — так сказала ее мама, когда я позвонила ей где-то после полудня на следующий день. Хезер бы

сама мне все рассказала, но она снова ушла с Джеком. Ее мать пообещала, что Хезер обязательно позвонит мне, когда вернется.

И вот я сидела с телефоном на коленях, наблюдая за тем, как порхают светлячки в темной траве. Хезер поставила рекорд. Она никогда не проводила так много времени с одним и тем же парнем, который не встречался со мной. И что они там с Джеком делают? Я смотрела в окно, за которым был уже вечер, теплый летний вечер, чувствуя снова эту щемящую, необъяснимую боль в сердце. Может, они тоже смотрят на светлячков, загадывая на них желания, как на звездах.

Я уже и сама не знала, чего я желала для себя.

Разве что я точно хотела, чтобы Джоэль уехала на неделю вместе с родителями на конференцию. Они оставили мне целый список телефонов, по которым я могла бы обратиться за помощью — врачей, соседей, родственников, их гостиницы, конференц-зала, как будто бы я была нянечкой при их маленьком ребенке. Это правда, что во время их последней литературной конференции моя старшая сестра умудрилась поджечь занавески на кухне и стала названивать по телефону 119. Но ведь она скоро должна была стать матерью и наконец-то повзрослеть, а я уже начала уставать оттого, что несла за нее ответственность.

Я высказала ей эту мысль вчера вечером, и с тех пор она со мной не разговаривала. Может быть, мы не будем разговаривать целую неделю. Я чувствовала себя не в ладах со всем миром.

Я вздрогнула, когда рядом скрипнул стул.

— Ты все время вздыхаешь, — сказала Джоэль.

Я едва посмотрела на нее.

— Я просто громко дышу. Если это тебя беспокоит, сядь где-нибудь в другом месте.

— Ну, как все прошло вчера вечером? — Она придвинулась поближе.

— Хорошо.

— И только?

— А просто «хорошо» для тебя недостаточно? — фыркнула я.

— Ты знаешь, я напекла шоколадного печенья для церковной распродажи. — Для Джоэль было в порядке вещей перепрыгивать с одной темы на другую.

— Ну и отлично. Они их все продали?

— Ты их все съела, Карли, вчера вечером, когда вернулась.

— О-о боже! Извини... Я сделаю пожертвование.

— Сладкая оргия и вздохи, — констатировала она. — Я бы сказала, дела у тебя идут неважно.

— Ты сама не знаешь, какую чушь несешь.

Джоэль поудобнее уселась в кресле, вытягивая свои босые ноги. Мало-помалу и у нее появлялась привычка всех будущих матерей — класть руки на живот.

— Я съела огромную коробку сладкого попкорна после моего первого свидания с Сэмом, — сказала она.

— Не надо делать никаких выводов, Джоэль. Я не влюблена в Люка.

— Люк? Да я даже и не думала о том, что ты влюблена в Люка, — ответила она. — Я была уверена, что у моей сестренки гораздо более тонкий вкус.

Я покосилась на нее. У Джоэль на лице было выражение человека, знающего все обо всем, и я испугалась, что она действительно знала правду, в которой я даже самой себе боялась признаться.

Она улыбнулась:

— Чего я не знала, так это как быстро ты разберешься в том, какой парень тебе действительно нужен.

Я вздохнула:

— Как видно, это произошло не так быстро, как следовало бы.

11

— Так, так, беги на основную базу, беги на основную базу! Бросок! Давай, Мигель, — кричала я.

Мигель немного откинулся назад и вложил в бросок все силы и умение, заложенные в него природой. Все остальные игроки в нашей полуденной игре были вымышленными.

— Подача! А-а-а, берегись, Кен Грифф-младший, — сказала я. — У нас здесь просто превосходный подающий.

Лицо Мигеля сияло. Деньги, потраченные мною на перчатку для него, стоили этой минуты. Обсудив сложившуюся ситуацию с Гарри и Анной, я купила перчатку и во время обеденного перерыва в понедельник увела Мигеля на поле, где он мог бы сделать несколько бросков. Я надеялась повысить его уверенность в себе, помогая ему делать то, что у него получалось лучше всего; вера в себя помогла бы ему и в других вещах.

Мы напряженно играли тридцать пять минут. Я посмотрела вверх и подзвала его к себе. Ветер усиливался, все небо заволочло тучами, и осталась лишь одна голубая полоса на северо-востоке.

— Пожалуйста, — умолял Мигель, — еще один удар битой!

Я ударила по мячу и смотрела за тем, как Мигель побежал за ним по полю. Он был быстрым, как кошка, и таким же грациозным. Я еще никогда не видела такого способного малыша.

— Пожалуйста, мисс Карли, еще разок, — услышала я его голос.

Но я покачала головой:

— Я пообещала нашему большому боссу, что ты побеждаешь.

Он встал на поле, расставив ноги и недовольно размахивая рукой в перчатке, — это был первый жест противостояния, который я увидела у Мигеля.

— Иди сюда, парень. Сейчас дождь пойдет.

Он медленно поплелся ко мне. Я открыла наш пакет с бутербродами с арахисовым маслом, и оттуда нам в лицо вылетели бумажные салфетки. Мигель

сидел рядом со мной на скамейке, уплетая за обе щеки мягкий сочный хлеб. Держа кусок обеими руками, он быстро добрался до корки, которая облепила его рот, как улыбка. Он отбросил ее и потянулся за другой половиной бутерброда.

— Знаешь, Мигель, а без перчатки тебе было бы проще есть.

Он посмотрел на меня своими темными глазами, пытаюсь понять, говорю ли я серьезно, потом улыбнулся и продолжил есть, не снимая перчатки.

— И как это у тебя получается не злиться, когда у меня что-то не выходит? — спросил он с набитым ртом.

— А почему я должна злиться? — ответила я. — У меня тоже все время что-то не выходит. У всех так бывает. Никому этого не хочется, но этого не избежать.

— А вот у Хосс этого не бывает, — уверенно сказал Мигель.

— А кто этот Хосе?

— Приятель. — Он неопределенно отмахнулся.

— Твоей мамы?

Он кивнул.

— Тебе нравится Хосе? — продолжала допытываться я.

Он отвернулся от меня и промычал нечто непонятно-утвердительное.

Я не поверила ему.

— Он живет с вами?

— Иногда. А где вы живете? — спросил Мигель. — У вас есть задний двор?

— Примерно в трех милях отсюда. Да, у меня есть задний двор.

— Вы живете рядом с мистером Джеком?

— Мистер Джек живет возле площадки для гольфа, недалеко от того места, куда мы с вами ходим в бассейн.

Он слизал арахисовое масло со своих пальцев.

— Как бы мне хотелось жить с мистером Джеком...

— Ты хочешь заняться гольфом? — пошутила я.

— Он хороший, — сказал Мигель просто.

Я кивнула в ответ, надеясь, что нам не придется слишком много говорить о Джеке. Я достаточно передумала о нем вчера вечером и, как могла, избегала встречи с ним сегодня. А потом Мигель дал мне прекрасную возможность не встречаться с ним и с Анной за обедом.

— Он говорит вещи, от которых у меня теплеет в душе.

— Я понимаю, — мягко сказала я.

— Иногда он играет для нас на гитаре. И он рассказывает нам истории, много историй о волшебстве. Мне кажется, он верит в него. Я почти верю. А вы?

— Раньше верила, — ответила я, кладя свой бутерброд в его пакет.

— А разве вы не хотите есть? — спросил он.

— Я не голодна. Я съела много шоколадного печенья в эти выходные, — сказала я.

— Да? А здесь есть? — Он сунул нос в пакет.

— Здесь обычное печенье.

— И это пойдет. — Он улыбнулся, затем неожиданно вскинул руку, указывая на что-то пакетом, который все еще держал в руке.

— Смотрите, вон мистер Джек!

Я быстро взглянула в том направлении.

— А это кто? — спросил Мигель. — Кто эта девушка рядом с ним?

— Подруга мистера Джека. Ее зовут Хезер.

Почему я не сказала, что она и моя подруга тоже?

Мы смотрели, как они прогуливаются по дорожке вдоль поля. Я сомневаюсь, что они видели нас, — они, скорее всего, были поглощены друг другом.

— Она его девушка?

— Похоже на то. — Я пожала плечами.

— Здравствуйте, мистер...

— Ш-ш! Не зови его. Он разговаривает со своей подругой.

Я подумала: «А что, если он поцелует свою девушку?» Ему бы это послужило хорошим уроком, если бы его второклассники вместо сумасшедшей вожакой с рыжими волосами стали бы рисовать его, ухаживающего за блондинкой.

Хезер и Джек исчезли за деревом. «Черт, они столько времени проводят за кустами и деревьями», — подумала я. Но на самом деле просто так изгибалась тропинка по направлению к зданию, где Хезер занималась танцами. Джек снова появился несколько минут спустя, очевидно уже проводив Хезер. Теперь он шел один в нашем направлении.

— Здравствуйте, мистер Джек! Посмотрите, что мне купила мисс Карли! — И Мигель бросился к нему. Я осталась на месте.

Лицо Джека расплылось в улыбке. Он присел на корточки, чтобы поговорить с Мигелем и посмотреть на перчатку. Она не лезла Джеку на руку, но он надел ее на кончики пальцев и стал размахивать ею, притворяясь, что кидает мяч. Мигель стал ему подражать. Джек сделал вид, что собирается поймать мяч, брошенный поверху, и поднял руки.

— Так, так. Ловлю! Ловлю! Черт, не поймал! — сказал он.

Мигель упал на траву, смеясь.

Джек потянул его за руку, поднимая, затем обнял мальчика за плечи. Я почувствовала укол в сердце. Мне бы так хотелось, чтобы это я смеялась с Джеком, чтобы он нежно прикоснулся ко мне. Это было похоже на то чувство, которое я испытывала, смотря на него с Анной, — этот глупый мимолетный укол ревности, когда я видела, как им легко и хорошо в компании друг друга.

«Держись, Карли», — пробормотала я себе.

Джек положил перчатку на голову Мигеля, затем взглянул на первую базу, где стояла я, и улыбнулся. Я тоже улыбнулась ему в ответ, встала и собрала салфетки и пакеты, которые начали разлетаться на ветру.

— Привет, Карли.

— Привет, Джек.

— Похоже, вы неплохо проводите время.

— Конечно, — сказала я, пытаясь не смотреть ему в глаза. — Мигель — просто звезда. Я надеюсь, что он не забудет про нас, когда будет завоевывать медали на чемпионатах.

Мигель просиял.

— Как Хезер? — спросила я.

— Хезер?

— Ваша девушка, — подсказал Мигель.

Джек прищурился:

— Хорошо. Нам не хватало вас за обедом.

«Ну конечно», — подумала я и посмотрела на небо. Дождь никак не начинался.

— Ты, наверное, знаешь, что мы с ней встречались в выходные, — продолжил Джек.

«Да, и встреча была долгой», — ответила я про себя, а вслух произнесла:

— Да, ее мать сказала мне. — Мы втроем направились к студенческому центру. — Это здорово, действительно здорово.

— А как прошли твои выходные? — спросил Джек.

— Тоже здорово.

— Она ела шоколадное печенье в большом количестве, — пояснил Мигель. Джек засмеялся:

— Холестерин любит шоколадное печенье?

— Нет, это я его люблю, — сухо ответила я.

Джек немного склонился надо мною, заглядывая мне в лицо. Он пытался заставить меня посмотреть на него, заставить меня не отводить от него глаз.

— Если мы не поторопимся, — сказала я, — то все вымокнем до нитки.

«Дождь, начнись, — молила я, — ну пожалуйста, начнись».

Кто-то на небесах, должно быть, услышал меня. Сверкнула молния, разверзлись небеса. Я схватила Мигеля за руку. Он заверещал, как маленький поросенок, и мы бросились бежать к студенческому центру. Мы с Мигелем остановились только тогда, когда оказались среди других детишек, выходящих из столовой. Юджин дернул меня за мокрые волосы. Джанет требовала рассказать ей, где я была. Эйприл предложила мне пару своих заколок. Я была рада оказаться среди детей, которые смеялись и беспрестанно разговаривали. Я была рада видеть, что они все толпились вокруг меня, защищая от вопрошающих глаз Джека.

Вечером все еще шел дождь, стуча по алюминиевой крыше нашей гостиной и грохоча по сточной трубе. Мы с Джоэль сидели рядом на диване и смотрели какую-то совершенно глупую комедию. «Вот так мы и будем жить, — подумала я, — Джоэль и я, две незамужние сестры будут жить вместе, смотреть глупые комедии и воспитывать Приятеля».

— Может, мне испечь шоколадное печенье? — спросила Джоэль.

— Нет. — Я догадалась, что снова начала вздыхать.

— А что сказал Люк, когда ты сказала ему, что будешь занята в следующую субботу? — поинтересовалась Джоэль.

Он позвонил сразу после ужина, и она слышала наш разговор до того момента, пока я не перешла на радиотелефон и не ушла говорить в шкаф для верхней одежды. Но я сделала это только для того, чтобы позлить ее. На самом деле мне было все равно, что она знала о Люке.

— Он спросил, как насчет воскресенья.

— А ты?

— Что я занята.

— А он?

Я схватила пульт от телевизора и начала переключать с канала на канал.

— Он спросил, могу ли я в понедельник, но ему надо вернуться рано, так как он ложится спать в десять.

Сестра положила свою руку на мою:

— Ты знаешь, Люк, наверное, недостаточно догадлив, чтобы понять намек.

— Кому ты это говоришь? — Я еще быстрее стала нажимать на кнопки. — В конце концов я сказала ему напрямую, что не хочу с ним встречаться.

— Он, наверно, был вне себя?

— Он спросил, не хочу ли я прийти посмотреть, как он тренируется.

Она огорченно вздохнула, а я заставила себя рассмеяться.

— Ох, Карл, — сказала она.

— Ох, Джо. — Мы уже долгое время не называли так друг друга.

— Ну и что, ты сказала Джеку, что больше не встречаешься со Спящим Красавцем?

— А почему я должна сообщать Джеку? — спросила я, хорохорясь. Я снова попала на канал, где показывали этот глупый фильм, и уставилась на актеров, которые выводили меня из себя. — Я думала, что ты в курсе всего, что происходит, Джоэль. Тебе бы следовало знать, что он встречается с Хезер.

— Я знаю. Но ведь ее такие вещи никогда не останавливали, не так ли?

Я поднялась. Наверное, мне все-таки нужно съесть шоколада.

— Нет, потому что он интересуется Хезер и не интересуется мной. — Мой голос дрогнул. — Что ж, Хезер повезло.

Джоэль поднялась вслед за мной, но, покачнувшись, упала на диван.

— Тебе плохо?

— Нет, нет, все в порядке. — Она махнула рукой.

Джоэль показалась мне какой-то особенно бледной, еще когда я пришла домой.

— Ты плохо выглядишь, что случилось?

Она пожала плечами:

— Кто ж его знает? Мое тело больше не мое, у меня такое чувство, будто оно принадлежит кому-то еще.

«Сначала кто-то крадет твое сердце, — подумала я, — а затем от тебя ускользает все остальное».

— Может, тебе принести что-нибудь поесть?

— Я буду то же, что и ты, — кивнула она.

Я вернулась с пачкой печенья и молоком. Она была даже еще бледнее, чем когда я уходила.

— Давай посмотрим что-нибудь по видео, — предложила она.

Я открыла шкаф, чтобы взять стаканы.

— Что ты хочешь посмотреть? — Моя услужливость была просто поразительной, но я беспокоилась за нее.

— «Какими мы были».

— Что? — Этот фильм был частью коллекции наших родителей и представлял собой душещипательную мелодраму. — Почему его?

— Чтобы мы всплакнули и пожалели кого-нибудь другого, — предложила Джоэль.

— Но я терпеть не могу этот фильм. Ненавижу героиню Барбры Стрейзанд. У нее непослушные волосы, которые невозможно уложить, она невероятно упрямая и влюбляется в парня, который совершенно ей не предназначен.

Сестра пожала плечами:

— Ну да, может быть.

Я была удивлена, что она не отпустила ремарку типа «Посмотри в зеркало, Карл». Должно быть, она чувствовала себя хуже некуда.

Я вставила кассету в видеомэгнитофон и приготовила платочки. На половине фильма Джоэль потянулась за пультом и нажала на кнопку «стоп».

— Мне нужно на минутку отойти. — Она поднялась и пошла, немного пошатываясь.

— Джоэль?

— Со мной все в порядке.

Я посмотрела ей вслед и покрылась холодным потом. Сзади на ее широком платье было огромное кровавое пятно.

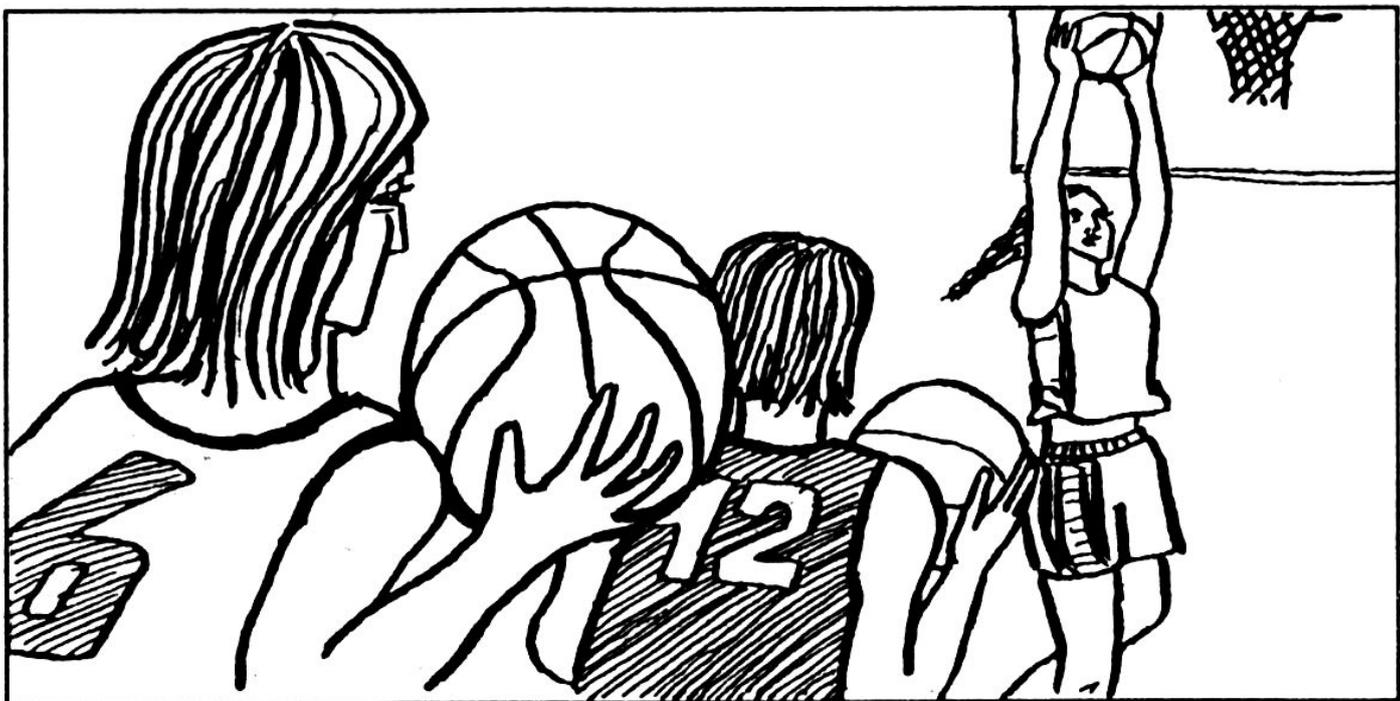
Джоэль потянула за край платья посмотреть, что там такое.

— Боже. — Она испуганно опустилась на диван. — Что нам теперь делать? — Джоэль выглядела так, будто вот-вот потеряет сознание.

— Будем звонить 119?

Она нахмурилась.

— Это была шутка, — пробормотала я и бросилась к телефону.

12

— Я не устала, — упрямо повторяла я Гарри за обедом на следующий день. — Я немного поспала в больнице, — добавила я. — Не заставляй меня идти домой. Мы с Джоэль провели вместе девятнадцать часов. Больше ни одна из нас не в состоянии выдержать.

Врач отпустил Джоэль в девять утра, сказав ей соблюдать строгий постельный режим. К десяти мы начали действовать друг другу на нервы. В одиннадцать она предложила:

— Тебе лучше пойти на работу.

Мы начали препираться на эту тему, потом я позвонила нашей двенадцатилетней соседке. Мэнди была не прочь прийти и посмотреть сериалы по телику за пару долларов.

— Ты позвонила родителям? — вернул меня в настоящее голос Гарри. Он сидел в офисе, откинувшись на спинку своего кресла.

— Джоэль мне не позволила. Я не знала, что делать, Гарри. Она так расстроилась, начала плакать и умоляла меня не сообщать им. Я боялась, что сделаю только хуже. Это я во всем виновата. Это я постоянно давала ей понять, что от нее одни неприятности. Это все моя вина.

— Никто не виноват, Карли. И ты не можешь рассчитывать на то, что в данной ситуации Джоэль будет трезво мыслить. Ты должна продолжать принимать решения, которые считаешь правильными. Что сказал врач?

— Не давать ей вставать с постели. Если кровотечения начнутся снова, немедленно позвонить ему. Завтра он придет осмотреть ее.

— Ты со всем этим справишься?

Я кивнула.

— Хорошо. — Гарри нацарапал что-то на листке. — Это мой домашний телефон. Звони в любое время, по любому поводу, даже если ты просто хочешь, чтобы рядом кто-то был. Звони в три ночи, и я сразу же приеду к вам. Я привезу пиццу.

Я улыбнулась, посмотрела на номер и положила листок в карман.

— Спасибо, Гарри.

— И не волнуйся по поводу ночевки в лагере в четверг вечером. Я найду тебе замену, — сказал он. — Куда мне отправить Хау и детей сегодня днем? — Все еще шел дождь, и поля были мокрыми. — Может, в старый спортзал?

Я кивнула, довольная тем, что Хау поможет мне на одном из уроков.

Хау принес в спортзал кипу открыток, сделанных его детьми.

— Надеюсь, вы поправитесь, — прочла я. — Спасибо, Тэм. Спасибо всем. Моя сестра будет счастлива их получить.

Даже если Джоэль засунет их на самую верхнюю полку, эти самодельные открытки сделали свое дело — они взбодрили меня.

Позднее Хау привел второклассников, они вошли тихие и послушные, как ангелы.

— Что только подтверждает факт, — шепнул мне Гарри, — что они могут себя вести хорошо, если захотят.

Никто в тот день не цеплялся к Мигелю. Я не знаю, было ли это результатом хорошего поведения ребятишек или это наша вчерашняя тренировка придала ему уверенности, но Мигель казался счастливым и забросил мяч в две корзины, а это очень большое достижение для любого с ростом три с половиной фута. Работа с малышами очень меня поддержала в тот день. Я огорчилась, когда Гарри вернулся, чтобы отвести их к автобусу.

Но Гарри, сам даже не подозревая об этом, одновременно и облегчил мне задачу, проводив вместо меня детишек к автобусу. Благодаря этому мне не пришлось столкнуться с Джеком. Джек видел, как я умею злиться. Он наверняка считает, что я была способна наговорить гадостей Джоэль и расстроить ее. Он посмотрел бы на меня своим пронизывающим взглядом; вполне возможно, он бы увидел, как я боюсь за нее и Приятеля. А я бы сейчас с этим не справилась, я просто не была в силах встретиться с людьми, которые заставили бы меня чувствовать себя еще более незащищенной, чем я была на самом деле.

Я присела на нижний ряд скамеек, распутывая старые узлы на веревочном мешке для мячей. Мне нравятся тихие спортзалы. Мне легче молиться именно в таких старых серо-зеленых спортзалах с узкими окнами, чем в церкви. Я склонилась над сумкой, развязывая узлы так же, как моя бабушка перебирала четки. Я молилась за Джоэль. И за себя тоже.

— Карли? С тобой все в порядке?

Я вздрогнула, услышав голос Хезер.

— Да, да. Все в порядке. Я просто убираю мячи.

Она прочертила ногой по желтой линии, стоя в нерешительности, затем, миновав игровую площадку, подошла ко мне.

— Как Джоэль?

— Ничего. Завтра придет врач снова ее осмотреть. Она, конечно, пережила шок, но с ней все будет в порядке.

— А как ты? — спросила Хезер, присаживаясь рядом со мной.

— Так же, как и Джоэль, я думаю.

— Мне очень жаль, что это случилось. Должно быть, это очень нелегко для тебя. Помню, как моя мама попала в аварию. Иногда страшнее тому, кто помогает, а не тому, кто нуждается в помощи.

Я сглотнула.

— Я весь вечер звонила тебе вчера. Я очень беспокоилась, — сказала она. Об этом же говорили ее мягкие серые глаза.

— Я знаю. Я утром прослушала твое сообщение.

— Я звонила Джеку. Он тоже беспокоится.

Я поднялась, чтобы собрать баскетбольные мячи. Хезер направилась в противоположный угол за мячом, не достигшим цели, затем изобразила бросок одной рукой мяча в корзину, показывая при этом один из своих балетных прыжков. Такой прыжок был просто невероятен для ее маленького роста.

— Говорила же я тебе, команда много потеряла в тот день, когда ты выбрала танцы, — сказала я.

Она улыбнулась мне в ответ.

— Я люблю их. Мне так нравится все, что я здесь узнаю. Я тебе обязана, Карли, за то, что ты не позволила мне стать неудачницей.

На моем лице тоже появилась улыбка.

— Ты слишком хороша для того, чтобы быть неудачницей.

— Я как раз вспоминала об этом вчера вечером, — сказала она, — о том, как ты вытащила меня из того магазина, где продается одежда для танцоров, и вразумила меня. Я рассказала об этом Джеку.

Мне очень хотелось, чтобы она перестала упоминать его. В первом сообщении, которое Хезер оставила на автоответчике, еще до того, как она стала беспокоиться за меня, она хотела поговорить о Джеке.

— Мне опять нужен твой совет.

Я запихала два мяча в веревочный мешок и протянула руку в ожидании еще одного, с которым она играла.

— По поводу Джека, — добавила Хезер.

— А что насчет него?

— Мне он на самом деле очень нравится, Карли. — Она намотала на палец прядь своих длинных светлых волос. — Очень.

Я кивнула.

— Просто он постоянно хочет видеть меня, назначает встречи. Это так странно... — Она покачала головой.

В действительности это была совершенно нормальная мужская реакция на Хезер. То, что было действительно странным в этой ситуации, так это что Хезер хотела продолжать с ним встречаться. Я думала, Джек рисовался, когда сказал, что ему не нужна помощь с девушками, но сейчас я поняла, что он и впрямь привык получать ту девушку, которая ему была нужна.

— Прямо не знаю, что делать, — Хезер вздохнула.

У меня вдруг появилось неожиданное желание подхватить мешок с мячами и начать раскручивать его над головой, держа за веревку, а затем отпустить и дать ему возможность улететь.

— Как насчет того, чтобы радоваться тому, что у тебя есть? — спокойно предложила я.

— Как бы мне этого хотелось, — она вновь вздохнула. — Если бы только в моей группе не было Дэна.

— Дэна? А кто это?

— Студент. Он учится в Кёрбисмите и прекрасно танцует. Учитель считает, что мы превосходная пара! С десятого класса школы он танцевал с одной и

той же девочкой и думал, что они всегда будут танцевать в паре. Но теперь, после встречи со мной, он уже сомневается в этом.

Ну конечно! Парень с девушкой. Парень из колледжа, который был предан своей девушке с десятого класса. Мне хотелось завопить и взбежать вверх по деревянным скамейкам.

— Ты думаешь, будет очень плохо, если я стану встречаться и с Дэном, и с Джеком? Я им, конечно, скажу. Я бы не стала продолжать встречаться, обманывая их.

— Это очень мило с твоей стороны, — неопределенно сказала я.

Но она уловила интонацию, с которой я все это произнесла, и посмотрела на меня со странным выражением на лице.

— Понятно. Ты считаешь, мне не следует этого делать.

Что я могла сказать? Что я считала ее идиоткой и что ей не следует гоняться за чужими парнями? Чтобы она отвязалась от Дэна? Таким образом я бы только подтолкнула ее к Джеку. Хотя это было бы правильным поступком — так она не разбила бы сердце другой девушке.

Я попыталась сказать об этом, сказать, чтобы она не упустила Джека, но так и не смогла.

— В этот раз я не могу тебе помочь, — наконец произнесла я. — Тебе придется самой принимать решение.

Она посмотрела на меня так, будто я бросила ее.

— Ну что ж, я понимаю, у тебя самой хлопот хватает. — Она попыталась проявить понимание.

— О, это точно. — Я просунула руку между скамеек и подтолкнула мяч, чтобы он выкатился ко мне. — Поговорим позже, ладно?

— Ладно, — ответила она без обиды в голосе, собираясь уходить. — Мне нужно домой, чтобы быть готовой к сегодняшнему вечеру.

«Интересно, для встречи с кем?» — подумала я, когда она ушла.

Я вытащила мяч из-под скамеек и начала стучать им о стену. Я бегала с мячом по площадке, ведя его, меняя руки, отбивая его от скамеек и ловя снова, кидаясь к корзине. Бросок одной рукой. Попала. Он снова у меня в руках. Я не могла промахнуться. Прыжок и бросок с расстояния двадцати пяти футов! Я поймала мяч, закрутила его на дальнюю площадку и попала прямо в шестифутовую скалу, точнее, в скалу высотой в шесть футов и один дюйм.

— Я нападаю, — сказал Джек, ловя мяч. — Мне полагается сделать бросок.

Я отобрала у него мяч.

— Я не говорила, что тебе можно играть.

— Ерунда, — ответил он. — На самом деле я пришел поговорить.

Как раз то, чего я меньше всего не хотела. Я увела от него мяч и кинула его в корзину. Бросок! Сегодня я была в ударе.

— Как чувствует себя твоя сестра? — спросил он.

Я решила играть в «три очка».

— Хорошо. — Мяч ударился об пол и подскочил. — Она дома. — Я подхватила его и приготовилась к следующему броску.

— Гарри сказал, что твои родители в отъезде. Тебе пришлось самой везти ее в больницу.

— Это был прекрасный повод прокатиться на большой скорости, — ответила я с напускной легкостью и бросила мяч в корзину. — Я даже расстроилась,

что меня не задержала полиция.

— Действительно, — сказал он.

На самом деле я была так потрясена и напугана, что постоянно путала педдали.

— Ты держишься достаточно спокойно для такого случая.

— Ну, не так это было и страшно. — Я сделала еще один резкий бросок. — Это часть беременности. Джоэль тоже была спокойной, — солгала я.

— Если я могу чем-нибудь помочь, — предложил он, — что угодно, что могло бы пригодиться в данной ситуации...

«Уходи, — подумала я. — Это было бы лучше всего».

Я промахнулась мимо корзины. Мяч отлетел прямо Джеку в руки, и он не захотел его отдавать.

— Я могу взять еще один из мешка, — пригрозила я ему.

— Конечно, но ты слишком горда, чтобы упустить возможность отобрать у меня этот, — сказал он, уводя от меня мяч. — Я сердито посмотрела на него. — Ну давай, будем вести счет до двадцати одного очка, — подзадоривал он меня. — А так как я очень вежлив, то дам тебе возможность первой начать второй тайм.

— Мне не нужны поблажки.

— Отлично, — ответил он. — Тогда я его возьму. — Он обвел мяч вокруг меня и красиво и с легкостью подбросил его. — Два — ноль.

Он передал мяч мне. Я ловко повела его, но Джек оказался очень быстрым и немного оттеснил меня. Я попыталась обмануть его, всего лишь дернув плечом. Он попался на этот трюк. Я обвела вокруг него мяч и сделала бросок.

— Два — два.

Он поймал мяч, и я ждала, прикинув, что ему не удастся добросить его до корзины с такого расстояния. Бросок!

— Четыре — два.

— Значит, — сказала я, — твоя мама не смогла купить тебе американские горки и купила тебе вместо них баскетбольную корзину. Ты что, всю жизнь практиковался в ожидании этого момента?

Он усмехнулся и, ведя мяч, приблизился ко мне. Он стоял очень близко. Слишком близко.

— Всю свою жизнь я ждал этого момента.

Обманчивым движением я увела от него мяч. Но он нагнал меня так быстро, что я не успела сделать и полшага. Чем дальше, тем напряженнее становилась игра. Мы толкались, пролезали друг у друга под руками, обходили друг друга, с нас струился пот от напряжения. Я чувствовала каждое его прикосновение. Он просто доводил меня до безумия тем, что, казалось, был вездесущим. Куда бы я ни поворачивалась, я везде натыкалась на него. Я выигрывала со счетом двенадцать — восемь, но мне казалось, что я проигрываю.

Мяч ударился о стену и отскочил от нее. Бросившись за ним, мы оба рухнули на пол, подобно осьминогу — два тела, одно поверх другого с восемью руками и ногами.

Я лежала сверху и от изумления была не в состоянии даже пошевелиться.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Я попыталась сползти с него, но он удержал меня на какое-то мгновение. Этот жест не значил ничего особенного. Точно так же придерживают ребенка,

которого случайно сбили с ног.

— Со мной все в порядке, — ответила я. — А как ты?

— Прекрасно.

Я высвободилась и отползла в сторону.

— Я... это... я не хочу больше играть.

— Я сделал тебе больно, — сказал он, быстро поднимаясь.

— Да нет. Просто это был очень долгий день. День, который длился сорок восемь часов. Для меня вчерашний вечер так и не закончился.

Он внимательно посмотрел мне в лицо. Мы оба немного запыхались.

— Ты уверена, что моя помощь тебе не пригодится? Я мог бы прийти и побыть с Джоэль, если тебе надо куда-то уйти. Ну, например, если у тебя с Холестерином будет свидание, — добавил он.

— Большое спасибо, но в этом нет необходимости. Родители вернутся в субботу.

Он продолжал изучать мое лицо. Завитки темных волос прилипли к его влажному от пота лицу. Я следила за тем, как он достает свою футболку, чтобы вытереть пот. Я действительно проигрывала, потому что не могла оторвать глаз от его груди и была полна желания дотронуться до нее.

— Ну и как у вас с Хезер продвигаются дела? — спросила я.

— Все было неплохо, но мне кажется, она теряет интерес. — Он немного улыбнулся. — Ты же знала, что так получится. Ну давай, Карли, скажи мне, что ты знала это заранее.

— Послушай, — сказала я, — у тебя все получилось в тысячу раз лучше, чем у кого-нибудь другого. Ведь Хезер до этого не проводила и двух дней подряд с одним и тем же парнем. Ты не можешь после этого отступить.

Он посмотрел на меня, и на мгновение мне показалось, что его глаза приобрели другой цвет. Они были такими несчастными, такими разочарованными.

«Хорошая подруга должна воссоединить двоих людей, которые ей дороги, — подумала я, — даже если она неожиданно обнаружила, что новый друг ей гораздо дороже, чем старый».

— Не опускай руки, Джек. Я знаю кое-что, что могло бы тебе помочь.

И я рассказала ему об идее Хезер встречаться не только с ним, но и с парнем из танцевальной студии.

— Я знаю, это, вероятно, задевает твои чувства, но, если ты сохранишь спокойствие и первым скажешь ей, что и ты хочешь встречаться с другими девушками, используя против нее ее же оружие, тогда твоя взяла! — сказала я с мрачным удовлетворением.

— Моя взяла, — тихо повторил он.

— Ты добьешься своего! Она, конечно, станет встречаться с этим другим парнем, но будет думать только о тебе.

Мне показалось, что в его глазах засветило солнце.

— Хорошая мысль, — сказал он наконец. — Как насчет этой субботы вечером?

— Ну, на твоем месте я бы не стала тянуть до субботы и сразу сказала бы об этом Хезер, но, боюсь, придется подождать, чтобы ты успел пригласить кого-нибудь на свидание.

— Об этом и речь, — кивнул он. — Ты свободна?

— Что?

— Ты сможешь пойти со мной куда-нибудь в субботу вечером? Не беспокойся, я объясню Холестерину. Ему это наверняка покажется забавным.

Но это вовсе не было забавным. Мысль о том, что мне придется провести целый вечер с Джеком, помогая ему вернуть Хезер, делала меня несчастной. Я поднялась с пола, подобрала мяч и направилась к мешку.

— Я не знаю. Не думаю, что это такая удачная мысль.

— Карли, — он следовал за мной по пятам, — ты же знаешь, как только Хезер поймет, что я с тобой, она сразу начнет ревновать и будет интересоваться мной еще сильнее.

Я бросила мяч в мешок.

— Я же помогал тебе, когда ты пыталась добиться расположения Холестерина, — напомнил он мне. — Это всего на один вечер, ну, может быть, на два или три, сколько понадобится. Я отведу тебя в хорошие места. — Он взял меня за руку. — Разве ты не можешь притвориться, что между нами что-то есть?

Я знала, что была обязана ему. Я потащила через спортзал, волоча за собой веревочный мешок с мячами.

— Ну конечно. Всегда можно притвориться.

13

Как я и думала, Джоэль попросила меня положить открытки, сделанные детьми, на ту же полку, где лежали плюшевые медведи, подаренные Гарри. Однако перед этим она посмотрела на каждую и даже пару раз улыбнулась.

— «Будьте готовы!» — прочла она и показала мне открытку.

— Он хотел сказать «Будьте здоровы», — пояснила я.

— Не знаю, — ответила Джоэль, кладя руку на живот. — В моем случае наиболее подходящим кажется «будь готова».

После ужина, когда она смотрела «Колесо фортуны», я переложила мишек на полку пониже и расставила вокруг них открытки, делая это как можно красивее. Я также взяла три книги по антропологии и западноафриканским культурам и положила их между журналами, стопка которых лежала у ее кровати.

Утром я ушла, позаботившись о Джоэль, как о принцессе: оставила ей завтрак на прикроватной тумбочке, переносной холодильник был доверху забит едой и соком, рядом лежали книжки, журналы, пульт от телевизора, писчая бумага и цветные карандаши для рисования, плеер, батарейки, трубка радиотелефона, список телефонных номеров. До всего этого было достаточно протянуть руку. Наша соседка Мэнди должна была подойти к одиннадцати тридцати.

В тот день мы собирались отвезти малышей в музей, и я опоздала на работу. Когда я наконец-то вбежала в автобус, дети восторженно поприветствовали меня.

— Ты им очень нравишься! — сказала Памела. Она сидела на переднем сиденье рядом с Джеком.

Я кивнула и улыбнулась.

— Привет, Карли, — Джек широко улыбнулся. Наверное, он так мне обрадовался потому, что именно я могла осуществить его мечты насчет Хезер.

— Привет, Джек. — Я села на заднем сиденье вместе с Анной. Хау собирался

поехать за школьным автобусом на своей машине, чтобы доставить вожатых в университетский городок после того, как в конце дня мы отправим детишек домой.

Отвезти детей в художественный музей Балтимора было идеей Гарри. Он подумал, что в такие места, как аквариум или зоопарк, их сводят школы, в которых они учатся. А нам стоит попробовать познакомить их с культурой. Сам Гарри, конечно, остался в Кёрбисмите, чтобы подготовить постельные принадлежности для завтрашней ночевки в лагере. Именно нам предстояло сообщать работникам музея о засоренных унитазах, извиняться за то, что сработал сигнал тревоги, объяснять, что такое искусство и как надо себя вести, когда дети будут указывать пальцем и улюлюкать при виде обнаженных фигур.

Но день прошел лучше, чем можно было ожидать. После экскурсии по музею с двумя экскурсоводами, которые сказали, что им понравилось работать с маленькими бандитами, мы стали играть в «Остров сокровищ». Джек и Анна составили список людей и предметов, которые надо отыскать на картинах, и дети с удовольствием взялись за дело, переходя из зала в зал. Затем мы пообедили в красивом парке напротив главного входа, после чего дали малышам возможность вволю побегать и покричать с часок. Когда они немного утихомирились, мы снова отвели их в музей, снабдив бумагой и попросив нарисовать то, что их вдохновило.

Собрав наконец-то детишек вместе и усадив в автобус, где ждал наш верный водитель, мы впятером отправились в Кёрбисмит в машине Хау. Не успели мы проехать и одного квартала, как я почувствовала, что у меня слипаются глаза. Моя голова склонилась набок и начала стучаться о стекло машины.

«Это, должно быть, заразно, — пронеслось у меня в мыслях. — Болезнь Спящей Красавицы». Памела что-то спросила у меня, и тут же я услышала, как Джек ее тихо одернул:

— Ш-ш-ш. Она спит.

Проснулась я через полчаса, уже на территории университетского городка. На двери офиса для меня было оставлено сообщение:

«Карли, звонила Джоэль. Я поехал к вам домой. Не беспокойся, я позвонил врачу. Я останусь с ней до твоего возвращения.

Гарри».

— Я отвезу тебя домой, — сказал Джек, читая через мое плечо.

— Спасибо, но наша машина в моем распоряжении на этой неделе.

— Даже если так, тебе вовсе не помешает, чтобы рядом кто-то был. — Я повернулась, чтобы увидеть его лицо. — Ну, я просто хотел сказать, если ты водишь машину так же, как и свой велосипед... — Он попытался обратить предложение в шутку.

— Я справлюсь.

«Хотя, может быть, и нет», — подумала я, когда вернулась домой и увидела сестру, спящую на кровати среди любимых подушек. Она выглядела такой бледной и казалась гораздо моложе, чем ей было на самом деле. Гарри расположился на моей кровати, читая одну из книг по Западной Африке. Он улыбнулся мне, перевел взгляд на нее, затем тихо спустился вместе со мной вниз.

— Врач сказал, с ней все в порядке и она сможет встать через пару дней, если не будет волноваться.

— Почему она позвонила тебе? Где была сиделка? — спросила я.

— Здесь больше никого не было, когда я приехал. — Гарри усадил меня на диван. — Она позвонила мне в офис где-то в двенадцать тридцать и сказала, что упала. Она была напугана.

— Как это произошло? Ей стало плохо?

— Она сказала, что поскользнулась на коврике.

— На коврике? — Я подумала с минуту, спрыгнула с дивана и поспешила в прихожую. — У нас же наверху большой ковер на всю комнату, — сказала я Гарри, который последовал за мной. — Она же знала, что ей нельзя спускаться вниз по лестнице! — сердито закричала я. — Она знала, что ей надо было оставаться наверху!

— Может, я еще немного побуду? — предложил Гарри. — Мне очень понравилась эта книга.

Я оперлась о дверной косяк.

— Не волнуйся. Я успокоюсь до того, как она проснется. Я просто не знаю, что мне с ней делать, Гарри. Я устала исполнять роль старшей сестры.

— Может быть, она устала от роли младшей сестры, — предположил он, — но просто не знает, как это показать. Может, потому она все делает по-своему. Хотя это и не самый умный выход из положения.

Наверное, я все еще злилась. Гарри остался еще на час, и мы поговорили о детях в лагере. Я дала ему почитать книгу Джоэль. Прежде чем уйти, он снова оставил мне свой телефонный номер.

Когда Джоэль проснулась, я уже приготовила ужин. Она рассказала мне то же, что и Гарри, затем мы молча поели, смотря телевизор. Я вела себя спокойно, зная, что не должна расстраивать ее. Я постоянно напоминала себе о том, как однажды я играла в баскетбол, преодолевая ужасную боль в лодыжке. Я так и не сказала тренеру, что почти целый вечер накануне просидела в больнице и врачи обнаружили у меня трещину. Упрямство, граничащее с глупостью, было семейной чертой.

Зазвонил телефон. Звонила девочка, живущая по соседству, та, что приходила посидеть с Джоэль. Она хотела поблагодарить Джоэль за то, что та отпустила ее на встречу с друзьями, и интересовалась, нужно ли ей прийти завтра.

— Кто звонил? — спросила Джоэль с невинным видом.

— Мэнди.

— Понятно.

— Она поблагодарила за то, что ты отпустила ее сегодня. И спрашивала, не нужна ли ее помощь завтра.

— Поступай, как считаешь нужным, — тихо сказала Джоэль.

— Как я считаю нужным? — повторила я. — Я думала, что ей было необходимо находиться с тобой *сегодня*. Как видно, ты так не считала!

— Она сказала, что мать заставила ее прийти сюда. Я подумала, что это несправедливо, — объяснила Джоэль. — Она должна была встретиться со своими друзьями.

— А мне плевать, даже если ей надо было встретиться с президентом США!

— Я не хочу, чтобы мне прислуживали, Карли, — упорствовала Джоэль. — Врач сказал, что со мной все в порядке. — Она поправила подушки за своей спиной. — Скоро со мной все будет в полном порядке.

— В полном порядке? В полном порядке? — Я едва сдерживалась, чтобы не

закричать. — Мне кажется, ты не понимаешь, Джоэль. У нас никогда не будет все в порядке. Это ребенок, это Приятель, а не один из тех брошенных котов, которых ты подбирала и приносила домой, не птица со сломанным крылом.

Она прикусила губу.

— Здесь все не так просто, здесь ты не сможешь просто покормить его и дожидаться, пока он улетит, — продолжала я. — Тебе понадобится помощь и в течение долгого времени. Так что привыкай.

Она упрямо сжала губы. Мне показалось, что я смотрю в зеркало.

— Не могу себе представить, что там было такого невероятно важного внизу, что тебе понадобилось спуститься, — пробурчала я.

— Альбом с фотографиями. Я хотела посмотреть на наши детские фотографии. Я... я хотела представить себе, как будет выглядеть Приятель.

Альбомы мы храним в шкафу в холле. Самый старый из них лежит на самой верхней полке, на книгах.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнесла я, — ты встала на табуретку, на ту самую, которая качается и стоит на скользком коврике?

Она не ответила.

— Джоэль! — взорвалась я. — Из тебя выйдет ужасная мать! Ты о себе не можешь позаботиться. Как ты будешь заботиться о малыше?

— А тебе-то какое дело? — выпалила она в ответ. — Ты никогда не хотела, чтобы мой ребенок жил здесь. Признайся, ты была в ужасе, когда я тебе рассказала. Ведь Приятель испортил твои планы. И тебя это ужасно злит. А теперь оставь нас в покое.

Я задохнулась от ярости. Наши с ней глаза полыхали от гнева.

— Я звоню маме.

— Нет, Карли, подожди. Не звони. Ну пожалуйста, не надо. — Она попыталась выхватить у меня из рук список телефонных номеров, оставленных родителями. — Ведь осталось всего пара дней до их приезда.

Но я начала набирать номер. У меня в голове все смешалось от событий последних дней, но в одном я была уверена: с меня хватит проблем с Джоэль.

Родители забронировали билеты на ранний утренний рейс и прилетели домой к полудню. Я еще никогда в жизни не была так рада их приезду. Я кинула в машину свои постельные принадлежности и рюкзак и поехала в Кёрбисмит. Ночевка в лагере была как нельзя вовремя. А еще мне хотелось уехать куда-нибудь с детьми на все выходные и отменить свидание с Джеком.

Когда я приехала, мы с Гарри пробежались по плану на день. Как обычно, первоклассники уезжали в три пятнадцать. После этого мне надо было заняться второклассниками и третьеклассниками, поиграть с ними в активные подвижные игры, чтобы к вечеру они бы были полностью измотаны.

Мне очень нравилось заниматься этим. Мы переиграли огромное количество игр, где надо было бегать: устраивали состязания по прыжкам, гоняли баскетбольные, футбольные мячи и мячи для софтбола. После ужина мы разделились на группы и одновременно играли сразу в несколько игр: «Захвати флаг», «Укради ветчину» и «Съедобное — несъедобное».

Я перебегала от одной группы ребятишек к другой, когда Джек схватил меня за руку.

— Это дети должны рано отключиться, а не ты, — сказал он.

— А мы посмотрим, кто первый сегодня уснет, — ответила я.

— Спорим? — Я не знала, стоит ли, потому что мне не хотелось проигрывать. — Кто первый заснет, будет платить за ужин в субботу вечером. — Он ухмыльнулся и протянул мизинец.

Я знаю, это глупый, ничего не значащий жест, но соприкосновение наших мизинцев произвело на меня такой же эффект, как тогда, в темной машине, когда он повернул мое лицо к себе. У меня снова появилось ощущение, что время остановилось. Я отбежала от него и вернулась к детям.

После игр наступило время для волшебства Анны и Джека. Мы расселись кружком на территории Коммонз, недалеко от леса и ручейка. Разжечь огонь у нас не получилось, но вокруг все светилось от светлячков, к тому же взошла полная луна — круглая и похожая на золотое яйцо. Для детей, которые всю жизнь провели в промышленных городах, просто посидеть на поле возле высоких деревьев под мерцающими звездами было чудом. Анна рассказала им несколько историй, затем Джек вытащил свою гитару.

Ребята пели с ним забавные песни, которым он их научил. Гарри хлопал в ладоши, топал ногами в такт. А я думала о плюшевых мишках и о том, как Гарри приехал побыть с Джоэль, хоть у него, как я прекрасно понимала, был миллион дел в лагере. Если бы Джоэль влюбилась в такого хорошего парня, как он! Но сердце — это предатель. Оно может вынудить девушку предать ее лучшую подругу, а парня — его жену, оно может заставить предать даже того человека, которого ты любишь.

Джек запел балладу, которую дети еще не слышали, — ирландскую песню о любви, о двух людях, разлученных морем. Я обхватила руками колени и уткнулась в них носом. Вдруг до моей спины дотронулась чья-то маленькая ладошка — это была малышка Эйприл, девочка с множеством заколок.

Джек запел другую песню, повеселее, затем спел несколько нежных колыбельных. Они звучали утешающе, но все же их нежность причиняла мне боль. Дети, сидевшие рядом с ним, придвинулись еще ближе.

Потом пришло время приготовить малышей ко сну. Мы уложили сорок спальных мешков рядом с нашими на открытом поле, огороженном с одной стороны забором. Гарри распорядился, чтобы вожатые парами легли с трех оставшихся открытых сторон. И тогда, если понадобится отвести ребенка в туалет, это может сделать один из взрослых, а второй останется с детьми. Он выбрал себе в пару свою сестру Памелу, наверное, потому, что на нее нельзя было полностью положиться.

— Хорошо, — сказала я. — Мы с Хау расположимся напротив тебя.

— Извини, но Хау в паре со мной, — быстро сказала Анна.

Я с удивлением посмотрела на нее.

— Но мы с Хау прекрасная команда.

— Иногда неплохо и поменяться, — ответила она твердо, хоть и с улыбкой.

— Не беспокойся так, — сказал Джек. — Я постараюсь не так громко храпеть. Да к тому же ты уснешь гораздо быстрее, чем я, — добавил он, напоминая о нашем пари.

— Отлично, — сказал Гарри, хлопая в ладоши. — Ну что ж, ребята, удачи, и дай нам бог поспать хотя бы тридцать минут до того, как нас разбудят.

Мы с Джеком прошли к нашей стороне поля и положили мешки в двадцати футах от детей. Они все еще переговаривались и хихикали, но постепенно

их голоса стихали. Юджин, конечно, продолжал болтать в полный голос. Джанет говорила даже громче его, пытаясь заставить его замолчать.

У меня было такое чувство, что я проиграю пари с Джеком и что всем сорока детишкам придется пробежать по моей спине, прежде чем я пробужусь ото сна, чтобы отвести их в туалет. Мне стоило усилий стянуть с себя туфли и растегнуть спальный мешок. А расчесывание волос заняло целую вечность. Я не слышала никаких движений позади меня и оглянулась посмотреть, что делает Джек. Он смотрел, как я расплетаю косу.

— Что-то не так? — спросила я.

— Да нет, все в порядке. — Он улыбнулся и лег на свой мешок в футе от меня.

Я расчесала волосы, затем быстро легла на живот, отвернувшись от него.

— Если я не вижу твоих глаз, как я пойму, спишь ты или нет? — спросил он.

— Ты победил. Я плачу за ужин. Спокойной ночи.

— Карли, ты на меня злишься?

— Я просто очень устала, понятно? — Мой голос дрожал.

— Понятно. — Он нагнулся и поправил мой спальный мешок, не дотрагиваясь до меня. — Не волнуйся насчет детей. Я все сделаю сам. Спи спокойно.

До меня доносились звуки ночного лета и шепот детей, потом все как-то слилось, голоса стали звучать так, будто они были записаны на пленку, которую прослушивали на подсевших батарееках. Лица — призраки людей, которых я знала, — парили у меня перед глазами. Мама и папа только что с самолета, моя сестра, одетая в свитер, который она носила в начальной школе, ребенок в одеяльце. Как я ни старалась, я не могла увидеть его лица.

— Приятель, — тихо позвала я. — Приятель, послушай. Все будет хорошо. Тебе не нужен папа. Я научу тебя бросать и ловить мяч. Тетя Карли будет с тобой на каждой игре.

Затем передо мной появилась Хезер. Она повернулась ко мне лицом, ее большие серые глаза были наполнены слезами.

— Что случилось? — спросила я. — Что происходит, Хезер?

Она исчезла, я, должно быть, заснула еще крепче, но немного позднее все лица снова вернулись.

Глаза Хезер блестели от слез.

— Мне очень жаль, Карли. Мне очень, очень жаль, — сказала она.

Я осмотрелась. Мы находились в каком-то угрюмом месте, где с одной стороны была натянута сетка, а с другой стояло распятие. Все были одеты в черное. Я и мои родители стояли в церкви. Это были похороны.

— Джоэль? Джо? — Я посмотрела на гроб. Правда доходила до меня медленно. Там были Джоэль и Приятель. Я не могла дышать. Я чувствовала себя так, будто кто-то взял нож и вырезал мое сердце.

Это неправда! Каждая частичка моего тела кричала, что это неправда. Но рядом со мной рыдала Хезер.

— Джоэль? Джоэль, это ты? Джо! — кричала я. — Нет!

— Карли, Карли, успокойся. Все в порядке.

Я почувствовала, как кто-то закрыл мне рот ладонью, а второй рукой тряс меня за плечо. Это был Джек, пытавшийся меня разбудить.

— О нет.

— Это просто сон, — сказал он.

Я вся тряслась. Гроб был таким настоящим. Джоэль, лежащая внутри него, казалась гораздо реальнее, чем Джек, или спальный мешок, или ночь вокруг нас.

Я смотрела на Джека, но видела перед собой образы из своего сна. Он поднял меня за плечи и усадил.

— Ну давай, просыпайся же. — Он обхватил меня руками, не давая упасть. — С тобой все в порядке, — прошептал он.

Я покачала головой.

— Нет, нет, с тобой все в порядке, — убеждал он. Его лицо было рядом с моим, и я просто физически ощущала его слова на своей щеке.

— А с ней, с ней что-то случилось, — едва смогла выдавить я из себя. — С Джоэль что-то случилось.

— Джоэль дома, с родителями, — мягко сказал он, а затем твердо добавил: — Это был сон.

Но меня все равно трясло не переставая.

— Сны ведь чего-то значат.

Он погладил меня по лицу и прошептал:

— Иногда все, что они значат, это то, что мы напуганы.

Я спрятала свое лицо на груди у Джека и расплакалась. Он крепко прижал меня к себе и начал качать, как маленькую.

А что, если сон был вещим? Что если я потеряла Джоэль? Я бы лишилась громадной части своей жизни, части, которую уже было бы невозможно восполнить.

— Я думала... она умерла. — Мои всхлипывания перешли в икоту. Несмотря на это, он продолжал прижимать меня к себе. У меня потекло из носа, как из водопроводного крана.

— Мне нужна салфетка, — всхлипнула я, пытаюсь нащупать ее свободной рукой.

Все еще крепко прижимая меня к себе, он потянулся за моим рюкзаком. Возможно, он знал, что, если отпустит меня, я осяду на землю.

— Я просто не умею с ней общаться, Джек. Когда она не послушалась врача, я начала кричать на нее и сказала, что из нее выйдет ужасная мать. Все это время я говорила вещи, которые расстраивали ее. Я ужасно себя вела.

— Может, ты и не была святой, — сказал он, — но ведь это очень сложная ситуация. Джоэль сама не смогла полностью с ней справиться. Она совершила несколько ошибок. Почему же тебе нельзя было этого сделать?

— Потому что я сильная, — громко ответила я.

Он снова прижал руку к моему рту, и я снизила голос до шепота, взглянув на детей. Они спали, как ягнятки.

— Я всегда была сильной, — тихо сказала я ему. — Я всегда должна быть рядом, чтобы прийти на помощь. И я не имею права вести себя как эгоистка.

— Я думаю, что ты всегда была рядом, хотя сама не осознаешь этого. — Он одной рукой медленно и успокаивающе поглаживал меня по спине. — Я встречался с Джоэль только раз, но она показалась мне довольно резкой. Думаю, она приехала домой и решила пожить с вами как раз потому, что ты всегда готова ей помочь. Хотя ты, вероятно, и сама не вполне это осознаешь.

— Может быть, — сказала я и потянулась за салфетками в свой рюкзак. В

упаковке оставалось только три штуки. Я отодвинулась от него и стала искать свою сумку.

— Я мог бы разорвать рубашку на ленты и сделать из них носовые платки, — предложил Джек.

Я засмеялась, а он вытащил из своей упаковки салфетку и протянул ее мне. Наконец-то высморкавшись, я снова легла на спальный мешок. Но закрыть глаза я боялась.

— А что, если мне снова приснится этот сон и я тебя опять разбужу?

— Ничего страшного, — мягко сказал Джек.

— А что, если так будет всю ночь?

— Где-нибудь в четыре часа я попрошу Хау поменяться со мной местами. — Он тоже лег, и теперь улыбался мне.

Я закрыла глаза, стараясь не упустить из внутреннего зрения образ Джека, лежавшего рядом со мной, и надеясь на то, что у меня, Джоэль и Приятеля все будет хорошо. Некоторое время мы лежали молча. Я прислушалась к ровному дыханию Джека и решила, что он заснул. Непонятно откуда взявшаяся слеза скатилась по моей щеке.

Джек взял меня за руку и крепко сжал ее. Я не знаю, сколько он держал ее, потому что через несколько минут я погрузилась в крепкий сон.

14

К субботе мне начало казаться, что в нашу комнату перетасили весь дом. Джоэль разрешили спускаться и подниматься два раза в день, и все, что ей могло понадобиться, было в нашей комнате в пределах досягаемости.

— А почему бы нам не принести наверх еще и микроволновку и тостер? — предложила я отцу.

— А ведь это мысль, котенок. Может быть, микроволновку.

Я хлопнула себя ладонью по лбу и ушла.

А теперь еще и я добавила к беспорядку, вытащив четыре пары шорт, три топики, несколько пар туфель и коробки с сережками и лентами для волос. Я встала у зеркала и сначала подтянула волосы наверх, а затем опустила.

— К какому решению ты пытаешься прийти? — спросила Джоэль, как будто бы не знала. Она уже дважды уточняла, когда должен прийти Джек. Но я не выходила из себя, слыша эти вопросы, так как решила перевернуть эту страницу своей жизни.

— Пытаюсь решить, какие шорты мне надеть, с какой рубашкой какие туфли, заплетать или нет волосы.

— Другими словами, — заметила она, — пытаешься решить, приедется или нет ради него.

— Я этого не говорила, Джоэль.

— А разве ты нашла бы в себе силы признать это? — спросила она.

Я принялась расчесывать волосы.

— Тебе бы хватило духу рискнуть еще раз?

Я начала водить расческой по волосам с бешеной скоростью.

— Почему бы тебе не позволить Хезер получать удовольствие за ее собственные деньги? — настаивала она.

— И сколько мне тебе еще объяснять? — сказала я. — Джек попросил меня помочь ему вернуть Хезер. В этом весь смысл сегодняшнего свидания.

— Ну хорошо, хорошо, успокойся.

Я продолжала яростно расчесывать волосы.

— Карли, остановись! — воскликнула она, хватая меня за руку. — У тебя же так волос не останется.

Я села на кровать, чувствуя, как горит кожа у меня на голове, и уставилась на разбросанную одежду.

— Давай я облегчу твою задачу, — предложила Джоэль. — Я сделаю тебе прическу и выберу, что надеть. Ну давай, мне так этого хочется. Ведь мне же принаряжаться сейчас бесполезно.

— Джо, но...

Джоэль рассмеялась в ответ на мою фразу протеста.

— Ну пожалуйста. Мне нужно чем-то заняться. Помнишь, когда мы были маленькими и играли в парикмахерскую?

— Может быть, в другой раз, — сказала я и вдруг увидела выражение ее лица: ей было до смерти скучно. — Ну хорошо, мисс Эмеральд, — это было имя, которое она всегда себе выбирала.

В этот день мисс Эмеральд просто превзошла себя.

— Просто, но элегантно, — резюмировала Джоэль. Она подняла мне волосы, закрепила их на затылке, и я выглядела, как одна из тех романтических женщин из рекламы 1910 года. Потом она выбрала для меня простые сережки-гвоздики и одолжила мне свою ни разу не надеванную блузку. Она пришла мне впору, очертив мою фигуру. Это был новый для меня стиль, так как я все время носила большие просторные футболки. Джоэль настаивала на том, чтобы я надела короткую юбку. Но я в конце концов согласилась на шорты, более модные, чем носила обычно. Она сделала мне макияж, а когда все было готово, я выглядела так, будто бы шла не на бейсбол, а на выпускной вечер. Мы спустились вниз, мимо меня прошел отец и даже оглянулся, чтобы еще раз посмотреть.

— Ты прелестно выглядишь, ко...

— Не называй меня котенком! — оборвала я его. Мне понадобилось тринадцать лет, чтобы набраться для этого храбрости.

Отец опешил сначала, затем кивнул и скрылся на кухне.

— Это у нее из-за критического периода? — услышала я, как он спрашивает у матери.

Раздался звонок в дверь. Мои родители вышли на минуточку, чтобы поздороваться. Джоэль была необычайно мила, отвечала на все вопросы и комментарии Джека полными предложениями и широко улыбалась. Затем мы наконец-то ушли.

— Давай быстренько пообедаем в одной из забегаловок недалеко от парка, — предложил Джек, — а затем пойдем посмотреть игру.

Я кивнула и сразу перевела разговор на бейсбол:

— Мессина подает. И Рэнди Джонсон, которого вряд ли обыграет «Ориолз». Будет классная игра.

В этой области я чувствовала себя вполне уверенно и проболтала почти всю дорогу до города, боясь, что повиснет молчание или, что еще хуже, речь пойдет о Хезер. Через двадцать пять минут, когда у меня истоцилась фантазия на тему, как здорово летит мяч при правильном ударе битой, Джек въехал на центральную городскую автостоянку.

— Ты выглядишь сегодня как-то по-другому, — заметил он, когда мы зашли

в лифт автостоянки.

Я окинула себя взглядом.

— Джоэль было скучно. Она выбрала для меня одежду, причесала и сделала макияж.

— Как она?

— Получше.

Лифт резко дернулся вниз. Я схватилась за поручень, но Джек поддержал меня за руку.

— Я... э-э-э... рада, что мои родители дома и мне не надо считать себя ответственной.

— Ты хорошо выглядишь.

«Хорошо». Ну что ж, хорошо есть хорошо. На самом деле красивее меня уже не сделать, и он, конечно, не мог сказать ничего приятнее, чем «хорошо»: ведь он пытался завоевать сердце такой красавицы, как Хезер.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Ты тоже хорошо выглядишь.

Он рассмеялся.

Мы поели в одном из ресторанчиков, переполненном посетителями. Все поглощали сэндвичи, пироги, разговаривали и смеялись, временами поворачиваясь к телевизору и наблюдая за ходом игры недели. Это было так непохоже на ресторан «У Риты».

Я изучала меню, несколько раз меняя свои решения, затем взглянула на Джека. Он внимательно посмотрел на меня.

— Что это ты разглядываешь?

— То же, что и тот парень через столик.

Я повернулась и поймала на себе взгляд этого парня. Его губы расплылись в улыбке, которую он, вероятно, находил ослепительной, а затем снова повернулся к своим друзьям. Я покраснела, а Джек приглушенно рассмеялся. И как будто совершенно случайно коснулся моей руки.

— Я думаю, в этом нет необходимости, — сказала я.

— В чем?

Я почувствовала себя совершенно глупо. Наверное, это все было случайным. Но вдруг он снова накрыл мою руку своей.

— В этом.

— А я думал, мне надо тренироваться. В конце концов, в последний раз, когда у нас было свидание...

— Это было не свидание, — поправила его я. — Просто компания друзей хорошо проводила время.

— Ты права. — Он ухмыльнулся. — И ты пичкала меня советами. Я вдруг понял, что я еще полный дилетант. А теперь у меня появился шанс попрактиковаться с профи, и мне просто не хочется его упускать. У тебя есть какие-то возражения?

— Да нет, нет. Все в порядке. Я уже выбрала. — Я подала знак официантке.

В течение всего обеда каждый раз, когда Джек упражнялся в искусстве флирта, я подзывала официантку. После нескольких заказов холодных блюд и напитков женщина, вероятно, решила, что я в положении. Счет положили рядом со мной. Джек протянул руку и взял его.

— Я заплачу. Я первая заснула, — напомнила я, отбирая счет.

— Я знаю, но ведь я тебе обязан. — Он положил свою руку поверх моей. —

Ты ведь мне так помогла с Хезер.

— А ты так помог мне с Люком.

С минуту мы смотрели друг на друга, затем поделили расходы пополам и ушли.

— Ты уверена, что тебе не понадобится ничего объяснять Люку? — спросил Джек, пока мы ждали у светофора, чтобы перейти дорогу и направиться к бейсбольному стадиону. Он внимательно посмотрел мне в лицо. У меня появилось чувство, что он подозревал о конце наших отношений с Люком.

— Спасибо за заботу, но я все уладила. О, зеленый! — И я первой бросилась переходить дорогу.

Мне нравятся оживленность и шум толпы на бейсбольном стадионе, продавцы орешков, аромат жарящегося на углях мяса со специями, ребята, выкрикивающие расписание игр, развевающиеся вымпелы.

Джек схватил меня за руку, когда я бросилась вперед. Я фактически притащила его на верхние скамейки, торопясь к секции триста двенадцать.

Нет в мире ничего лучше, чем взбегать вверх по стадиону, слушать, как вокруг тебя нарастает шум толпы, доходящий до апогея, и смотреть вниз на зеленое поле, которое треугольным бриллиантом сверкает далеко внизу. От этого вида у меня всегда захватывало дух.

— Когда я была маленькой, я мечтала о двух вещах, — сказала я Джеку. — Мне хотелось стать принцессой и игроком дальней части поля в команде «Ориолз».

От улыбки, которая появилась на его лице, мне захотелось воспарить.

— А о чем ты мечтаешь сейчас? — спросил он.

Я отвернулась, затем села на скамью.

— Да в общем-то ни о чем. Ни о чем особенном. — Я больше не позволяла себе мечтать ни о парнях, ни о колледже. Зачем расстраиваться? А то, что появлялось в моих снах, было и так ему известно. Джек обнял меня за плечи.

— Ты снова тренируешься, — заметила я.

— Нет, это просто по-дружески. — Он похлопал меня по спине, убрал руку и занялся тем, что стал рассматривать табло, на котором во время игры высвечивался счет.

Мы встали, когда зазвучал гимн. Джек запел, я немножко подпевала. Затем мы снова уселись, и началась игра. Мне было так хорошо просто оттого, что я сидела рядом с Джеком, мы ели орешки, смотрели на поле, наблюдали за толпой. Мы говорили о бейсболе и ребятишках, потом немного о Джоэль, затем о рисунках, над которыми Джек работал дома, когда учился в школе в Пенсильвании. Мне казалось, что я сижу рядом со своим старым добрым другом.

Одна подача стремительно сменяла другую, и мы встали, чтобы лучше увидеть очередной бросок подающего.

Джек повернулся ко мне и спросил:

— Какое самое романтичное место для поцелуя?

Я захлопала глазами:

— Ты спрашиваешь, какое место помимо губ?

Джек рассмеялся.

— Я хочу знать лучшее место, самое романтичное — вершина холма, берег реки, перекресток.

— А-а.

Его глаза все еще блестели.

— Но ответь на свой вопрос. — Было видно, что вся эта ситуация его забавляет. Я стала подпевать зазвучавшей на стадионе песне и притопывать в такт ногами. Когда песня закончилась, он повторил:

— Скажи мне, куда лучше всего целовать.

— В шею.

— Почему?

Очень толстая женщина в оранжевых леггинсах в обтяжку и облегающей футболке повернулась в нашу сторону. Очевидно, ей тоже хотелось узнать почему.

— Не знаю. Мне кажется, что поцелуй в лоб означает, что ты маленькая девочка. Поцелуй в щеку — для родственников и политиков. Когда целуют руку, это очаровательно, но, ты понимаешь, как-то по-королевски и старомодно. А вот поцелуй в шею — это что-то иное, может быть, потому, что шея — очень чувствительное место.

Он уставился на мою шею, и я закрыла ее рукой.

— Хорошо, — кивнул он. — А как насчет местности? Какое самое романтическое место?

— Для Хезер это было бы любое место у воды. Ее бассейн, причал, даже фонтан.

— А что бы выбрала ты?

Я потянулась за банкой газировки, которая была у меня под сиденьем, затем снова встала и начала пить воду через соломинку.

— Я не тот человек, который даст тебе верный ответ. На твоём месте я бы не придавала такого значения моим рассуждениям. Я уже не так уверена во всем, как это было раньше.

— Ты хочешь сказать, ты уже вовсе не гуру в области свиданий? — Он явно насмеялся надо мной. — Не эксперт по завоеванию сердец?

— Наверное, нет.

— И когда ты к этому пришла? — с любопытством спросил он.

— Не так быстро, как хотелось бы, — ответила я.

— Сядьте вы, там впереди! — заорал фанат сзади, и я была рада снова сесть и переключиться на игру.

К счастью, оба нападающих сделали неудачную подачу, а запасные игроки не проявили себя, поэтому мы ждали окончания игры. Команда «Ориолз» в итоге одержала победу.

— Игра была отличной, — сказала я Джеку на выходе со стадиона. — Спасибо. Интересно, сможем ли мы разыскать машину.

— Мне бы хотелось сходить к причалу, — осторожно предложил он.

Должно быть, нежелание идти туда отразилось на моем лице.

— Ну давай, Карли, что же мы скажем Хезер? — подначивал меня Джек. — Ведь это же самое главное в нашей сегодняшней встрече, не так ли?

— Ну конечно, — согласилась я.

— Просто мне не кажется, что бейсбольная игра фигурирует первой в списке лучших свиданий Хезер. — Его довод был вполне разумным. — А вот долгая прогулка, поближе к воде, как ты сказала...

— Ну ладно, ладно, хорошо.

— А Хезер тебе что-нибудь говорила о нашем сегодняшнем свидании? —

спросил он, пока мы шли к причалу.

— Нет, я с ней не разговаривала со вторника. Мне кажется, она в ярости.

Самым странным было то, что мне было все равно. Я чувствовала облегчение, видя, что мне не оставлено сообщений на автоответчике и что она не хочет поговорить со мною о Джеке, о Дэне или о ком бы то ни было другом.

Возле причала мы прошли по кирпичной дорожке к аквариуму и немного посмотрели на тюленей. Затем вернулись назад и прогулялись вдоль магазинчиков и кафе. Я была там много раз, но сегодня вечером все казалось каким-то другим. Мы не спеша дошли до причала на южном берегу и стали смотреть на город на противоположном берегу. Над высокими прямоугольниками зданий с подсветкой висела огромная луна.

Лодки покачивались на воде, и над ней раздавались приглушенные летние звуки голосов. Несколько бакенов подсвечивали бухту красными и зелеными огнями.

Ни Джек, ни я не проронили ни слова, но все мои мысли были о том, что он чувствовал, звучала ли в его голове музыка, создавались ли в его воображении картины, которые позже можно перенести на бумагу.

Ощувив, что он стоит за моей спиной, почти касается меня, я инстинктивно повернула голову.

Он наклонился, его щека оказалась рядом с моей, его губы приблизились к моим.

— Ты тренируешься, — сказала я.

— Ага. Именно так. Ну и как у меня получается, Тренер, даже если ты больше не эксперт в этой области?

— Мне кажется, ты уже готов вступить в большую лигу, — ответила я, отстраняясь. — А я готова идти домой.

Он выглядел удивленным:

— Ты хочешь уйти?

— Ага.

Джек в замешательстве опустил руки, потом засунул их в карманы.

— Ну хорошо, — проговорил он.

Мы пошли в обратном направлении, и я заметила, что город уже не сверкает так, как мне казалось прежде. В моей голове начала созревать ужасная мысль. Я подумала, что на самом деле Джек не такой уж хороший парень. Ему просто нужна моя помощь, чтобы завоевать Хезер; он просто играет в двойную игру, используя меня и ее, и наслаждается каждой минутой этой игры.

Может, он знает, что я увлеклась им. Может быть, он делает все возможное, чтобы заманить меня в свои сети — что-то вроде мести за все то время, когда я его не замечала. Эти мысли причиняли мне ужасную боль.

«Пора повзрослеть, — сказала я себе. — Джоэль причиняет боль мыслью о том, что отец ее ребенка вовсе не славный парень».

Это была долгая дорога домой. За два квартала до моего дома мы попали на узкую улочку, которая была похожа на туннель из тенистых деревьев.

Джек снизил скорость до минимума, и мы почти ползли.

— Я еще не успел выискать темные улицы, — сказал он.

— Что ж, после того как я выйду, поищи в округе, — ответила я.

Он покосился на меня и прибавил скорость. Наконец мы приехали. Я выскочила из машины раньше Джека, но на тропинке к дому он поравнялся со

мною.

Последние два года я все время была недовольна тем, что мои родители оставляют свет включенным у входа, когда я ухожу на свидание. Каждый раз, когда парень целует меня на прощание, мне все время кажется, что раздастся голос режиссера: «Снято!» Но сегодня я была им благодарна.

— Наверно, родители хотят быть уверены, что с тобой ничего не случится, когда ты будешь заходить в дом, — заметил Джек, глядя на подсветку.

— Ага. И пока мы здесь стоим, поглядывая друг на друга, отцу легче наблюдать за нами, самому оставаясь невидимым.

Это было ложью, но это придавало мне храбрости закончить то, что я начала.

— Спокойной ночи, — непринужденно сказала я и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку — очень далеко ото рта, где-то возле уха. И тут свет погас.

Погасло все — подсветка у двери, свет на крыльце, на дорожке. Я оцепенела, потеряла равновесие в этой темноте и качнулась в сторону Джека. Он обнял меня, прижал к себе. Он собирался поцеловать меня. А у меня не было на уме ничего подходящего, что бы я могла сказать и остановить его. Дела обстояли даже хуже, потому что мне не хотелось его останавливать.

Он медленно наклонил голову, но его губы не коснулись моих. Я решила, что он передумал. Потом почувствовала прикосновение его губ к моей шее. Это был долгий, теплый и нежный, как летняя ночь, поцелуй.

— До встречи, Карли, — сказал он и оставил меня на пороге дома.

Я не могла унять неожиданно появившуюся дрожь во всем теле. Было похоже на землетрясение — не менее семи с половиной баллов по шкале Рихтера, но оказалось, что у меня просто трясутся колени. Дом все еще стоял, а листья на старом клене даже не пошевелились.

Я никак не могла открыть своими дрожащими руками замок (с таким же успехом я могла воспользоваться и вилкой для этой цели), когда вдруг обнаружила, что передняя дверь не заперта. Я увидела, как Джек задержался у машины убедиться, что я зашла. Что ж, теперь он о многом может рассказать Хезер. Она просто бросится ему в объятия, как он и планировал. Как мы планировали.

Я толкнула дверь и вошла.

— Надеюсь, я вовремя выключила свет. — Джоэль сидела на верхних ступеньках лестницы в ночной рубашке. Я включила лампу в холле.

— Все произошло как нельзя вовремя. — Мой голос звучал ровно. Дрожь исчезла, и теперь я чувствовала какое-то оцепенение внутри себя. Я стала медленно подниматься вверх.

— С тобой все в порядке? — спросила Джоэль.

— Да, все нормально.

Обойдя ее, я поспешила в ванную, прежде чем она успеет задать слишком много вопросов. Я умывалась, не поднимая головы, чтобы не видеть, как после снятия макияжа, сделанного умелыми руками Джоэль, я снова обрету свое будничное лицо.

Мне хотелось только одного: залезть в постель, накрыться с головой одеялом и заснуть. Но когда я вошла в нашу комнату, то увидела, что на тумбочке между нашими кроватями стоят тарелка с шоколадным печеньем и стакан

воды, приготовленные для меня.

— Сегодня я уже больше не могу спускаться по лестнице, поэтому, если тебе нужно молоко, тебе придется сходить за ним самой, — сказала Джоэль, утопая в горе подушек.

На самом деле я не была голодна, но ведь она старалась, делая для меня это печенье. На тарелке не хватало только одной штуки, а это значит, что она не разрешила полакомиться им даже отцу.

— Они выглядят очень аппетитно, — заставляя свой голос звучать как можно восторженнее, я взяла несколько штук.

— Карли, мне очень жаль, если сегодня все получилось не так, как тебе бы этого хотелось.

Я пожала плечами.

— Я знала, что этим все и кончится. Я знала, куда ввязывалась, но я была перед ним в долгу. — Я начала собирать ножом крошки от печенья в одну кучку. — Хотя дело не только в этом, — тихо сказала я. — Это звучит глупо, но я действительно хочу, чтобы Джек был счастлив, даже если это означает, что он будет рядом с Хезер. Вот я и выручила его. Глупо, правда?

— Глупость — характерная черта нашей семьи. — Джоэль, спустила одну ногу с кровати. — Но знаешь, тебя еще ждут приятные сюрпризы. Мне бы хотелось, чтобы тебя порадовал Джек, но если он этого не сделает, это обязательно сделает кто-то другой. Это правда, — сказала она, покачивая ногой. — Карли, уж если я и узнала что-то о жизни за последние две недели, так это то, что люди полны неожиданностей. Они постоянно находят способы доказать тебе, что они рядом, и заставляют тебя улыбаться даже тогда, когда ты уже решила, что никогда этого больше не сделаешь. И это проникает внутрь тебя, доходя до сердца. — Она посмотрела на полку с книгами, где стояли мишки, подаренные Гарри, и открытки от малышей.

Я жевала в задумчивости.

— Кто-нибудь еще обязательно станет неотъемлемой частью твоей жизни, — заверила она, — поверь мне на слово.

Мне не хотелось продолжать этот разговор.

— А ты почему не ешь?

— Мы уже поели. Мы с папой съели пополам один кусочек.

— Да, но ты должна есть за двоих, Джо. Тебе надо серьезно задуматься об этом, если Приятель собирается родиться шоколаголиком, а лично я на это рассчитываю. Я уже представляю, как буду покупать громадных шоколадных зайцев на Пасху, а Приятель станет с благодарностью поглощать их вместе с тетей Карли. А когда Приятель начнет ходить, мы будем наряжаться и петь рождественские гимны для соседей с огромными сумками в руках для подарков. Короче говоря, у меня большие шоколадные планы насчет этого малыша.

Джоэль рассмеялась, и каждая из нас съела по печенью. Мы ели в тишине, но это молчание не было угнетающим, и она даже немного улыбалась.

Затем мы погасили свет.

Закрыв глаза, я представила себе Хезер: она, прогуливаясь у своего бассейна, разговаривает с Джеком по розовому радиотелефону, а он в это время поспешно собирает все необходимое для плавания.

Несмотря ни на что, боль гнездилась где-то очень глубоко, внутри меня.

Но ведь были и приятные сюрпризы. Шоколадное печенье. Улыбка Джоэль.

Завтра я найду чем себя занять. Наверное, я покрашу старый комод, который будет отдан под одежду Приятеля. А потом придет понедельник, и я снова встречусь с оравой шумных ребятишек, которые всегда полны неожиданностей. Это мне поможет.

— И зачем только тетя Мадлен выкрасила этот комод в темно-фиолетовый цвет, — сказала я, разглядывая свои руки. Соскобленная краска смешалась с потом и окрасила мою кожу в сияющий фиолетовый цвет. — Она случайно не была монашкой?

— Может быть, — ответила Джоэль. Она сидела в тени, в десяти футах от того места на заднем дворе, где я старательно работала. У нее на коленях лежала книга по антропологии, которую я подсунула си в стопку журналов. Она всего лишь листала ее, поглядывая на картинки, но и это уже было неплохо.

Странно, но я была рада, что Джоэль составляла мне компанию именно тогда, когда я пыталась забыть о своей грусти. Полуденное воскресное солнце нещадно жгло своими лучами даже под нашим деревом. Я отступила назад, смахивая капельки пота с брови, чтобы полюбоваться на ультрагладкую поверхность верха и боков комода.

— Привет, Хезер, — вдруг сказала Джоэль.

Я обернулась. Это был не тот сюрприз, который я надеялась получить.

Она выглядела такой красивой. И как у нее получается всегда быть такой привлекательной? И почему ее никогда невозможно застать в мокрой от пота дырявой футболке с неровными краями, с выбившимися из косы волосами, всю в веснушках и фиолетовой пыли?

— Хезер, как дела? — спросила я, думая о том, заметила ли она, насколько неестественно звучит радость в моем голосе. — Давненько мы с тобой не виделись.

— Ты мне уже давно не звонила. — Я услышала обиду в ее голосе, но не могла понять, была ли она искренней.

— Принеси себе стул с крыльца, — предложила я ей.

Пока она ходила за ним, Джоэль тихо спросила:

— Мне уйти?

— Нет. — Я выкрикнула это почти сердито. На самом деле я была в панике. Мне очень хотелось услышать саркастические слова старшей сестры в адрес Хезер, которые послужили бы для меня защитой.

— К чему этот комод? — спросила Хезер, ставя свой стул между мной и Джоэль.

— Для ребенка. Я хочу покрасить его в желтый цвет, а потом добавлю еще другой краски, когда мы узнаем, будет ли Приятель мальчиком или девочкой.

— Как ты себя чувствуешь, Джоэль? — спросила Хезер. — Получше?

— Меня просто распирает от женственности, — ответила Джоэль. Хезер серьезно кивнула. Я фыркнула и выпачкала нос красочной пылью.

— Наверное, вы все были очень заняты в эти дни, — мягко сказала Хезер, — оно и понятно, ребенок скоро родится и другие дела.

Я начала чувствовать себя виноватой. Мне надо было хоть попытаться позвонить ей.

— Уж конечно, я занята, — ответила Джоэль. — Сижу тут целыми днями.

— Мы раньше разговаривали каждый день, Карли, — продолжала Хезер, —

и встречались каждые выходные.

Я кивнула.

— Да, в последнее время все как-то изменилось. — Я начала отчищать один из ящиков.

— У тебя, наверное, много свиданий.

Я взглянула на нее, оторвавшись от работы.

— Бывают иногда.

— Когда мы с Джеком решили, что мы можем встречаться и с другими людьми, помимо наших свиданий, конечно, — быстро добавила она, — он сказал мне, что назначил свидание тебе.

Я продолжала драить ящик.

— Я... я была очень удивлена.

— Почему? — спросила Джоэль. — Для меня это очень даже понятно.

Хезер взглянула на Джоэль и придвинула свой стул поближе ко мне.

— Раньше мы не могли дождаться, чтобы рассказать друг другу о наших свиданиях. Как все прошло вчера вечером? Вы хорошо провели время вместе?

— Да. Мне понравилось. А ты хорошо провела время с... с... Дэном?

— Ничего. Ты же знаешь, у него есть девушка, он с ней уже давно встречается.

— Да, я помню, где-то три года, — кивнула я и начала отчищать угол ящика.

— Дэн очень хороший, — продолжала Хезер. — Нам с ним очень хорошо вместе — когда мы танцуем. Но на этом все и заканчивается.

— А-а. — Если бы мне пришлось полировать головы всех четырех президентов на памятнике Маунт Рашмор, эта задача как раз бы соответствовала пружей из меня энергии.

Хезер пожалала плечами и улыбнулась.

— Я даже и рада. Уже пора, наверное, перестать заглядываться на парней, у которых есть девушки.

Джоэль закатила глаза.

— Не правда ли, удивительно? — продолжала Хезер. — Такой потрясающий парень входит в мою жизнь, он совершенно свободен, и я в него влюбляюсь.

— Думаю, что ты не первая, с кем это случилось, — сказала я.

— О чем ты? — Ее лоб пересекла морщинка — знак тревоги.

— Ну, ну ты же видела всех этих девчонок на вечеринке у Стива, — быстро пояснила я. — Они просто с ума по нему сходили.

— Ну, тогда, наверное, мне повезло, — сказала она. — Джек мой. Он мой, Карли.

Я молчала. Огромный комок — может, это было скопление фиолетовой пыли — застрял у меня в горле.

— Ты сказала об этом Джеку? — громко спросила Джоэль.

«Слишком громко», — подумала я.

— Сказала Джеку что? — переспросил он.

Джек шел по лужайке, приветливо улыбаясь нам. Очевидно, моя сестра заметила его уже давно. Я не могла прийти в себя. Зачем он пришел? Почему он не сказал мне, что собирался зайти? Я выглядела ужасно, особенно в сравнении с Хезер.

— Вижу, ты еще не готова, Карли, — сказал он.

«Готова?» — подумала я.

— Нет, после этого надо еще подготовить кроватку для Приятеля.

Он засмеялся.

— Я имел в виду, не готова для прогулки. — Он многозначительно посмотрел на меня. — Ты не забыла?

Я повернулась к Джоэль, которая смеялась, спрятавшись за книгу. Тоже мне, помогла.

— Ты не забыла о нашем свидании?

Я покосилась на него, затем взглянула на свои потные фиолетовые руки и ноги — я выглядела так, будто сбежала из аквариума с тропическими рыбками.

— Мы собирались в зоопарк, — напомнил Джек.

— В зоопарк!

Хезер попеременно смотрела то на меня, то на Джека, ее красивый рот превратился в длинную прямую линию.

Если у нее начнут дрожать губы, как это всегда было, когда она была готова расплакаться, то я растаю. Но тогда и Джек тоже растает, он с нежностью повернется к ней, чтобы успокоить ее, и этой жалкой шараде придет конец. Он испытывал судьбу, затеяв эту игру. Если он вовремя не остановится, ему на грудь падут две рыдающие девицы.

Я посмотрела ему в глаза, на что понадобилось все мое мужество.

— Ты ошибся, — твердо сказала я. — Очень ошибся.

Он отвел свой взгляд. Его лицо было непроницаемым, но мне стало ясно, что неожиданно он потерял самоуверенность. Он сердито посмотрел на меня. Я ответила ему тем же. Хезер же, конечно, была занята тем, как бы изобразить недовольство на своем хорошеньком личике.

— Вот что происходит, когда играешь на два фронта, — сказала я. — Никак не можешь запомнить, с кем у тебя свидание и когда. Дэн, наверное, дома и беспокоится, что Хезер еще не пришла. А ты, Джек, ошибся домом.

Никто, включая меня, не верил в то, что я говорила. На самом деле я и предположить не могла, зачем Джек пришел сюда, если, конечно, миссис Ларсон не сказала ему, что Хезер у меня. Может, он решил, что заработает еще несколько очков в свою пользу? Как я ненавидела эту игру!

Хезер продолжала дуться.

«Да успокойся ты! — хотелось мне ей сказать. — Ты победила».

— Кто-нибудь хочет шоколадного печенья? — спросила Джоэль.

— Да, — ответил Джек.

Я наблюдала, как он съел три штуки.

Хезер брала крошки с тарелки и изящно слизывала их с пальцев. Затем она сказала как бы между прочим:

— Эта игра, на которую вы ходили, была потрясающей.

Я уставилась на нее. Она никогда не проявляла интереса к команде «Ориолз».

— Два игрока, входящих в список лучших подающих Национальной лиги, — продолжала она.

«Американской», — поправила я про себя.

— Какой дуэт подающих!

«Дуэль», — подумала я. Должно быть, она услышала этот термин в спортивном репортаже.

— Восьмая подача была одной из лучших, — продолжала она. — А этот бросок в основную базу!

Я чуть не рассмеялась. Сейчас она похлопает нас по плечу и скажет: «А наши игроки из «Ориолза» не так уж и плохи, а?»

— Я даже и подумать не могла, что они пойдут на быструю игровую комбинацию, чтобы увеличить счет.

— Ты имеешь в виду комбинацию, — поправила ее Джоэль.

Хезер кивнула, затем, очевидно, попыталась вспомнить, что еще прочла в газете или услышала по телевизору о бейсбольных матчах.

Я поняла, что ее уловки были нацелены на то, чтобы заставить нас завести разговор о вчерашнем свидании. Я проигнорировала их и начала отчищать второй ящик. Джек попытался сменить тему. Может быть, он хотел рассказать ей о самых романтичных моментах нашего свидания, когда меня не будет рядом. А может, он был слишком занят, набивая рот печеньем.

В итоге мне все это надоело, и я сказала:

— Ребята, такой прекрасный день сегодня, а вы упускаете свой шанс.

— Наверное, ты права, — пробормотал Джек, с досадой смотря на меня. — Хезер, мы поедem на моей машине или на твоей?

— Ну, если мы собираемcя в зоопарк, сначала мне надо заехать домой и переобуться.

— Ладно, я поеду за тобой.

И они ушли. Перед уходом Джек оглянулся и бросил на меня такой взгляд, от которого у меня пошел мороз по коже. Но я постаралась не отвести глаз и сказала тихим голосом:

— Я ошибалась на твой счет. Ты прекрасно знаешь, что делаешь.

Он открыл рот, как будто собирался ответить, но вместо этого схватил печенье и ушел.

16

Мне было нетрудно избегать встреч с Джеком в понедельник утром, потому что он сам прилагал все усилия, чтобы не встречаться со мной.

Но удача изменила нам, так как в этот день мы дежурили во время обеда в столовой. Я никак не могла понять, то ли Джек рассказал Анне о происходящем, то ли она сама инстинктивно поняла, что у нас что-то не так, но она постоянно старалась находиться между нами.

Мне казалось, мы очень хорошо маскируемся, когда Юджин неожиданно спросил:

— Вы и мистер Джек поссорились?

Юджин задал этот вопрос так, как обычно это делает — громко, и Джек услышал его. Он быстро подошел к нам.

— Мисс Карли — мой друг, — сказал он. — Сейчас мы работаем, а после работы мы много общаемся и хорошо проводим время. Нам обоим нравятся одни и те же вещи.

«Например, Хезер», — подумала я.

— В выходные мы вместе ходили смотреть, как играет «Ориолз», — продолжал Джек, кладя руку мне на спину.

— Да, было здорово, — подтвердила я.

Мы стояли рядом, улыбаясь Юджину так, будто бы позировали для фото.

И тут вошла Хезер. Она направилась прямо к нам.

— А кто эта соблазнительная красотка? — Юджин прекрасно отдавал себе отчет, что подобный вопрос не оставят без внимания.

— Это моя подруга Хезер, — ответила я. — Пожалуйста, относись к ней с уважением и, когда обращаешься к ней, называй ее по имени, — добавила я, а про себя подумала: «Здорово сказано, малыш».

На ней были трико и юбка для танцев. Я поняла, что она собиралась на занятия. Но это трико я почему-то еще не видела. Странно, но она впервые не показала мне свою обновку. Может, это маленький, ничего не значащий факт,

но он показал мне, как много изменилось в наших отношениях.

— Привет, Карли. Привет, Джек. — Ее голос стал особенно томным, когда она произнесла имя Джека. Юджин посмотрел на нее, затем перевел взгляд на меня.

Она просто повисла на Джеке, и какое-то время мы стояли вместе, как три мушкетера. Джек медленно убрал руку с моей спины.

— Я только что встретила Гарри, — сказала она Джеку. — Он приглашает своих старых друзей и друзей по лагерю на вечеринку по случаю Четвертого июля.

«Ребята из лагеря — это мои знакомые, а не твои, — подумала я. — Не надо говорить о Гарри и других вожатых так, будто это твои приятели».

— Я сказала ему, что у нас пока нет конкретных планов, — продолжала она, — и согласилась за нас обоих.

«Мы». «За нас обоих». Я отошла от счастливой парочки.

Эйприл, моя любимая девочка с заколками, подняла свою вымазанную в арахисовом масле руку.

— А знаете, куда я пойду Четвертого июля?

— Куда? — спросила я.

— На парад. На тот, который будет здесь. Мы с тетей поедem на автобусе.

— Да что ты! Вот здорово иметь тетю, правда? — сказала я. И тут же приняла решение, что мы с Джоэль будем звездами на одной из ярмарок, посвященных Дню независимости, и накупим там кучу вещей для Приятели.

К концу обеда, когда Гарри пригласил меня на вечеринку, у меня уже был придуман повод, чтобы отказаться от приглашения. Гарри выглядел ужасно огорченным.

— Ну тогда, наверное, нет смысла приглашать Джоэль, — сказал он. — Она не захочет пойти без тебя.

— Ну почему, никогда не знаешь наверняка. — «Для Джоэль было бы очень неплохо куда-нибудь сходить, — подумала я, — а Гарри присмотрел бы за ней». — Почему бы тебе не позвонить и не спросить ее?

— Ты не могла бы спросить за меня? — ответил он. — Скажи ей, что это общепитие, но я остался один на лето. На первом этаже туалет с ванной, которые будут вымыты к ее приходу, в доме только две ступеньки и огромное количество старых кресел, где она могла бы посидеть. Я приготовлю для нее любую еду, которую она любит.

— Я передам ей.

Я рассказала Джоэль о приглашении Гарри, когда вернулась домой. Мы были на кухне. Она помешивала соус для спагетти, а я мыла овощи.

— А во сколько все это начнется? — Меня удивило, что она не сказала «нет» сразу же.

— В шесть. Гарри сказал, что ты сможешь посмотреть на салют с его двора.

Какое-то время она стояла молча, помешивая соус, и я увидела, как она украдкой смотрит на свое отражение в тостере.

— Что ты наденешь? — спросила она.

— Я не иду.

— Что? А почему я должна идти, если ты не пойдешь?

— Чтобы хорошо провести время.

— Но я там никого не знаю.

— Ты знаешь Гарри и Джека, — напомнила я. — И Хезер.

— А-а, — ответила она тоном человека, который знал все. — Вот почему ты не идешь. Ты хандришь.

— Это не хандра.

— А я тоже не пойду, если ты останешься.

Поэтому я позвонила Гарри и сообщила ему, что решила отказаться от приглашения на «другую вечеринку», и спросила, что нам с Джоэль принести.

— Что-нибудь сладкое, — сказал он. — Шоколадное печенье. Я просто умираю, как хочу шоколада в последнее время.

«Это принимает масштабы эпидемии», — подумала я.

На следующий день мы с Джоэль пришли на вечеринку — так же как и целая армия ребят университетского возраста. Мне следовало бы догадаться, что у Гарри миллион друзей. Старое деревянное здание мужского общежития с покосившимся крыльцом и залатанной крышей находилось за территорией университетского городка.

Возле него был большой двор, в котором, как мне показалось, Гарри провел целый день, чтобы привести в порядок дикорастущие растения и сделать их похожими на ухоженные кусты. Целая коллекция шатких кресел и стульев была выставлена для тех, у кого хватило бы духу на них присесть.

Гарри отставил в сторону один прочный стул для Джоэль. Когда он увидел, как мы входим в задний дворик, его лицо просияло.

Мы были первыми «ребятами из лагеря», которые пришли, и он представил нас нескольким своим знакомым.

Я была рада начать общаться с кем-нибудь еще до того, как появятся Джек и Хезер. Гарри пригласил парня, изучавшего в колледже антропологию, чтобы Джоэль могла поговорить с ним. А ради меня он пригласил двоих приятелей, состоявших в спортивной студенческой команде.

Это был добрый старый Гарри, который смеялся и размахивал руками, пробираясь сквозь толпу. Все было точно так же, как и в лагере: он всегда был очень чуток к другим и старался сделать все как можно лучше для своих приглашенных.

Немного позднее я заметила Анну под руку с потрясающим парнем. Хау пришел один, а Памела явилась с двумя хихикающими подружками. Я начала надеяться, что Джек и Хезер нашли себе занятия получше, но они явились как раз в тот момент, когда была готова первая порция гамбургеров.

Анна заметила их первой и указала на них своему парню, Чуку. Мы все одновременно посмотрели в этом направлении.

— Да, Джек вряд ли сможет выйти в море, — заметила Джоэль. — По крайней мере, не сейчас, когда Хезер поставила его на якорь.

— Может быть, Джек собственноручно бросил якорь, — возразила я.

Анна подняла руну, на которой было множество браслетов.

— Сомневаюсь, — сказала она и помахала Джеку.

Джек увидел нас и развернул Хезер в нашем направлении.

— Привет, ребята!

Они присоединились к нам, и первые минут двадцать Джек разговаривал, шутил и смотрел на всех, кроме меня. Хезер стояла, прижавшись к нему. Она привлекала к себе внимание многих парней вне нашего кружка.

«Для него это, должно быть, нелегкое испытание», — подумала я. — Привести девушку на вечеринку и видеть, как на нее пялится вся мужская половина собравшихся».

Затем я поймала на себе взгляд Джека, который пристально рассматривал мои волосы, которые я не заплела в косу в этот вечер. Погода была влажной, и это добавляло мне проблем, так как волосы и без того наэлектризовались от расчески.

Хезер показывала Анне несколько танцевальных движений. А Джек подошел поближе ко мне и Джоэль.

— Когда твои волосы выглядят... выглядят, как сейчас... они не проглажены утюгом, верно? — спросил Джек.

— Конечно, нет, — ответила я. — Я просто прошлась по ним садовыми граблями.

Уголки его губ дрогнули.

— Ну и как сходили в зоопарк? — спросила я.

— Здорово. Было весело. Жаль, что ты не пошла.

— Знаешь, Джек, иногда ты переигрываешь.

— Переигрываю?

— Прекрати, ты знаешь, о чем я! — сердито воскликнула я.

Джоэль отвернулась, и после этого мы делали все возможное, чтобы не сталкиваться друг с другом. Я даже не смотрела в его направлении до тех пор, пока не начался салют.

Гости положили старые простыни и одеяла на передней лужайке. Я нашла себе местечко на крыльце, на ступеньках. Джоэль присоединилась ко мне.

— Ну как, хорошо проводишь время? — Хотя я уже и так видела ответ по ее раскрасневшимся щекам. По крайней мере на несколько часов она снова стала той, кем и должна была быть — девятнадцатилетней студенткой.

— Да, здесь действительно здорово. А как ты?

— Да ничего, неплохо. — Я пожалала плечами. — Ой, смотри!

Подняв голову к небу, мы охали и ахали вместе при виде первого взрыва и всплеска цветных брызг, а затем при виде всех остальных сверкающих вспышек салюта.

— Мне нравится зеленый.

— А мне фиолетовый.

— Голубой и розовый вместе.

— Ой, рыба! Карли, твой любимый салют — шипящая рыба!

Но я была поглощена иным зрелищем.

Хезер и Джек сидели вместе на одеяле. Она обняла его одной рукой, а второй медленно повернула к себе его лицо. Он наклонился к ней. Он смотрел на нее целую вечность. «Он поцелует ее, — думала я, — он поцелует ее в шею, так же как он поцеловал меня».

Ну, конечно, ведь я сама это ему посоветовала.

Но он выбрал ее губы. Я почувствовала, как напряглись от желания мои собственные. Они целовались и целовались. А я не могла отвести от них глаз. Необъяснимая, щемящая боль стала такой сильной, что мне стало трудно дышать.

— Смотри на небо, — приказала Джоэль.

— Не могу.

— Не преувеличивай то, что происходит, Карли. Помни, это она все начала.

— А он заканчивает, — сказала я. — Как мне хочется домой.

— Скоро пойдем. Подождем, пока не закончится салют.

А потом Джоэль сделала очень смешную вещь: она потянулась ко мне и обняла мою лодыжку. В нашей семье не принято прикосновениями выражать свои чувства. Мы с Джоэль не обнимались и не держались за руки с тех времен, когда маленькими детьми ходили в дом страха. Наверное, поэтому она не знала, что нужно делать, и решила обнять меня за лодыжку. Слезы жгли мне глаза, но в то же время я едва сдерживала смех.

— Крепись, — сказала она. — Это уже конец.

«Да, и не только салюту», — подумала я.

Как только в доме снова включили свет, мы нашли Гарри, поблагодарили его и распрощались.

17

— Что, уже пора вставать? — спросила я несколькими часами позднее, пытаюсь найти в темноте будильник. — На улице дождь?

— Сейчас четыре часа утра. Спи дальше, — ответила Джоэль и вышла из комнаты.

Я перевернулась на другой бок. Еще пять часов до того момента, когда мне надо изобразить счастливый вид для всех работающих в лагере. Еще пять часов до того, как мне придется наклеить улыбку на лицо и сказать Джеку, как я рада, что у них с Хезер все сложилось. Я снова повернулась и увидела полоску света. Джоэль никогда не включала свет, когда ночью шла в туалет и ванную. Но сегодня свет горел, а она находилась там уже довольно долго.

Я выбралась из постели.

— Джоэль?

Я постучала в дверь ванной комнаты, а когда она не ответила, открыла дверь. Она стояла там, обернувшись в полотенце, дрожа и уставившись на свою ночную рубашку, которая лежала в раковине. Кран был включен, и из него медленно лилась вода, лилась прямо на кровь.

— Не волнуйся, Джоэль, — сказала я. — Не волнуйся. Я позову на помощь.

Большое больничное окно приемного покоя выходило на восток. Я смотрела, как всходило солнце, как подъезжали к больнице машины. Сначала их было мало, но к семи поток значительно увеличился. Из кафе доносился запах приготовленного завтрака, и это вызывало у меня тошноту, но все-таки в восемь я спустилась вниз вместе с родителями. Мы сидели на пластмассовых стульях и ковырялись в еде, которую заказали, каждый надеясь на то, что другие все-таки поедят.

Мама накрыла своей ладонью мою руку.

— С Джоэль все будет в порядке, — сказала она мне. — Она сильная. Она научилась этому от тебя.

Мы выбросили еду и снова поднялись наверх. Впервые в жизни я увидела,

что мои родители держатся за руки.

В восемь тридцать отец позвонил Гарри и предупредил, что я не приду на работу. Я не могла говорить с ним. Мне казалось, что мой голос провалился вниз в желудок.

Немного позднее к родителям вышла медсестра и ушла вместе с ними. Я смотрела в окно и думала о Сэме. Я представляла, как он желает своей жене доброго утра, как улыбается ей, целует ее и радостно уходит на работу. Он даже не догадывается, через что приходится пройти Джоэль. Солнце поднялось уже высоко. Отец тронул меня за руку:

— Карли, Джоэль хочет тебя видеть.

Я не помню, кто мне сказал и говорил ли вообще, но уже до того, как войти в палату, я знала, что у нее был выкидыш. Я знала, что Приятеля больше нет.

— Джоэль?

Она сидела накрытая простыней, опершись на подушки и отвернувшись к окну. Я не знала, стоит ли мне подойти к другой стороне кровати или остаться здесь. Я не знала, хочет ли она, чтобы кто-то видел ее лицо.

Было уже слишком поздно говорить ей, что я хотела научить Приятеля бросать и ловить мяч. Слишком поздно, чтобы сказать ей, что я хотела стать для него супертетей и что Джоэль не пришлось бы воспитывать Приятеля одной.

— Мне так жаль.

Она не ответила.

— Мне так жаль, что это случилось... И... я люблю тебя, Джоэль, если это, конечно, имеет значение.

Какой-то момент она сидела не шевелясь. Затем я увидела, как она закрывает глаза, крепко сжимая веки.

Она повернулась ко мне.

— Может, это смешно, но это очень много значит.

Я обняла ее, и мы сидели так какое-то время. Не знаю откуда, но мы нашли в себе силы держаться прямо.

— Знаешь, — сказала я через несколько минут, пытаюсь говорить ясно, несмотря на душившие меня слезы, — здесь все как-то слишком спокойно. Давай заберемся под твою койку и дадим волю эмоциям.

Она открыла рот, как будто собираясь рассмеяться, но вместо этого заплакала, уткнувшись в мое плечо.

В полдень ее разрешили забрать домой.

Казалось таким странным снова очутиться в нашей комнате, странно, что остались только мы двое. Приятель существовал не только для Джоэль, он вошел и в мою жизнь, стал ее частью. Я даже не могла себе представить, что чувствовала Джоэль, которая носила в себе этого ребенка.

Как только она заснула, я на цыпочках подошла к книжным полкам и убрала оттуда подарок Гарри — маму-панду и ее малыша. Детские открытки я оставила, чтобы Джоэль не заметила перемены.

Она проспала всю вторую половину дня, а мы с родителями по очереди дежурили у нас в комнате. К концу рабочего дня позвонил Гарри. Я рассказала ему о случившемся. Он сообщил, что третьеклассники кое-что сделали для Джоэль, и спросил, может ли он это привезти или стоит подождать, пока я не выйду на работу.

У нас оставалось только два дня работы в лагере, и я планировала вернуть-

ся к своим обязанностям на следующее утро. Но я сказала ему, что он может прийти, если хочет. Я не знала, захочет ли его видеть Джоэль, но мне самой очень хотелось, чтобы он пришел. Даже если я не найду в себе силы поговорить с ним о том, что Приятеля больше нет, его дружелюбное лицо и уравновешенность характера очень бы мне помогли.

Он приехал где-то в половине шестого с рулоном бумаги. Развернув его, я увидела огромный рисунок, шесть на восемь футов, на который не пожалели краски. Дети нарисовали свой групповой портрет внутри цирка-шапито — каждый себя. Некоторые из них нарисовали рядом со своим ртом воздушный шар и написали в нем теплые слова для Джоэль и для меня. Отец сразу же нашел на портрете Юджина. Мама прочла послания для нас и догадалась, которое из них было написано Джанет — маленькой любительницей выслужиться. Мне очень понравился автопортрет Эйприл. Она не стала возиться, вырисовывая все свои заколки, а просто покрыла волосы на рисунке блестками.

— Джек помог им сделать это, — сказал Гарри. — Он приложил лист-подсказку.

Я развернула сложенный лист бумага, на котором Джек нарисовал таблицу, объясняющую, кто из ребят в каком месте находится на рисунке.

Там же была вложена короткая записка: «Я могу чем-нибудь помочь? Позвони мне».

Мне так хотелось позвонить ему. Так нужно было, чтобы он утешил меня. Мне он был нужен как друг, раз больше между нами ничего не могло быть. Но нет, говорила я себе, только не сейчас, когда мои чувства к нему так сильны. Как мы можем быть просто приятелями, щелкать вместе орешки во время бейсбольного матча, если я не в силах оторвать глаз от его губ и постоянно думаю о том, каково это — целоваться с ним.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Гарри положил мне на плечо руку. Мои родители все еще любовались рисунком.

— Я сбегая наверх и спрошу, хочет ли Джоэль кого-нибудь видеть, — предложила я Гарри. — Только, пожалуйста, не обижайся. Вполне вероятно, что она скажет «нет».

— Ну что ж, я поговорю с ней в другой раз, — согласился он, доставая ключи от машины.

Мама взяла его за руку.

— Пусть Карли спросит. Иногда Джоэль удивляет нас.

Это был как раз тот случай: она согласилась. Я отвела его наверх, указала на вторую дверь справа и спустилась к родителям на кухню.

В тот вечер мы ели то, что так и не смогли заставить себя съесть во время обеда. Мамины глаза то и дело наполнялись слезами, и она часто-часто моргала, чтобы не заплакать. Я заметила, что отец под столом держит ее за руку.

Гарри пробыл у Джоэль полтора часа. Я даже понятия не имела, о чем они говорили, но подумала, что раз Джоэль захотела, чтобы он остался, значит, эта встреча пойдет ей на пользу.

После того как Гарри ушел, мы с мамой положили на поднос еду, чтобы отнести ее Джоэль. Глаза мамы снова наполнились слезами, и я не знала, что делать.

— Давай, — мягко сказала она, — отнеси сама. Если я поплачу, моя посуда,

то почувствую себя лучше.

Я сделала над собой усилие, чтобы тоже не расплакаться. Я уже почти поднялась наверх, когда раздался звонок в дверь.

Открыл отец.

— Здравствуй, Хезер, — сказал он.

Как раз то, что нужно, — утешение от Хезер. «Но ведь это очень мило с ее стороны, — жестко сказала я самой себе. — Она о тебе заботится».

— Хезер и Люк, — сообщил мне отец и уточнил: — Ведь тебя зовут Люк, не так ли?

Я повернулась в их сторону.

— Джек.

— Привет, Хезер. Привет, Джек. — Мои губы меня не слушались.

— Давай я отнесу, Карли, — предложил папа. — А ты проведешь хоть немного времени с друзьями.

Я отдала ему поднос и спустилась вниз. Все трое молча стояли в холле, чувствуя себя ничуть не лучше, чем незнакомые друг другу люди, собравшиеся на похоронах. Мне меньше всего хотелось быть в их компании, и я размышляла о том, сколько они собирались потратить на меня своего драгоценного времени.

Хезер сжимала в руках букет цветов, обернутых в бумагу. Другую руку она держала на поясе Джека, просунув пальцы в петлю его ремня.

— Мы принесли Джоэль цветы, — сказала она. — Я не знаю, какие ей больше всего нравятся. Поэтому Джек спросил у меня, какие нравятся тебе. Надеюсь, они не выглядят слишком банальными.

— Маргаритки и гипсофилы. — Я старалась не смотреть на Джека. — Очень красивые. Джоэль они понравятся. Спасибо.

— Гарри нам обо всем сегодня рассказал, — заговорил Джек. — Мне очень жаль.

Я кивнула в ответ:

— Спасибо.

— Как у нее дела? — спросил он.

Я уткнулась носом в цветы, делая вид, что нюхаю их, а на самом деле пытаюсь скрыть лицо. Вот если бы маргаритки еще и пахли.

— Физически с ней все в порядке. Что касается остального, потребуется время.

— Мы можем чем-то помочь? — спросила Хезер.

«Мы». «Нам». Они действительно были вместе.

— Нет, но я очень благодарна вам за то, что вы пришли и принесли цветы. — Мой голос задрожал.

— О, Карли, мне так жаль, — Хезер с чувством обняла меня. Все было, как в старые добрые времена.

Как бы мне хотелось вернуть эти старые добрые времена. Как бы мне хотелось, чтобы Хезер и я всегда были лучшими подругами, чтобы я снова по-глупому влюблялась, а мое сердце принадлежало бы мне. Но больше всего на свете мне хотелось, чтобы Джоэль была такой, какой я помнила ее до того, как она отдала свое сердце Сэму, а затем его ребенку.

Хезер отпустила меня. Джек стоял не двигаясь, наблюдая за нами. О чем он думает? Если бы только я могла дотронуться до его руки.

Затем Хезер снова прижалась к нему:

— Ладно, Джек, нам пора. Карли очень устала. Говорила я тебе, надо было позвонить, прежде чем идти.

Она направилась к двери. Джек не пошел за ней. Он смотрел на меня так пристально, что мне казалось, он пытался прочесть мои мысли.

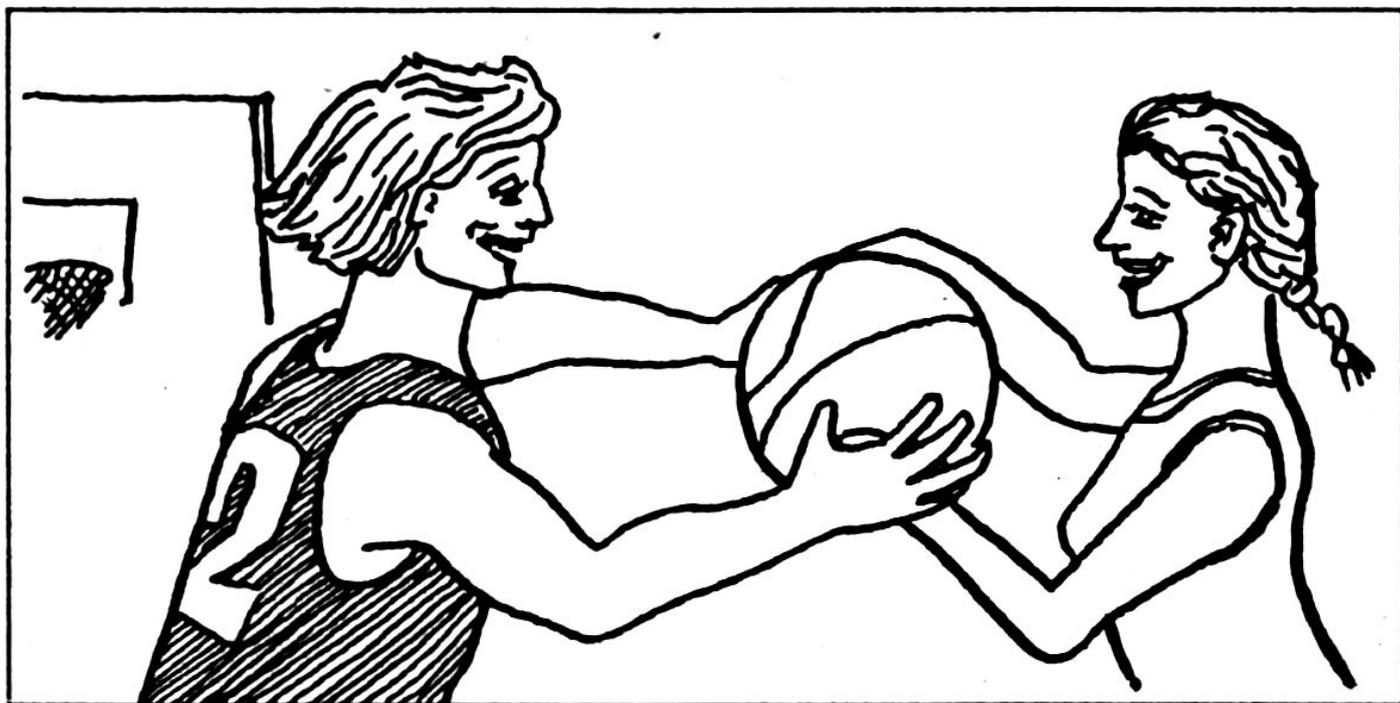
«Но он не может, — напомнила я себе. — И хорошо, что он не может читать мысли».

— Спасибо, что навестили, — сказала я.

Джек медленно кивнул.

Хезер вернулась за ним, и они ушли, держась за руки.

Я села на ступеньки, уставившись на маргаритки, лежавшие у меня на коленях. Я попыталась вспомнить слова одной из колыбельных, которые пел Джек во время ночевки в лагере. Я вспомнила, как он прижимал меня к себе той ночью и как взял меня за руку, когда я думала, что он спит. Я понимала, что такие воспоминания сделают меня еще более несчастной. Тем более что для Джека они ничего не значили. А мне никогда в жизни еще не было так плохо, как сейчас. И я не могла отказать себе в единственном утешении, которым было воспоминание о том, как Джек взял меня за руку той ночью и не отпускал.

18

В четверг мы с Джеком едва перекинулись парой слов, и выяснилось, что каждый из нас был слишком занят, чтобы разговаривать.

Мне осталось только пережить пятницу — последний день работы в лагере. Чтобы отпраздновать это событие, Гарри решил посвятить целый день играм и соревнованиям, подключив к этому всех детишек. Он купил им множество сладостей в магазине.

— Никто из ребят не уйдет домой с пустыми руками, — сказал он нам утром.

Мы наградили огромное количество ребят, получивших шестое, седьмое или восьмое места в этот день.

Когда дети пришли на обед, они увидели, что перед входом в столовую Джек организовал выставку их работ. Юные художники были переполнены гордостью и восторгом, особенно когда люди из колледжа останавливались полюбоваться их работами.

Я стояла возле работ, нарисованных ребятами Хау, на которых были изображены люди и животные, говорящие на какой-то смеси английского и вьетнамского языков.

Кто-то еще рассматривал их — кто-то, стоящий за моей спиной. Не Джек, это я знала точно; он держался на отдалении и рассматривал другую сторону выставки.

— Они просто превосходны! — сказала я, оборачиваясь. — Люк! — воскликнула я.

— Привет, Карли. — На меня смотрели его красивые глаза цвета морской волны.

— Ну и как тебе наши шедевры? — спросила я.

— Они очень насыщены цветами, — ответил он, улыбаясь.

«Если он когда-нибудь выигрывает Олимпийские игры, — подумала я, — он будет мечтой любого рекламодателя».

— Но некоторые цвета не соответствуют действительности, — добавил он. — Например, вон то голубое дерево.

— Мне так оно нравится.

— По-моему, на этих рисунках очень много девочек с рыжими волосами.

— Ты заметил, да?

— Они мне напоминают о тебе, — сказал он.

— Правда? Спасибо.

— А вот тут рыжеволосая девочка в футболке с сердцами.

Я улыбнулась.

— Это Мигель нарисовал. Помнишь, я тебе о нем рассказывала.

— Послушай, Карли. Завтра у нас показательные выступления в Кантонском университете. Начало в два часа. Будет на что посмотреть.

— Надеюсь, придет много народу, — сказала я. — Удачи тебе. Я знаю, ты отлично выступишь.

— Начало в два, но ты, может быть, занята, — продолжил он. — Мое выступление будет где-то в три тридцать. Приходи к этому часу. Уверен, тебе понравится.

— Извини, у меня правда очень много дел, — ответила я. — Но мне приятно, что ты меня пригласил. — Мне и вправду было приятно. Люк представлял свою девушку как обожающую его фанатку, но его приглашение польстило моему самолюбию.

— Жаль, жаль, я не упомянул об этом раньше, — вздохнул он и направился к выходу. Пройдя половину вестибюля, он неожиданно вспомнил о своей походке героя.

Когда забываемое тело Люка скрылось из виду, я заметила, что Джек и Анна наблюдали за ним с другой стороны выставки. Я напряглась. «Если Джек начнет дразнить меня по поводу Холестерина, я не выдержу», — подумала я. Но Анна ему что-то сказала, и он отвернулся, прежде чем это успела сделать я.

В три пятнадцать детишки собрались у автобуса, с гордостью прижимая к себе призы и рисунки. Были объятия и разрывающие душу прощания. Эта неделя стала казаться мне тяжелой неделей расставаний.

Когда наконец автобус отъехал, я и остальные вожатые остались на месте и махали на прощание. Но, проехав пятнадцать футов, он неожиданно остановился и подал назад. Пока все раздумывали, что там могло произойти, двери открылись и из окна автобуса выскочил Мигель. Он подбежал ко мне со своим рисунком:

— Вот, возьмите.

— Это мне? Ты даришь это мне? — Я взглянула на девочку в футболке с сердцами. Он кивнул, крепко сжимая губы. — Как здорово. Когда ты станешь известным игроком, можно, я принесу его с собой на стадион и ты дашь мне свой автограф?

Мигель обнял меня и снова побежал в автобус. Мы все шестеро медленно зашагали к офису. Надо было наводить порядок; и, думаю, мы были рады чем-то заняться, пока каждый из нас был занят своими мыслями о ребятах. Я собрала все спортивное снаряжение и отнесла в спортзал. Мне не понадобилось много времени для того, чтобы собрать мячи и убрать в шкафы сетки. Мне очень хотелось остаться здесь и поиграть в одиночестве, чтобы избежать

тягостных прощаний, последних на сегодняшний день. Я вытащила один мяч и вышла на игровую площадку. Встав на ограничительную линию, я несколько раз ударила по мячу и приготовилась к броску.

— Удар по мячу на отскоке!

Я повернулась и увидела Джека.

— Когда я бросаю мяч, я не промахиваюсь. — Он приподнял брови.

Я бросила мяч и не попала.

Он ударил по мячу на отскоке, когда тот отлетел от доски, и повел его возле меня.

— Мне нужно его убрать, — сказала я, протягивая руку.

— А мне нужно поговорить, — ответил он, ведя мяч в непосредственной близости от меня.

— Хорошо, тогда остановись и говори. — Я быстро выхватила у него мяч, но он так же быстро схватил меня за руку.

— Нам надо поговорить.

— Не представляю, о чем нам можно говорить.

— Карли, ты выглядишь такой несчастной. А я даже не знаю, как тебе помочь. — Забота на его лице не была притворной, она просто разбивала мое сердце.

— Не надо ничего делать, пожалуйста, — сказала я ему, проводя пальцем по углублению на баскетбольном мяче. — Это не твоя проблема, Джек. — Я отодвинулась от него. — Это правда, дела у меня сейчас не очень, но я сама себя подставила, мне и расхлебывать.

— Нет, — ответил он, — это я нас подставил, когда начал играть с Хезер.

— Ну уж извини, — парировала я. — Может быть, это и твоя заслуга, что все девчонки с вечеринки Стива стали за тобой бегать, но что касается тебя и Хезер, давай говорить без обиняков — это я вдохновила вас на эти отношения.

— Ты так в этом уверена. — Его глаза гневно засверкали. — Мне просто интересно, отчего ты всегда настолько уверена, что ты всем управляешь?

— Два очка, чистое попадание, — объявила я, бросив мяч и не задев кольца корзины.

Джек поймал его и увел за желтый крут.

— Три очка, — объявил он и, бросив мяч в корзину, повернулся ко мне. — Ты даже понятия не имеешь, что я пытаюсь сделать все это время.

— Отчего же, я очень даже себе представляю, — перебила его я. — Ты пытаешься переиграть меня в моей собственной игре.

— Какую игру ты сейчас имеешь в виду. Карли?

Я подбросила мяч.

— Скажи мне, о какой игре ты говоришь?

Я обежала его и резким движением левой руки послала мяч в корзину. Я была в бешенстве. Я и так проиграла в любви. Я не могла позволить, чтобы меня обошли в спорте. Он подбежал ко мне и сделал перехват.

Мяч отлетел в сторону после очередного попадания, и мы остановились.

— Ты знаешь, когда я в первый раз тебя встретил, — сказал он, — ну, в тот день, когда ты чуть меня не переехала, я подумал, что ты немного сумасшедшая и что тебе, пожалуй, надо постоянно носить шлем.

— Да? Мне это очень лестно слышать. — Я отодвинулась от него. Я ощущала почти физическую боль от его близости. Его голос, его запах, его прикосно-

вение — все это вызывало у меня самую острую реакцию.

— Но, наверное, я оказался даже более сумасшедшим, чем ты...

— Не могу не согласиться, — буркнула я, пытаюсь поймать мяч, который откатился от нас.

— ...потому что ты так была мне нужна.

Я оглянулась, чтобы посмотреть на его лицо.

— Что?

— Ты была мне необходима. Но тебя интересовал только Холестерин. — Он рассмеялся. — Сейчас, когда я об этом думаю, мне все это кажется очень забавным.

Я была потрясена. Что в этом могло быть забавного?

— Я так разозлился, — продолжал Джек, — когда ты решила воспользоваться мной, чтобы завоевать Холестерина. Но я согласился на встречу с тобой и Хезер в надежде на то, что ты узнаешь меня лучше и изменишь свое мнение обо мне. — Он посмотрел на меня своими невероятными голубыми глазами. — Ты знаешь, были моменты, как, например, в замке с привидениями, когда я думал, что у меня есть шанс.

Он пожал плечами и улыбнулся, как будто бы эти моменты ничего не значили.

— Ты давала мне советы, а сама ясно дала понять, что с ума сходишь по Холестерину. Мне пришлось ухаживать за Хезер. Я встречался с ней как можно чаще, уверенный в том, что скоро ей это прискучит. И это действительно произошло, и тогда мне в голову пришла замечательная идея. — Улыбка на его лице исчезла. Он покачал головой с таким выражением на лице, как будто он сам себе был противен.

— Идея? — переспросила я хриплым голосом. — Какая идея?

— Подыграть тебе, хоть я и считал это нелепым. С самого начала мне были противны все эти твои игры со свиданиями. Но все это казалось таким легким! Если бы я притворился, что мне нужно вернуть интерес к себе со стороны Хезер, у меня был бы предлог, чтобы назначить свидание тебе, предлог, в который бы ты поверила.

— О боже!

— Сейчас я чувствую себя последней крысой. Неважно, что Хезер использовала других, а я использовал ее, — я крыса. Что еще хуже, я все так здорово устроил, что даже не мог быть тебе другом. В среду вечером, у тебя дома, я только и думал о том, что мне хотелось дотронуться до тебя.

Он сделал шаг вперед. Я схватила баскетбольный мяч и так крепко его сжала, как будто в этом заключалось мое спасение. Хоть бы он не увидел, что меня всю трясет!

— Ты можешь его отпустить, — тихо сказал он. — Игра закончена.

— Да? — прошептала я. — А кто победил?

— Никто.

— Никто?

— Ну конечно, — выдохнул он. — Ни ты, ни я, ни Хезер. — Он повернулся и направился к выходу из зала.

Я смотрела ему вслед, все еще не веря тому услышанному. Он говорил серьезно. Все действительно закончилось. Он влюбился в меня и разлюбил, а я даже не заметила этого. Все это длилось так же долго, как прыжок в бассейн с

холодной водой. Мне осталась только ярость.

С минуту я смотрела, как он уходит; затем побежала к площадке и бросила мяч в корзину на противоположном конце спортзала. Мне очень хотелось разбить пластиковую доску под ней на тысячи мелких кусочков. Но вместо этого мяч изящно опустился в корзину.

Джек остановился и подождал, пока мяч докатился до его ног.

— Ты знаешь, если бы ты немного потренировалась, — сказал он с насмешливой улыбкой, — то была бы неплохим игроком.

— *А я и так* хороший игрок.

Он кивком показал в сторону корзины, затем ударил по мячу. Посылая его мне, он сделал это так, будто мы с ним играли в одной команде.

Но как только я поймала его, он тут же преградил мне путь. Я попыталась увести от него мяч, но Джек не отходил. Я повела мяч влево, затем вправо. Джек не отставал от меня ни на шаг. Отступив назад, я как будто бы случайно ударила его локтем в ребра и подпрыгнула, пытаюсь сделать бросок прямо в шаге от корзины. Мы столкнулись в воздухе.

— Не засчитывается! Задел рукой!

— Ты что, шутишь? Тайм-аут!

Мы стояли, тяжело дыша, и смотрели друг на друга.

— Карли, — сказал он таким тихим и прерывистым голосом, что я едва смогла его расслышать, — я люблю тебя. И для меня все это не закончилось. Я не могу перестать любить тебя и не знаю, что мне с этим делать.

Я почувствовала, что едва могу дышать. Чувства были так обострены, что я была в ужасе. Я постаралась, чтобы мой голос звучал легко и беззаботно.

— Очевидно, ты невнимательно слушал, когда я давала тебе все эти советы. Сначала он опешил, затем его глаза зажглись, и в них появилась надежда.

— Я... я помню некоторые из них.

Он обнял меня, наклонился и поцеловал меня в шею, сначала один раз, затем второй, третий — нежные, трепетные поцелуи.

Он отодвинулся и посмотрел на меня:

— Ты дрожишь!

— Да?

Он снова прижал меня к себе, обняв так крепко, будто не собирался отпускать никогда, затем его губы приблизились к моим.

— Карли, закрой глаза.

Я закрыла оба, а потом приоткрыла один.

Джек рассмеялся. Казалось, его губы превратились в улыбку на моем лице, и я чувствовала, как от смеха дрожит все его тело. Он нежно меня поцеловал, затем еще раз в ожидании, что я отвечу.

— Карли, — нежно прошептал он.

Отвечая на его поцелуй, я забыла обо всем на свете. Джек прекратил смеяться, и я почувствовала, как он напряжен.

Пустые серые спортзалы хороши не только для молитв, но и для поцелуев. Я не знаю, как долго мы оставались в объятиях друг друга. Наконец я произнесла:

— Мне... э-э... мне кажется, нам надо вернуться в офис.

Джек кивнул и отпустил Меня. Но как только я убрала на место мяч, он снова привлек меня к себе, и мы шли так до самого студенческого центра.

— Мои щеки очень красные? — спросила я.

Джек широко улыбнулся:

— Как яблоки.

— Мне кажется, все так будут удивлены узнать о нас с тобой. А ты как думаешь?

— Для Анны это, вероятно, не будет неожиданностью, — ответил он, — а вот все остальные удивятся. Думаю, Хау ни о чем не подозревает, а Гарри уж и подавно. Мы с тобой очень хорошо умеем притворяться, — добавил он, когда мы шли по коридору.

На двери офиса была прикреплена записка. Джек снова поцеловал меня, прежде чем мы прочли ее:

«Карли и Джек, извините, но больше ждать мы не можем. Встречаемся в «Пицца паласе» в 6.30 — будем отмечать окончание работы.

Увидимся там,

Гарри.

P.S. Хау сказал Хезер, что вы вместе с детьми поехали на автобусе и вернетесь не раньше, чем через несколько часов.

P.P.S. Не подведите меня, ребята.

Мне нравятся истории со счастливым концом!»

В голову Карли пришла потрясающая идея — найти парня для своей подруги. Веселый и прекрасно сложенный Джек — замечательная кандидатура. Настолько замечательная, что Карли начинают терзать сомнения. А не совершила ли она ошибку? Может быть, стоит увести красавчика, пока его чувства к подруге только зарождаются.

ISBN 5-17-004701-0

9 785170 047017

В голову Карли пришла потрясающая идея — найти парня для своей подруги. Веселый и прекрасно сложенный Джек — замечательная кандидатура. Настолько замечательная, что Карли начинают терзать сомнения. А не совершила ли она ошибку?

Может быть, стоит увести красавчика, пока его чувства к подруге только зарождаются.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.